

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

2024

Том 8 № 4

Dostoevsky Omsk State University

LAW ENFORCEMENT REVIEW

2024

Vol. 8 no. 4

ПРАВООПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 8, № 4 • 2024

Выходит четыре раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Главный редактор – А.Н. Костюков, заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.В. Маслов, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.А. Пономарева, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.А. Азаров – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Н. Бабурин – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Ассоциации юридических вузов России, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

А.В. Габош – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, научный руководитель юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Москва, Россия)

Е.В. Гриценко – профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Л.В. Зайцева – заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, д-р юрид. наук, доц. (г. Тюмень, Россия)

И.А. Исаев – заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

М.П. Клейменов – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Д. Князев – профессор кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

С.А. Авакьян – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, лауреат премии имени А.Ф. Кони Российской академии наук (г. Москва, Россия)

К.В. Арановский – судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, д-р юрид. наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

А.В. Бутаков – профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

В.В. Векленко – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ю.В. Голик – профессор кафедры юриспруденции Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, д-р юрид. наук, проф., академик Международной Славянской Академии, академик Сербской академии наук и образования (г. Елец, Россия)

Г.А. Василевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Стефания Карневале – ассоциированный профессор кафедры уголовного процесса Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Мария Карфикова – профессор кафедры финансового права и финансовой науки Карлова университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Прага, Чехия)

В.А. Малиновский – член Конституционного Совета Республики Казахстан, д-р юрид. наук, проф. (г. Астана, Казахстан)

Горазд Мешко – директор института уголовного правосудия и безопасности Университета Марибора, д-р юрид. наук, проф., Президент Европейского общества кримиологов (г. Марибор, Словения)

Махеш Налла – профессор Школы уголовного правосудия Мичиганского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Лансинг, США)

Срето Ного – профессор факультета права, государственного управления и безопасности Университета Джона Несбитта, доктор права, президент Сербской королевской академии наук и искусств, генеральный секретарь Международной ассоциации международного уголовного права (г. Белград, Сербия)

Славомир Преснарвич – судья Высшего административного суда, д-р юрид. наук, проф. (г. Варшава, Польша)

Элизабетта Сильвестри – профессор кафедры гражданского процессуального права Университета Павии, д-р юрид. наук, член Комитета Министерства юстиции Италии по реформе гражданского процесса (г. Павия, Италия)

Бронюс Судавичюс – профессор кафедры публичного права Вильнюсского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Вильнюс, Литва)

Лю Сянвэнь – заведующий Центром российского права Института права Чжэнчжоуского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Чжэнчжоу, Китай)

Серена Форлати – директор Центра европейских правовых исследований международной организованной преступности, профессор факультета права Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Лю Хунянь – заведующий Исследовательским центром экологического права Института права Академии общественных наук КНР, д-р юрид. наук, проф. (г. Пекин, Китай)

Андреас Штайнингер – профессор экономического права в Университете г. Висмара, д-р юрид. наук (г. Висмар, Германия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.Б. Исаков – ординарный профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, академик МАН ИПТ (г. Москва, Россия)

А.Д. Керимов – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, главный редактор научного журнала «Российский журнал правовых исследований», д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

А.И. Коробеев – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Владивосток, Россия)

С.Э. Несмелюва – профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор института дополнительного образования, д-р юрид. наук, проф. (г. Екатеринбург, Россия)

В.В. Сонин – научный сотрудник кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, канд. юрид. наук (г. Владивосток, Россия)

Е.С. Шугрина – профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., член Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления (г. Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Славомир Преснарвич – судья Высшего административного суда, д-р юрид. наук, проф. (г. Варшава, Польша)

Элизабетта Сильвестри – профессор кафедры гражданского процессуального права Университета Павии, д-р юрид. наук, член Комитета Министерства юстиции Италии по реформе гражданского процесса (г. Павия, Италия)

Бронюс Судавичюс – профессор кафедры публичного права Вильнюсского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Вильнюс, Литва)

Лю Сянвэнь – заведующий Центром российского права Института права Чжэнчжоуского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Чжэнчжоу, Китай)

Серена Форлати – директор Центра европейских правовых исследований международной организованной преступности, профессор факультета права Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Лю Хунянь – заведующий Исследовательским центром экологического права Института права Академии общественных наук КНР, д-р юрид. наук, проф. (г. Пекин, Китай)

Андреас Штайнингер – профессор экономического права в Университете г. Висмара, д-р юрид. наук (г. Висмар, Германия)

Адрес редакции: 644099, Россия, Омская область, г. Омск, ул. Фрунзе, 6, каб. 704. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-73726 от 21 сентября 2018 года.

Журнал включен в перечень ВАК.

Объединенный подписной каталог «Пресса России». Индекс 41286. Свободная цена.

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте <http://enforcement.omsu.ru>.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Дата выхода: 16.12.2024. Ризографическая печать. Формат 60x84 1/8. Заказ 326. Тираж 25 экз.

Редактор Д.С. Нерозник. Технический редактор Е.В. Лозовая. Дизайн обложки З.Н. Образова.

Отпечатано в типографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Адрес издателя и типографии: 644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 8, no. 4 • 2024

Published four times a year

FOUNDER AND PUBLISHER

Dostoevsky Omsk State University

Chief editor – Alexander N. Kostyukov, Head, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Kirill V. Maslov, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Karina A. Ponomareva, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Vladimir A. Azarov – Head, Department of Criminal Process and Criminalistics, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey N. Baburin – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, President, Association of Law Universities of Russia, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Sergey Yu. Chucha – Chief Researcher, Sector of Procedural Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, retired President of Moscow Arbitration Court, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Andrey V. Gabov – Corresponding member, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Academic Director, Law Institute of Belgorod State University, Doctor of Law, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elena V. Gritsenko – Professor, Department of Constitutional Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Igor A. Isaev – Head, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Mikhail P. Kleymenov – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey D. Knyazev – Professor, Department of Administrative and Financial Law, St. Petersburg University, Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Marina V. Sentsova (Karaseva) – Head, Department of Finance Law, Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Worker of Higher School of Russia (Voronezh, Russia)

Elena G. Shablova – Head, Academic Department of Legal Regulation of Economic Activities, Ural Federal University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia)

Vladimir L. Slesarev – Head, Contract Law Department, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lydia A. Terekhova – Head, Department of Civil and Arbitration Process, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher School (Omsk, Russia)

Tatyana F. Yashchuk – Head, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, member of Russian Higher Qualification Collegium of Judges, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Larisa V. Zaitseva – Head, Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Doctor of Law, Associate Professor (Tyumen, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Konstantin V. Aronovsky – Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Suren A. Avakyan – Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Russian Academy of Science Award (Koni Prize) winner (Moscow, Russia)

Alexander V. Butakov – Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Yuriy V. Golik – Professor, Department of Jurisprudence, Bunin Yelets State University, Doctor of Law, academician of International Slavic Academy, academician of Serbian Academy of Science and Education (Elets, Russia)

Vladimir B. Isakov – Distinguished Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Higher School of Economics, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, academician of International Academy of Science, Information and Information Technologies (Moscow, Russia)

Alexander D. Kerimov – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, chief editor, scientific journal "Russian journal of legal studies", Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Alexander I. Korobeev – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Vladivostok, Russia)

Svetlana E. Nesmeyanova – Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Director of the Institute of Further Education, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Ekaterina S. Shugrina – Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, member of Presidential Council on Local Self-Government Development (Moscow, Russia)

Victor V. Sonin – Researcher, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, PhD in Law (Vladivostok, Russia)

Vasily V. Veklenko – Professor, Department of Criminal Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

INTERNATIONAL MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Stefania Carnevale – Associate Professor, Department of Criminal Procedure, University of Ferrara, PhD (Ferrara, Italy)

Serena Forlati – Director, Centre for European Legal Studies on Macro-Crime, Department of Law, University of Ferrara, Professor, PhD (Ferrara, Italy)

Liu Hongyan – Head, Environmental Law Research Center, Institute of Law, Chinese Academy of Social Sciences, Doctor of Law, Professor (Beijing, China)

Marie Karfikova – Professor, Department of Financial Law and Financial Science, Charles University in Prague, Doctor of Law, Professor (Prague, Czech Republic)

Victor A. Malinowskiy – member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor (Astana, Kazakhstan)

Gorazd Mesko – Director, Institute of Criminal Justice and Security, University of Maribor, Doctor of Law, Professor, President of the European Society of Criminology (Maribor, Slovenia)

Mahesh Nalla – Professor, School of Criminal Justice, Michigan State University, PhD, Professor (Lansing, USA)

Sreto Nogo – Professor, Faculty of Law, Public Administration and Security, John Naisbitt University, PhD (Belgrade, Serbia)

Slawomir Presnarowicz – Judge, Supreme Administrative Court, Doctor of Law, Professor (Warsaw, Poland)

Liu Xiangwen – Head, Centre of Russian Law, Law School, Zhengzhou University, Doctor of Law, Professor (Zhengzhou, China)

Elisabetta Silvestri – Professor, Department of Civil Procedural Law, University of Pavia, PhD, Professor, member of Italian Ministry of Justice Committee for the reform of Italian civil procedure (Pavia, Italy)

Andreas Steininger – Professor of business law, University of Wismar, Doctor of Law (Wismar, Germany)

Bronius Sudavičius – Professor, Department of Public Law, Vilnius University, Doctor of Law (Vilnius, Lithuania)

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding member, National Academy of Sciences of Belarus, Head, Department of Constitutional Law, Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Address of editorial board: off. 704, 6, Frunze ul., Omsk, Omsk Oblast, 644099, Russia. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration number ПИ № ФС 77-73726 of September 21, 2018.

Included in HAC list.

United subscription catalog "The Russian Press". Index 41286. Free price.

Full text version of the Journal is available at its website <http://enforcement.omsu.ru>.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

Manuscripts are not returned to the authors.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

Copyright. All rights protected.

Date of publication: December 16, 2024. Risograph printing. Format 60×84 1/8. Order 326. Circulation of 25 copies.

Editor D.S. Neroznik. Technical editor E.V. Lozovaya. Design of cover Z.N. Obrazova.

Published by Dostoevsky Omsk State University.

Address of publisher and printing house: 55-A, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 8, № 4 • 2024

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Малько А.В., Трофимов В.В., Самородов В.Ю.</i> Правовое сотворчество и культура: актуальные аспекты взаимовлияния	5
---	---

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

<i>Аничкин Е.С., Маньковский И.Ю.</i> Конституционно-правовой статус глав и правительств Донецкой и Луганской народных республик: трансформация после принятия республик в состав Российской Федерации.....	15
<i>Гречкина О.В., Душакова Л.А., Шмалый О.В.</i> Законодательство в области образования в контексте стратегий социально-экономического развития и национальной безопасности	24
<i>Пономарева К.А., Батарин А.А., Вишневская Н.Г.</i> О направлениях совершенствования правового механизма налога на профессиональный доход	34
<i>Третьяк И.А.</i> Конституционно-правовые аспекты посмертной репродукции в России и зарубежных странах	44
<i>Задорин М.Ю., Гладун Е.Ф.</i> Государственная политика зарубежных арктических стран в области адаптации к изменениям климата: на примере «национальных адаптационных планов».....	54
<i>Кузнецова С.С.</i> Правовое регулирование цифрового профилирования человека в практике зарубежных стран	63
<i>Соколов Т.В.</i> Конституционные юстициарные права: к выявлению и осмыслению феномена	73

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

<i>Дитятковский М.Ю.</i> Об отдельных аспектах международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления.....	83
---	----

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

<i>Александров А.Н., Дизер О.А., Недоступенко Т.А.</i> Формирование доктринального подхода к общественной опасности как признаку преступлений и административных правонарушений	93
<i>Курындин П.А.</i> Право быть выслушанным: на пути к общему принципу административного права.....	103

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

<i>Шевелева С.В., Шевелев Н.Р.</i> Уголовно-правовое значение воли потерпевшего для признания его уголовно-процессуального статуса	113
---	-----

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

<i>Шепенко Р.А., Рыжкова И.В.</i> Экономические санкции и право ВТО.....	123
<i>Хаванова И.А.</i> Каверзы отсылок к временно недействующим нормам международных налоговых договоров	133
<i>Бахин С.В.</i> «Санкционное право»: постановка проблемы	143

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

<i>Филиппова Т.А., Титаренко Е.П., Корнеева А.В.</i> Правовое регулирование законного режима имущества супругов в России и Болгарии: сравнительно-правовой аспект.....	153
Правила для авторов	163

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 8, no. 4 • 2024

Published four times a year

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

Malko A.V., Trofimov V.V., Samorodov V.Yu. Legal co-creation and culture: current aspects of mutual influence 5

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

Anichkin E.S., Mankovskiy I.Yu. The constitutional and legal status of the Heads and Governments of the Donetsk and Luhansk People's Republics: transformation after the Republics were admitted to the Russian Federation 15

Grechkina O.V., Dushakova L.A., Shmaliy O.V. Education legislation in the context of socio-economic development and national security strategies 24

Ponomareva K.A., Batarin A.A., Vishnevskaya N.G. On the directions of improving the legal mechanism of the professional income tax 34

Tretiak I.A. Constitutional aspects of posthumous reproduction in Russia and foreign countries 44

Zadorin M.Yu., Gladun E.F. Arctic states' policy on climate change adaptation: examples of national adaptation plans 54

Kuznetsova S.S. Legal regulation of digital profiling of a person in the practice of foreign countries 63

Sokolov T.V. Constitutional justiciary (procedural) rights: towards identifying and understanding the phenomenon 73

THE LAW ENFORCEMENT BY LOCAL AUTHORITIES

Dityatkovsky M.Yu. On certain aspects of international and foreign economic relations of local self-government bodies 83

THE LAW ENFORCEMENT BY THE ADMINISTRATIVE JURISDICTION BODIES

Alexandrov A.N., Dizer O.A., Nedostypenko T.A. Formation of a doctrinal approach to public danger as a sign of crimes and administrative offenses 93

Kuryndin P.A. The right to be heard: towards a general principle of administrative law 103

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

Sheveleva S.V., Shevelev N.R. The criminal legal significance of the victim's will for the recognition of his criminal procedural status 113

THE LAW ENFORCEMENT IN INTERNATIONAL LAW

Shepenko R.A., Ryzhkova I.V. Economic sanctions and WTO law 123

Khavanova I.A. The complexity of references to the temporarily suspended norms of international tax treaties 133

Bakhin S.V. "Sanctions law": problem statement 143

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

Filippova T.A., Titarenko E.P., Korneeva A.V. Legal regulation of the statutory matrimonial regime in Russia and Bulgaria: a comparative legal aspect 153

Author guidelines 163

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340.1

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(4).5-14

ПРАВОВОЕ СОТВОРЧЕСТВО И КУЛЬТУРА: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ*

А.В. Малько, В.В. Трофимов, В.Ю. Самородов

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

04 июня 2024 г.

Дата принятия в печать –

10 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Право, культура, правовое
сотворчество, сотрудничество,
правовая культура,
политическая культура,
правотворчество, культура
правотворчества и
правоприменения

Анализируется явление правового сотворчества публичной власти и гражданского общества как выражения совместной деятельности субъектов государственно-правовых отношений, направленной на созидание и конструктивное преобразование юридической формы социальных связей, осуществляемого, прежде всего, в рамках правотворческой деятельности государства, а также в ходе практической реализации права (в рамках процессов правоприменения). Устанавливается, что правовое сотворчество – необходимый, обусловленный культурой общества ресурс в правовой системе государства, позволяющий достигать более качественных и социально адекватных правотворческих и правоприменительных результатов (решений). Предлагаются научные тезисы в развитие теоретических основ проблемы правового сотворчества. Отмечается, что правовое сотворчество есть показатель высокого уровня социальной и правовой культуры. Констатируется и обратное позитивное влияние правового сотворчества на культуру в государстве вообще и правовую культуру в частности. Характеризуются теоретические и практические аспекты взаимосвязи и взаимовлияния правового сотворчества и культуры.

LEGAL CO-CREATION AND CULTURE: CURRENT ASPECTS OF MUTUAL INFLUENCE**

Alexander V. Malko, Vasily V. Trofimov, Vladimir Yu. Samorodov

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Article info

Received –

2024 June 04

Accepted –

2024 September 10

Available online –

2024 December 20

Keywords

Law, culture, legal co-creation,
cooperation, legal culture, political
culture, law-making, culture of
law-making and law enforcement

The subject of the research is the institute of legal co-creation of public authorities and civil society as a practical expression of the joint activities of subjects of state-legal relations aimed at the creation and constructive transformation of the legal form of public relations, carried out primarily within the framework of law-making activities of the state, as well as during the practical implementation of law (within the framework of law enforcement processes) in connection with the phenomenon of culture society and its legal culture. The stable interrelation of legal co-creation and culture in the state is revealed, in which there is a mutually beneficial positive influence of culture on the effectiveness of mechanisms of legal co-creation and legal co-creation on culture.

The purpose of the research is to establish and substantiate aspects of the interrelation and mutual influence of the phenomenon of legal co-creation of public authorities and civil society and the culture of society (legal culture as its variety), the formation and development of theoretical positions in the plane of the ongoing study (research) of the phenomenon of legal co-creation.

Methodology. The interdisciplinary approach serves as the basic methodological basis, which provides a synthesis of methodological tools of jurisprudence (formal legal, instrumental legal, etc. approaches) and methodological techniques and achievements of

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>.

** The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>.

related socio-humanitarian fields of knowledge (cultural studies, sociology, psychology, political science, etc.), which allows a comprehensive and in-depth study of the phenomenon of legal co-creation as a complex social and legal phenomenon.

The main results. In the course of the research, it is proved that legal co-creation is a necessary resource in the legal system of the state, conditioned by the culture of society, which allows achieving higher-quality and socially adequate law-making and law enforcement results (decisions). Scientific theses are proposed to develop the theoretical foundations of the problem of legal co-creation. It is noted that legal co-creation is an indicator of a high level of social and legal culture. The opposite positive influence of legal co-creation on culture in the state in general and legal culture in particular is also stated. The theoretical and practical aspects of the interrelation and mutual influence of legal co-creation and culture are characterized.

Conclusions. Legal co-creation and culture are very closely interrelated and mutually influence each other. On the one hand, culture creates conditions for better and more effective legal co-creation of public authorities and civil society institutions. Moreover, it contributes to the formation of a special culture of legal co-creation, which in many ways acts as a special kind of culture of law-making in general, but also manifests itself noticeably in the processes of legal realization (where, among other things, it is required to involve active creative dialogical principles to solve issues related to the application of law), accordingly increasing the level of culture of legal realization. On the other hand, legal co-creation provides strategic and tactical “regulatory and legal services” to the culture of society, including a cross-section of legal culture, contributes to raising its level through legal means expressed both in federal laws and other regulatory legal acts, and within the framework of various types of state legal policy.

1. Введение

В современных условиях, когда происходят тектонические сдвиги в международных отношениях и формируется многополярный миропорядок, необходимы соответствующие изменения и во внутригосударственной жизни стран. Всё более востребованной становится мобилизация совместных усилий органов публичной власти и институтов гражданского общества. Особую роль здесь может сыграть правовое сотворчество государственных и социальных структур, которое позволит сообща решать многие возникающие весьма сложные проблемы.

При этом, обращаясь к такой сложной категории, как правовое сотворчество, следует учитывать, что ее полноценное осмысление невозможно без опоры на междисциплинарные знания. Так, культура как результат творчества, охватывающая все сферы социальной, в том числе и правовой, жизни, проникает и во многом опосредует процессы, связанные с правовым сотворчеством. В свою очередь, процессы правового творчества и сотворчества влияют на социальную, политическую и правовую культуру, воспроизводя и совершенствуя ее, обеспечивая развитие политико-демократических и нормативно-правовых начал. С данных позиций рассмотрение правового сотворчества совместно с культурой видится перспективным предметным направлением науки и практики права, имеющим значение с

точки зрения оптимизации механизмов правотворчества и правоприменения.

2. Общая характеристика правового сотворчества как явления и категории: потенциал междисциплинарного исследования

Юридическая наука консервативна, и, наверное, по этой причине многие вещи, которые в других областях научных знаний уже в той или иной мере практикуются (взять, к примеру, тот же жизненный подход в экономике и политологии в виде соответствующих категорий «экономическая жизнь» и «политическая жизнь»), в ней (в качестве категории «правовая жизнь») довольно долго не могут пробить себе места. То же происходит и с категорией «сотворчество», которая активно используется в социологии, политологии и психологии, но в юридической науке ее практически не использовали. Однако и в этой части произошли изменения, и понятие «сотворчество» стало вступать в конвергенцию с правом, образуя новую категорию «правовое сотворчество», под которым понимается «процесс совместного деятельностного взаимодействия государственных и общественных институтов, различных политических и социальных акторов в рамках правового поля (пространства правовой жизни), в результате которого рождается некая новая правовая реальность (в виде нормативных правовых положений и образцов их реализации) или же происходит об-

новление традиционной (с привнесением неких новых элементов в форму, структуру и содержание права)» [1, с. 109].

Вместе с тем хотелось бы предложить следующие признаки правового сотворчества, которые, на наш взгляд, будут развивать и конкретизировать вышеприведенную дефиницию:

1. Правовое сотворчество – разновидность как творчества, так и в большей степени сотрудничества власти и общества. Сотрудничать же, согласно Словарю Ожегова, значит «действовать вместе, принимать участие в общем деле»¹, а следовательно, совместными усилиями что-то созидать или даже «творить», формируя новые элементы социальной культуры, в данном случае – правового свойства.

2. Оно выступает высшей формой сотрудничества, вовлекая в государственное управление граждан и структуры общества, где требуется проявлять особую волю, пассионарность и ответственность, определяя новые юридические правила для остальных форм взаимодействия, всей правовой жизнедеятельности социума.

3. Субъекты – это, с одной стороны, органы публичной власти, а с другой, институты гражданского общества, выступающие в виде активных самостоятельных участников правотворчества и одновременно в качестве «совместного» своего рода гибридного актора.

4. Объект – общественные отношения, которые должны быть организованы в результате данного сотворчества, что выражается в принятии юридической нормы.

5. Содержание воплощается в совершении субъектами действий, «соучаствующих» в управлении государственными и общественными делами посредством совместно создаваемой правовой формы. В этой связи возрастает коммуникативно-обеспечительная роль права, упорядочивающая данные отношения субъектов (государства и общества), содействующая их надлежащей организации (см., напр.: [2]).

6. Правовое сотворчество осуществляется в сфере правотворческой деятельности. В то же время стоит указать на присутствие правового сотворчества

и в области правоприменительной деятельности. На этом уровне также проявляются творческие и со-творческие начала, выражающиеся в вынесении того или иного индивидуально-определенного правового решения, что, безусловно, предполагает интеллектуальные и в чем-то креативные усилия его «разработчиков» как со стороны властных применителей права, так и со стороны адресатов актов применения права (актов индивидуального правового регулирования). К примеру, с учетом позиций истцов и ответчиков в судебном производстве происходит создание правосудных решений; такой же общий результат-решение на основе солидаризации усилий участников по делу складывается в процессе реализации медиативных процедур²; на основе позиций заявителей, уполномоченных субъектов – участников правовых отношений могут формироваться акты применения права распорядительного характера – юридически значимые решения о строительстве зданий, сооружений, об использовании земельных участков, принимаемые в том числе через процедуры общественных обсуждений, публичных слушаний [3] с жителями территорий³ и пр.).

7. Правовое сотворчество – это один из важнейших способов правотворческой консолидации институтов гражданского общества и структур публичной власти. Если власть и общество на этой почве способны выработать общую платформу для действий, то и в правореализационных форматах, думается, между ними не станут возникать какие-либо острые противоречия.

8. Оно призвано содействовать достижению совместных целей при принятии правотворческого продукта (нормативных правовых актов, нормативных договоров и т. д.), в которых согласуются и удовлетворяются интересы сторон (государства и общества). Верно подмечено, что для «инициации и реализации плодотворного взаимодействия обе стороны должны уметь сопоставлять свою функционально-целевую ориентацию с целевым предназначением другой стороны, чтобы найти “дополняющую” и взаимоприемлемую нишу в своей повседневной работе с участием другой стороны...» [4, с. 98–99].

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Русский язык, 1991. С. 750.

² Статья 3 «Принципы проведения процедуры медиации» Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» гласит: «Процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфи-

денциальности, *сотрудничества* (курсив наш. – Авт.) и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора». – Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

³ См., напр., ст. 5.1 Градостроительного кодекса РФ (Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16).

9. Будучи высшей формой сотрудничества, которая базируется на согласии и доверии, оно предопределяет позитивное содержание правовой жизни, которое привносится в таковую «тогда, когда социальные субъекты (субъекты права) вступают в отношения сотрудничества (солидарности), выражают намерение сообща решать существующие проблемы и задачи, строить свои отношения на началах доверия, взаимопонимания и взаимной поддержки» [5, с. 42].

10. Правовое сотворчество – один из показателей степени цивилизованности, демократичности и высокого уровня развития институтов государственной власти и гражданского общества. «Реализация возможностей активного и ответственного участия граждан, гражданских институтов в происходящих в государстве процессах... составляет один из главных показателей идентичности и степени зрелости современного гражданского общества» [6, с. 76].

Исходя из названных признаков, предлагаем следующее определение, которое, как нам представляется, будет дополнять приведенное ранее. **Правовое сотворчество** – это высшая форма сотрудничества в правовой сфере между органами публичной власти и институтами гражданского общества, призванная согласовывать их интересы (облекаемые затем в соответствующие правовые творческие или даже правоприменительные акты), выступающая составной частью позитивной правовой жизни и одним из главных показателей степени цивилизованности, народовластия и зрелости как государства, так и социума.

Процессы правового сотворчества, являясь неким более высоким продолжением положительной социальной коммуникации между органами публичной власти и институтами гражданского общества, выступают своего рода проявлением роста социальной и правовой культуры. Поэтому вряд ли можно представить рассмотрение этого феномена вне социокультурного контекста и связи с социальной и правовой культурой. Этим во многом диктуется в том числе и более активное применение к рассматриваемой проблеме культурологического подхода (см., напр.: [7]).

3. Правовое сотворчество в контексте социальной, политической и правовой культуры: к вопросу о некоторых теоретико-методологических аспектах идентификации

На состояние правового сотворчества (как в целом и на правовую систему, и право, как ее ядро) значительное воздействие оказывает культура. В

силу того известного факта, что право (и, соответственно, производные от него явления) есть продукт культуры, верно подмечено, что «чем культурнее общество, тем в большей степени сказывается сознательное воздействие человека на процессы развития права...» [8, с. 36], что «культура и право как важнейшее ее звено должны быть развернуты в сторону перспектив совершенствования человека – участника общего дела через **сотворчество** (выделено нами. – Авт.), соразвитие, сотрудничество...» [9, с. 8].

Под культурой обычно понимают все достижения человечества (см., напр.: [10, с. 761]), ведь она – сугубо человеческий мир, то, что присутствует «человеческого» в мире, т. е. специфика социальности (социального бытия) проявляется именно в культуре [11, с. 172]. Культуру можно оценивать и как процесс развития системы «надбиологических программ человеческой жизнедеятельности», существенными моментами которой выступают ее историческая обусловленность и функциональная роль в обеспечении воспроизводства и изменения социальной реальности; как совокупность знаний, накопленных в ходе цивилизационного развития, норм поведения, идей, идеалов, целей, социального опыта и других явлений [12; 13]. Важным также представляется понимание закономерностей развития культуры через деятельностные творческие человеческие процессы, при помощи которых воспроизводится и совершенствуется культура, обеспечивается общественный прогресс. Так, советскими исследователями в рамках динамической концепции культура определялась как социально значимая творческая деятельность, направленная на преобразование действительности [14, с. 34–35]. Данная теоретико-методологическая матрица и в настоящее время представляет важное эвристическое значение для понимания связи творчества, сотворчества и культуры и может быть применима к изучению процессов на уровне правового сотворчества.

Культура многолика и разнообразна. Она находит свое проявление в социальном взаимодействии во всех сферах жизнедеятельности общества, выступая ее качественной характеристикой. Не случайно замечено, что проблема культуры – это «проблема взаимодействия людей в процессе их совместной деятельности» [15, с. 16].

Так, в политической жизни общества исследуют свой аспект культуры. Наряду с культурой политической и парламентской выделяют и культуру парламентаризма. По сравнению с категориями «политическая культура» и «парламентская культура»

понятие «культура парламентаризма», выступая составной частью политической культуры общества, является относительно новым и практически неразработанным в зарубежной и отечественной политической науке. Если парламентская культура относится к депутатскому корпусу, то культура парламентаризма отражает состояние гражданского общества и прежде всего возможность активно влиять на работу институтов представительной демократии. Культура парламентаризма предполагает высокую электоральную активность, понимание значения парламента в системе разделения властей, уважение прав политической оппозиции, публичность и гласность в обсуждении и принятии депутатским корпусом законов, обнародовании принятых решений. Более того, культура парламентаризма немыслима без различных форм общественного контроля за народными избранниками и в целом за институтами политической власти [16, с. 134]. Не случайно в литературе подчеркивается, что «в политологическом смысле мы определяем парламентаризм как **сотворчество** (здесь и далее выделено нами. – Авт.) государства и гражданского общества по осуществлению демократического управления с признанием морального императива и особенной ведущей роли парламента. Тогда постоянное ощущение государством и обществом друг друга в этом процессе определяет культуру парламентаризма. Определение характера взаимодействия государства и общества как **сотворчества** имеет ключевое значение, ибо открывает путь к пониманию роли развития культуры парламентаризма в процессах демократических преобразований... Диалог парламентария с избирателями, со всеми гражданами призван лежать в основе их **сотворчества** над законопроектами. Культура требует определенного равновесия духовных и материальных ценностей, направленности не на жесткий, а на демократический идеал, которым логично считать умение людей сосуществовать, умение достигать компромисса, договоренностей, консенсуса...» [17, с. 271].

Правовое сотворчество, будучи тесно связанным с социальной и политической культурой (включающей в себя парламентскую культуру и культуру парламентаризма), в наиболее тесном переплетении развивается и с культурой правовой, включающей в себя правотворческую и правореализационную культурные составляющие. Если под правовой культурой можно понимать уровень правосознания и правовой активности общества, степень прогрессивности юридических норм и юридической дея-

тельности, то, рассматривая в этой связи правовое сотворчество как выражение правовой культуры общества, можно констатировать, что таковое, будучи высшей формой сотрудничества, также воплощает по сути идеалы социального правового сознания, не только нацеленного на восприятие действующего («сущего») права, но и активно ведущего право к своим характеристикам «должного». При этом важной основой для многочисленных правосотворческих процессов выступает культура правотворчества, которая предполагает обеспечение максимально широкого участия граждан в принятии государственных решений [18, с. 29]. Таким образом, правовое сотворчество опосредуется социальной, политической и правовой культурой, что определяет их закономерное взаимовлияние.

4. Взаимовлияние правового сотворчества и культуры

Как отмечено ранее, сотворчество подвержено влиянию правовой культуры. Так, применительно к правовым реалиям можно констатировать интенсификацию и трансформацию правового сотворчества органов публичной власти и гражданского общества в связи с развитием цифровой культуры правовых процессов (см., напр.: [19]). Это усиливает данное взаимовлияние и приводит к изменениям в сфере правотворчества и правового сотворчества. В частности, в современных исследованиях указывается на изменение ролей типичных субъектов правотворчества («законодатель как посредник», правотворческий краудсорсинг и др.) [20, с. 68], на что также обращают внимание зарубежные исследователи (см., напр.: [21–23]). Культура выражается как в процессуальных формах правового сотворчества, так и непосредственно в результатах правового сотворчества, которые наполняются ценностным содержанием и «работают» на общее развитие правовой жизни.

От уровня общей и правовой культуры во многом зависит процесс взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества, что, несомненно, оказывает влияние и на процесс их правового сотворчества, качество и эффективность его результатов. Работоспособность правотворческой системы в таком случае можно рассматривать основным образом в контексте культурных форм коммуникации политико-правовых субъектов. Процесс правового сотворчества властных и социальных структур выступает признаком высокого уровня культуры правотворчества [24, с. 81].

Культура влияет не только на правотворческую, но и на правоприменительную деятельность, на со-

творческие процессы в этой сфере. Ее недостаток приводит к дефектам в реализации и в официальном толковании юридических норм, что порождает негативные последствия в отношениях общества и государства [25, с. 9–10]. «Понятие правовой культуры настолько универсально, что охватывает не только ценностный срез юридической действительности, но и служит для оценивания видов правотворчества, нормативно-правового массива и юридической практики» [26, с. 31].

В свою очередь, правовое сотворчество государства и общества оказывает обратное влияние на культуру (в том числе и на культуру правовую). Развитие правосотворческих механизмов и участие субъектов в этих процессах «поднимает» культурный уровень всех связанных с этим правовых явлений. Это касается непосредственно и принятия законов и иных нормативных правовых актов, содействующих развитию социальной и правовой культуры (уже принятых федеральных законов «Об образовании в Российской Федерации», «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и др. или предлагаемых к принятию «Об охране культурных ценностей», «О праве граждан Российской Федерации на культурную идентичность» и др. [26, с. 6]). Но также речь должна идти и о том, когда субъекты правового сотворчества участвуют в формировании и реализации различных видов правовой политики, выражая тем самым новый, более высокий уровень культуры формирования государственно-правовой системы страны. На реализацию именно таких коммуникативных механизмов нацеливают Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808, где данная политика определяется как «деятельность, осуществляемая органами публичной власти при участии институтов гражданского общества, направленная на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России»⁴; в п. 6 раздела II данного указа при характеристике оснований для выработки данной политики подчеркивается: «Разработка и реализация государственной культурной политики... осуществляются при тесном взаимодействии государства и общества» (курсив наш. – Авт.)⁵.

Еще пример. В ст. 9 Указа Президента РФ от 9 января 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определяется: «Государственная политика РФ по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей... представляет собой совокупность скоординированных мер, осуществляемых Президентом РФ и иными органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности РФ в части, касающейся защиты традиционных ценностей»; ст. 26 обозначенного указа одним из основных организационных инструментов данной политики называет «привлечение институтов гражданского общества»⁶. Иными словами, во всех значимых решениях власти и при проектировании таковых предполагается контакт государства и общества.

5. Выводы

Таким образом, правовое сотворчество и культура весьма тесно между собой связаны и влияют друг на друга. С одной стороны, культура создает условия для более качественного и эффективного правового сотворчества органов публичной власти и институтов гражданского общества, она содействует формированию специальной культуры правового сотворчества, выступающей особой разновидностью культуры правотворчества в целом, а также проявляющей себя в рамках правореализации (где тоже порой требуется задействовать активные творческие диалоговые начала для решения вопросов, связанных с применением права), соответственно повышая уровень культуры правореализации. С другой стороны, правовое сотворчество оказывает стратегические и тактические «нормативно-юридические услуги» культуре общества, включая срез правовой культуры, способствует повышению ее уровня с помощью построенных на началах сотрудничества юридических продуктов, выраженных в федеральных законах, иных нормативных правовых актах, итогах различных видов правовой политики.

Данные аспекты взаимовлияния правового сотворчества и культуры (прежде всего, правовой куль-

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 52. Ст. 7753.

⁵ Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Фе-

дерации от 24 декабря 2014 г. № 808» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 5. Ст. 777.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

туры) позволяют нам сделать вывод о необходимости продолжения изучения правового сотворчества совместно с культурой и другими смежными социогуманитарными явлениями (политика, психология, этика и др.), что видится перспективным как в плане приращения теоретических знаний о фено-

мене правового сотворчества, так и в части совершенствования практики современного правового сотворчества, столь нужной, как показывает проводимый анализ, в качестве одного из звеньев механизма государственно-правового строительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трофимов В. В. Правовое сотворчество: дефиниция понятия и роль в российском правотворческом процессе / В. В. Трофимов, В. В. Свиридов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 4. – С. 106–114.
2. Попов В. И. Коммуникативно-обеспечительная роль права в отношениях государства и гражданского общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. И. Попов. – М., 2022. – 33 с.
3. Аверьянова Н. Н. Публичные слушания как форма взаимодействия власти и общества в сфере регулирования земельных отношений / Н. Н. Аверьянова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2013. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 101–104.
4. Никовская Л. И. От конфликта к межсекторному партнерству / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI, № 1. – С. 96–112.
5. Трофимов В. В. Конфликтное право и право сотрудничества как выражение базовых социальных стратегий: проблема действительности системно-правовой конструкции / В. В. Трофимов // Государственно-правовые исследования. – 2022. – Вып. 5. – С. 39–51.
6. Трофимов В. В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) / В. В. Трофимов // Право: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 73–82.
7. Степаненко Р. Ф. Культурологический подход в праве: проблемы междисциплинарных исследований / Р. Ф. Степаненко // Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 64–74.
8. Гинс Г. К. Право и культура : моногр. / Г. К. Гинс ; науч. ред., авт. вступ. ст. В. М. Баранов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 317 с.
9. Айснер Л. Ю. Культура, ценности, право / Л. Ю. Айснер, С. В. Бершадская // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2014. – № 16. – С. 8.
10. Философия : учеб. для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова. – М. : Норма, 2005. – 928 с.
11. Честнов И. Л. Правовая культура как механизм воспроизводства правовой реальности / И. Л. Честнов // Право в контексте социодинамики культуры / под ред. Р. А. Ромашова. – СПб. : С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2010. – С. 172–178.
12. Степин В. С. Человек. Деятельность. Культура : моногр. / В. С. Степин. – СПб. : С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2018. – 796 с.
13. Лекторский В. А. Человек и культура : избр. ст. / В. А. Лекторский. – СПб. : С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2018. – 639 с.
14. Злобин Н. С. Некоторые методологические проблемы исследования культуры / Н. С. Злобин // Проблемы теории культуры : сб. ст. / сост. и отв. ред. Н. С. Злобин. – М., 1977. – С. 17–50. – (НИИ Культуры. Тр.; Т. 55).
15. Трошихин В. В. Культура политического процесса : моногр. / В. В. Трошихин, В. И. Теплов. – М. : Русская деловая литература, 2001. – 224 с.
16. Зимин А. В. Культура парламентаризма населения г. Тамбова: опыт политико-социологического исследования / А. В. Зимин // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 11 (139). – С. 134–138.
17. Погорелова А. И. Культура как фактор демократической консолидации общества / А. И. Погорелова // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 6. – С. 269–275.
18. Тосунян Г. А. Культура правотворчества в современной России / Г. А. Тосунян, Л. В. Санникова // Государство и право. – 2018. – № 3. – С. 28–34.
19. Тихомиров Ю. А. Право и цифровая трансформация / Ю. А. Тихомиров, Н. В. Кичигин, Ф. В. Цомартова, С. Б. Бальхаева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 2. – С. 4–23.

20. Залоило М. В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности / М. В. Залоило // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 4 (92). – С. 65–73. – DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.065-073.
21. Alsina V. The Birth of the CrowdLaw Movement: Tech-Based Citizen Participation, Legitimacy and the Quality of Lawmaking / V. Alsina, J. L. Marti // *Analyse und Kritik*. – 2018. – Vol. 40, no. 2. – P. 337–358.
22. Durman P. Participatory law-making in the digital age: The case of the e-public consultation platform in Croatia / P. Durman, A. Musa, I. Kopric // *Engaging Citizens in Policy Making e-Participation Practices in Europe* / eds. T. Randma-Liiv, V. Lember. – Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2022. – P. 91–103.
23. Shibutani K. Creating a customer-centric culture in the law-drafting process – Initial stages of cultural transformation / K. Shibutani. – Leppävaara : Laurea University of Applied Sciences, 2018. – 87 p.
24. Самородов В. Ю. Культура правотворчества в современной России: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / В. Ю. Самородов. – Тамбов, 2023. – 245 с.
25. Малько А. В. Реализация юридической ответственности в правосознании и правовой культуре / А. В. Малько, Д. А. Липинский, Р. С. Маркунин // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 5–18. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).5-18.
26. Сорокин В. В. Теория правовой культуры : моногр. / В. В. Сорокин. – М. : Проспект, 2023. – 360 с.

REFERENCES

1. Trofimov V.V., Sviridov V.V. Legal co-creation: definition of the concept and role in the Russian law-making process. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*, 2018, no. 4, pp. 106–114. (In Russ.).
2. Popov V.I. *The communicative and supporting role of law in relations between the state and civil society*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2022. 33 p. (In Russ.).
3. Averyanova N.N. Public hearings as a form of interaction between government and society in the sphere of regulation of land relations. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = News of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law*, 2013, vol. 13, iss. 1, pp. 101–104. (In Russ.).
4. Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. From conflict to intersectoral partnership. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2003, vol. VI, no. 1, pp. 96–112. (In Russ.).
5. Trofimov V.V. Conflict law and the law of cooperation as an expression of basic social strategies: the problem of the reality of a systemic legal structure. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya = State legal studies*, 2022, iss. 5, pp. 39–51. (In Russ.).
6. Trofimov V.V. Communication of civil society and public authorities on the platform of legal co-creation as a social tool for leveling and stabilizing the course of state and legal development (introduction to the problem). *Pravo: istoriya i sovremennost' = Law: history and modernity*, 2018, no. 1, pp. 73–82. (In Russ.).
7. Stepanenko R.F. Culturological approach to law: problems of interdisciplinary research. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 1, pp. 64–74. (In Russ.).
8. Gins G.K. *Law and culture*, Monograph, ed. and pref. by V.M. Baranov. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 317 p. (In Russ.).
9. Aisner L.Yu., Bershadskaya S.V. Culture, values, law. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi otkrytoi akademii = Bulletin of the East Siberian Open Academy*, 2014, no. 16, p. 8. (In Russ.).
10. Mironov V.V. (ed.). *Philosophy*, Textbook for universities. Moscow, Norma Publ., 2005. 928 p. (In Russ.).
11. Chestnov I.L. Legal culture as a mechanism for the reproduction of legal reality, in: Romashov R.A. (ed.). *Pravo v kontekste sotsiodinamiki kul'tury*, Monograph, St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions Publ., 2010, pp. 172–178. (In Russ.).
12. Stepin V.S. *Human. Activity. Culture*, Monograph. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions Publ., 2018. 796 p. (In Russ.).
13. Lektorsky V.A. *Man and culture*, Selected articles. St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions Publ., 2018. 639 p. (In Russ.).
14. Zlobin N.S. Some methodological problems of cultural research, in: Zlobin N.S. (ed.). *Problemy teorii kul'tury*, Moscow, 1977, pp. 17–50. (In Russ.).

15. Troshikhin V.V., Teplov V.I. *Culture of the political process*, Monograph. Moscow, Russkaiya delovaya literatura Publ., 2001. 224 p. (In Russ.).
16. Zimin A.V. The culture of parliamentarism of the population of Tambov: experience of political and sociological research. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 2014, no. 11 (139), pp. 134–138. (In Russ.).
17. Pogorelova A.I. Culture as a factor in the democratic consolidation of society. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*, 2013, no. 6, pp. 269–275. (In Russ.).
18. Tosunyan G.A., Sannikova L.V. The culture of lawmaking in modern Russia. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2018, no. 3, pp. 28–34. (In Russ.).
19. Tikhomirov Yu.A., Kichigin N.V., Tsomartova F.V., Balkhaeva S.B. Law and digital transformation. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 2, pp. 4–23. (In Russ.).
20. Zaloilo M.V. Post-industrial Culture of Law-making: a New Image of Reality. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. 4, pp. 65–73. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.065-073. (In Russ.).
20. Zaloilo M.V. Post-industrial culture of lawmaking: a new image of reality. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law University)*, 2022, no. 4 (92), pp. 65–73. (In Russ.).
21. Alsina V., Marti J.L. The Birth of the CrowdLaw Movement: Tech-Based Citizen Participation, Legitimacy and the Quality of Lawmaking. *Analyse und Kritik*, 2018, vol. 40, no. 2, pp. 337–358.
22. Durman P., Musa A., Kopric I. Participatory law-making in the digital age: The case of the e-public consultation platform in Croatia, in: Randma-Liiv T., Lember V. (eds.). *Engaging Citizens in Policy Making e-Participation Practices in Europe*, Cheltenham, UK, Edward Elgar Publ., 2022, pp. 91–103.
23. Shibutani K. *Creating a customer-centric culture in the law-drafting process – Initial stages of cultural transformation*. Leppävaara, Laurea University of Applied Sciences Publ., 2018. 87 p.
24. Samorodov V.Yu. *The culture of lawmaking in modern Russia: problems of theory and practice*, Cand. Diss. Tambov, 2023. 245 p. (In Russ.).
25. Malko A.V., Lipinsky D.A., Markunin R.S. Implementation of legal responsibility in legal consciousness and legal culture. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 5–18. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).5-18.
26. Sorokin V.V. *Theory of legal culture*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 360 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малько Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
392008, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, 1816
E-mail: alex25-58@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 5306-7069; AuthorID: 106349

Трофимов Василий Владиславович – доктор юридических наук, доцент, начальник НИИ государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
392008, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, 1816
E-mail: iptgutv@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 2555-5922; AuthorID: 454236

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alexander V. Malko – Doctor of Law, Professor, Honoured Worker of Science of the Russian Federation; Chief Researcher, Research Institute of State and Legal Research
Derzhavin Tambov State University
181b, Sovetskaya ul., Tambov, 392008, Russia
E-mail: alex25-58@mail.ru
RSCI SPIN-code: 5306-7069; AuthorID: 106349

Vasily V. Trofimov – Doctor of Law, Associate Professor; Head, Research Institute of State and Legal Research; Professor, Department of Theory and History of State and Law
Derzhavin Tambov State University
181b, Sovetskaya ul., Tambov, 392008, Russia
E-mail: iptgutv@mail.ru
RSCI SPIN-code: 2555-5922; AuthorID: 454236

Самородов Владимир Юрьевич – кандидат юридических наук, младший научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
392008, Россия, г. Тамбов, ул. Советская, 181б
E-mail: Vova.Samorodov@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 5042-6646; AuthorID: 912213

Vladimir Yu. Samorodov – PhD in Law, Junior Researcher, Research Institute of State and Legal Research
Derzhavin Tambov State University
181b, Sovetskaya ul., Tambov, 392008, Russia
E-mail: Vova.Samorodov@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 5042-6646; AuthorID: 912213

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Малько А.В. Правовое сотворчество и культура: актуальные аспекты взаимовлияния / А.В. Малько, В.В. Трофимов, В.Ю. Самородов // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).5-14.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Malko A.V., Trofimov V.V., Samorodov V.Yu. Legal co-creation and culture: current aspects of mutual influence. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 5–14. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).5-14. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

УДК 342

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(4).15-23

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ГЛАВ И ПРАВИТЕЛЬСТВ ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ РЕСПУБЛИК В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Е.С. Аничкин, И.Ю. Маньковский

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

18 апреля 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

Исследовано развитие конституционно-правового статуса глав, правительств как исполнительных органов Донецкой и Луганской народных республик после принятия последних в состав Российской Федерации. Раскрыты основные аспекты формирования, структурирования и полномочий глав, правительств как исполнительных органов новых регионов России. Проведен сравнительный анализ конституционно-правового статуса глав и правительств Донецкой и Луганской народных республик после принятия последних в состав Российской Федерации.

Ключевые слова

Конституция, правительство,

Луганская Народная Республика,

Донецкая Народная Республика,

субъект федерации

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE HEADS AND GOVERNMENTS OF THE DONETSK AND LUHANSK PEOPLE'S REPUBLICS: TRANSFORMATION AFTER THE REPUBLICS WERE ADMITTED TO THE RUSSIAN FEDERATION**

Evgeny S. Anichkin, Ivan Yu. Mankovskiy

Altai State University, Barnaul, Russia

Article info

Received –

2024 April 18

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 December 20

The subject of this article is the scientific awareness of the transformation of the constitutional and legal status of heads and governments as executive authorities of the Donetsk (DPR) and Lugansk People's Republics (LPR) after their admission to the Russian Federation. The purpose of the study is to identify and characterize the peculiarities of the transformation of the constitutional and legal status of the heads and governments of the new regions of Russia.

The methodological basis of the article is a set of general and special methods of cognition. Among the general scientific methods: dialectical, analysis, synthesis. They formed the basis for the study of the development of the constitutional and legal status of the heads and governments of the DPR and LPR after joining Russia as new subjects. The special research methods were comparative legal, formal legal and systemic structural. When conducting a comparative analysis of the constitutional and legal status of the heads and governments of the DPR and the LPR, a comparative legal method was used. The study of normative legal sources was based on the formal legal method. Intrastructural changes in the formation and structure of heads and governments were considered in accordance with the system-structural method.

Keywords

Constitution, government,

Luhansk People's Republic,

Donetsk People's Republic,

constituent entity

* Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 23-28-00138 «Системы права признанных республик Донбасса: проблемы переходного состояния и пути достижения самодостаточности».

** The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00138 "The legal systems of the recognized republics of Donbass: problems of the transitional state and ways to achieve self-sufficiency".

The regulatory and legal basis of the study was made up of federal and regional (primarily, the DPR and the LPR) normative legal acts reflecting the peculiarities of the transformation of the constitutional and legal status of the heads and governments of the DPR and the LPR in the process of becoming part of Russia.

The results of the study were manifested in the identification of the peculiarities of the transformation of the constitutional and legal status of the heads and governments of the DPR and LPR; the formation of the heads of new subjects of the Russian Federation according to the second model of the organization of the highest executive bodies of state power in the subject of the Russian Federation; the identification of general and specialized powers of the heads of the DPR and LPR; the allocation of two groups of decrees of the heads of the DPR and LPR; the transformation of the composition of governments DPR and LPR; identification of the general and special powers of the governments of the DPR and LPR.

Conclusions. That the actual legal regulation of the organization and activities of the heads and governments of the DPR and LPR is carried out in accordance with the constitutional and legal norms of the Russian Federation, taking into account the historical features of the new subjects of the Russian Federation.

1. Введение

В период с 2014 по 2022 г. самопровозглашенные Донецкая Народная Республика (далее – ДНР) и Луганская Народная Республика (далее – ЛНР) прошли сложный путь развития, выразившийся в постоянном поиске оптимальной модели построения государственной власти [1, с. 228]. В конституционном законодательстве ДНР и ЛНР, закреплявшем, в том числе, правовой статус исполнительных органов государственной власти, прослеживается переориентация в сторону максимального сближения с основами организации государственной власти России [2; 3].

Окончательной «точкой переориентации» самопровозглашенных ДНР и ЛНР можно считать 4 октября 2022 г., когда были приняты федеральные конституционные законы № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики»¹ и № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики»². Эти акты предопределили коренные изменения государственных и правовых институтов вновь присоединенных территорий, вступивших в период переходного состояния [4, с. 43]. Преобразования коснулись всех органов государственной власти вновь образованных субъектов России [5, с. 148]. Это обусловлено

тем, что региональное законодательство вновь присоединенных субъектов Российской Федерации необходимо было привести в соответствие с положениями Конституции РФ и Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»³ (далее – Закон № 414-ФЗ), устанавливающими основные начала организации государственной власти в регионах России [6, с. 115].

Именно поэтому во вновь присоединенных субъектах России в соответствии с законодательством Российской Федерации были приняты законодательные акты, закрепляющие правовое положение государственных органов исполнительной власти в ДНР и ЛНР [7, с. 33]. Парламенты ДНР и ЛНР 30 декабря 2022 г. приняли Конституции ДНР и ЛНР⁴ соответственно [8, с. 63]. Основу правовой базы образования и функционирования государственных органов исполнительной власти народных республик также составляют Закон № 414-ФЗ, Закон ДНР от 28 августа 2023 г. «О порядке избрания Главы Донецкой Народной Республики», Закон ЛНР от 18 августа 2023 г. «О порядке избрания Главы Луганской Народной Республики», Закон ДНР от 29 сентября 2023 г. «О Правительстве Донецкой Народной Республики», Закон ЛНР от 30 марта 2023 г. «О Правительстве Луганской Народной Республики» и ряд других актов.

Полагаем, что после принятия ДНР и ЛНР в состав Российской Федерации произошло обновление

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 41. Ст. 6930.

² Там же. Ст. 6931.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973.

⁴ Здесь и далее нормативные правовые акты ДНР и ЛНР приводятся по официальным сайтам Народного Совета ДНР (<https://dnrsovet.ru/>) и Народного Совета ЛНР (<https://nslnr.su/>) соответственно.

в закреплении и реализации правового статуса глав, правительств и иных исполнительных органов власти новых субъектов в соответствии с устоявшимися российскими традициями формирования, структурирования, наделения полномочиями исполнительных органов государственной власти субъектов.

В связи с отсутствием кардинальных различий в правовом статусе глав, правительств как исполнительных органов власти ДНР и ЛНР рассмотрены органы исполнительной власти ДНР. В случае несовпадения конституционно-правовых статусов указанных органов с соответствующими органами ЛНР будут приведены отличия.

2. Главы Донецкой и Луганской народных республик

Конституционное строительство в двух максимально похожих народных республиках происходило одновременно [9, с. 45]. Тем не менее при обращении к нормам Конституций ДНР и ЛНР обнаруживает себя тот факт, что эти акты имеют определенные структурные различия, касающиеся конституционно-правового статуса глав новых субъектов [10, с. 85]. Так, в Конституции ДНР гл. 4, посвященная конституционно-правовому статусу Главы ДНР, предшествует гл. 5 о конституционно-правовом статусе Народного Совета ДНР. Напротив, Конституция ЛНР сначала устанавливает в гл. 4 конституционно-правовой статус Народного Совета ЛНР и лишь после этого закрепляет правовой статус Главы ЛНР. На первый взгляд, это может свидетельствовать об особом положении Главы ДНР по сравнению с Главой ЛНР. Можно даже вести речь о попытке определенного копирования модели закрепления конституционного статуса Главы ДНР с модели правового статуса Президента РФ. Однако при обращении к конституционным нормам, регламентирующим правовое положение Глав ДНР и ЛНР, существенных различий не обнаруживается [11, с. 48].

Следует обратить внимание на тот факт, что Закон № 414-ФЗ в ст. 32 устанавливает две модели организации высшего органа исполнительной власти в субъектах России. Согласно первой модели, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации возглавляет высший исполнительный орган государственной власти субъекта России. Вторая модель подразумевает, что наряду с высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации существует должность руководителя высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации, учреждаемая высшим должностным лицом соответствующего

субъекта. В ДНР и ЛНР была выбрана именно вторая модель построения исполнительной власти.

Согласно положениям гл. 4 Конституции ДНР Глава ДНР является высшим должностным лицом ДНР и осуществляет руководство исполнительной властью. Однако после вхождения ДНР в состав России правовой статус Главы ДНР существенно сузился [12, с. 35]. Согласно Закону ДНР от 30 ноября 2018 г. «О Правительстве Донецкой Народной Республики» Глава ДНР обладал статусом главы государства. Полагаем, что это обусловлено необходимостью интеграции с более развитой государственной системой исполнительной власти Российской Федерации.

Глава ДНР избирается депутатами Народного Совета ДНР. Кандидатом на должность Главы ДНР может быть гражданин Российской Федерации, достигший 30 лет, не имеющий гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, обладающий в соответствии с законодательством России пассивным избирательным правом.

В соответствии с положениями ст. 22 и 23 Закона № 414-ФЗ предусмотрено две модели избрания на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Согласно первой модели избрание высшего должностного лица в субъекте Российской Федерации осуществляется гражданами, проживающими на территории субъекта, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (используется в подавляющем большинстве регионов России). Вторая модель предполагает избрание высшего должностного лица субъекта Российской Федерации депутатами законодательного органа субъекта Российской Федерации. В ДНР и ЛНР была выбрана вторая модель, т. е. модель косвенных выборов.

В соответствии со ст. 51 Конституции ДНР и Законом ДНР «О порядке избрания Главы Донецкой Народной Республики» Глава ДНР избирается депутатами Народного Совета ДНР тайным голосованием, с использованием бюллетеней, из числа трех кандидатов, представленных Президентом РФ, во второе воскресенье сентября соответствующего года. Избранным считается кандидат, за которого проголосовало большинство от установленного числа депутатов Народного Совета ДНР, а в случае, если ни один кандидат не набрал необходимого числа голосов, проводится повторное голосование по двум кандидатам, набравшим наибольшее число

голосов. Решение об избрании Главы ДНР оформляется постановлением Народного Совета ДНР и подлежит официальному опубликованию в течение трех дней. Вновь избранный Глава ДНР вступает в должность и приносит присягу на верность народу. Срок исполнения полномочий Главы ДНР исчисляется со дня принесения присяги и составляет 5 лет.

Одним из наиболее значимых элементов конституционно-правового статуса Главы ДНР являются его полномочия, которые можно классифицировать на полномочия общего характера (ст. 50 Конституции ДНР) и специализированные полномочия (ст. 53 Конституции ДНР). К общим полномочиям можно отнести, во-первых, принятие мер по защите прав и свобод человека и гражданина; во-вторых, обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти; в-третьих, представление ДНР во внешних связях; в-четвертых, подписание от имени ДНР договоров и соглашений.

Специализированные полномочия представлены двумя группами: полномочиями, связанными с организацией и деятельностью органов исполнительной власти, и полномочиями, устанавливающими взаимодействие с законодательной властью. Поскольку Глава ДНР осуществляет руководство исполнительной властью в ДНР, постольку первая группа полномочий является более обширной. В нее включаются такие полномочия, как: во-первых, формирование и определение основных направлений работы Правительства ДНР; во-вторых, образование, реорганизация и ликвидация исполнительных органов ДНР; в-третьих, после консультации с Народным Советом ДНР назначение на должность Председателя Правительства ДНР; в-четвертых, назначение на должности, по представлению Председателя Правительства ДНР, заместителей и министров; и др. Вторая группа полномочий является менее объемной и в нее включаются такие, как: предоставление в Народный Совет ДНР ежегодного отчета о результатах деятельности Правительства ДНР; право законодательной инициативы в Народном Совете ДНР; назначение сенатора Российской Федерации от исполнительного органа государственной власти ДНР; подписание и обнародование законов ДНР.

Согласно ст. 54 Конституции ДНР Глава ДНР для осуществления своих полномочий издает указы и распоряжения. Однако вслед за ст. 26 Закона № 414-ФЗ Конституция ДНР в ст. 54 воспроизводит весьма спорное положение. Так, в ч. 1 ст. 54 Конституции ДНР относительно актов Главы ДНР употребляется словосочетание «...на основании и во исполнение

Конституции РФ, федеральных законов...», т. е. согласно этой части статьи акты Главы ДНР носят ярко выраженный подзаконный характер и ими не может осуществляться первичное нормативное правовое регулирование. Однако ч. 2 ст. 54 в отношении актов Главы ДНР употребляет словосочетание «...не должны противоречить Конституции РФ, федеральным конституционным законам, федеральным законам...», что свидетельствует о возможности осуществления первичного правового регулирования указами Главы ДНР.

Здесь стоит обратить особое внимание на то, что Конституция РФ употребляет эти словосочетания применительно к различным актам. Так, согласно ч. 3 ст. 90 Конституции РФ в отношении указов и распоряжений Президента РФ используется словосочетание «... не должны противоречить», а согласно ч. 1 ст. 115 Конституции РФ в отношении постановлений и распоряжений Правительства РФ приводится словосочетание «...на основании и во исполнение...». Таким образом, законодатель четко разграничивает значимость актов по их юридической силе. Одни акты (постановления Правительства РФ) носят двойственный характер и могут являться актами как первичного регулирования, так и актами, носящими подзаконный характер (указы Президента РФ) [13, с. 45–48], а другие лишь раскрывают положения действующих нормативных правовых актов более высокой юридической силы, т. е. имеют производный характер.

Полагаем, что это положение дополнительно подчеркивает двойственный характер указов Главы ДНР и подразделяет их на две группы. В первую группу включаются акты Главы ДНР, принимаемые в развитие действующего законодательства, т. е. уточняющие и развивающие его положения. Во вторую группу следует включать акты, принимаемые в порядке первичного регулирования общественных отношений, т. е. те, которые не предписаны актами, обладающими большей юридической силой. Такие акты, как правило, принимаются в порядке оперативного регулирования ранее не урегулированных общественных отношений.

Однако этим не ограничивается разнообразие актов Главы ДНР. При обращении к ч. 4 ст. 15 Закона ДНР «О Правительстве Донецкой Народной Республики» отмечаем, что постановления и распоряжения Правительства ДНР, в случае отсутствия на заседании Правительства ДНР Председателя, подписываются либо лицом, исполняющим его обязанности, либо Главой ДНР. Фактически это третий вид актов

Главы ДНР, что еще раз подтверждает его исключительное положение.

Таким образом, Глава ДНР является ключевым звеном в системе органов власти и осуществляет своеобразный «конституционный арбитраж» на уровне субъекта Российской Федерации, выражающийся в обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти в ДНР, обладает обширным кругом полномочий и интегрирован в российскую систему публичной власти.

3. Правительства Донецкой и Луганской народных республик

Как было указано выше, в ст. 70 Конституции ДНР закреплена вторая модель формирования и организации деятельности высшего исполнительного органа ДНР – Правительства ДНР. Так, согласно ст. 1 Закона ДНР «О Правительстве Донецкой Народной Республики» Правительство ДНР является постоянно действующим высшим органом исполнительной власти ДНР, входящим в систему исполнительных органов ДНР и осуществляющим исполнительную власть в ДНР.

Важными элементами правового статуса Правительства ДНР являются его состав, структура и порядок формирования. Есть основания вести речь о кардинальном преобразовании состава Правительства ДНР [14, с. 48–49]. Согласно ст. 5 Закона ДНР от 30 ноября 2018 г. в состав Правительства ДНР входили Глава ДНР (Председатель Правительства ДНР), заместители и министры [15, с. 10]. После вхождения в состав Российской Федерации согласно ст. 3 Закона ДНР «О Правительстве Донецкой Народной Республики» Правительство включает: Председателя Правительства ДНР, первого заместителя Председателя Правительства ДНР, Руководителя Аппарата Правительства ДНР (заместитель Председателя Правительства ДНР), руководителя Представительства ДНР в городе Москве (заместитель Председателя Правительства ДНР), министров ДНР (заместителей Председателя Правительства ДНР) и министров ДНР (членов Правительства ДНР). К министрам, являющимся одновременно и заместителями Председателя Правительства ДНР, относятся: министр агропромышленной политики и продовольствия ДНР и министр промышленности и торговли ДНР [16, с. 52]. Очевидно, что в условиях переходного периода эти отрасли экономики являются приоритетными, следо-

вательно, наделение этих министров особым статусом заместителя Председателя Правительства видится оправданным.

Следует заметить, что в ЛНР структура Правительства ЛНР отличается от ДНР. Согласно Указу Главы ЛНР от 27 сентября 2023 г. «О формировании Правительства Луганской Народной Республики» в составе Правительства ЛНР не обнаруживаются министры с «особым статусом», являющиеся одновременно заместителями Председателя Правительства ЛНР⁵.

Еще одной отличительной особенностью структуры Правительства ДНР (такая модель применяется в незначительном количестве субъектов Российской Федерации, например в Красноярском крае и Тюменской области) является то, что в составе этого органа на основании ст. 23 Закона ДНР «О Правительстве Донецкой Народной Республики» для решения оперативных вопросов может быть образован Президиум Правительства ДНР в составе Председателя Правительства ДНР и заместителей Председателя Правительства ДНР. Такая структурная единица Правительства ДНР была сформирована в соответствии с Распоряжением Правительства ДНР от 16 ноября 2023 г. «Об образовании Президиума Донецкой Народной Республики»⁶. Полномочия Президиума Правительства специально не оговариваются, и в этой связи очевидно, что круг прав и обязанностей Президиума вытекает из полномочий Правительства ДНР. Президиум собирается по мере необходимости, рассматривает вопросы, требующие оперативного реагирования, и принимает решения, которые могут быть отменены Правительством ДНР.

Согласно ст. 4 Закона ДНР «О Правительстве Донецкой Народной Республики» Председатель Правительства ДНР назначается на должность Главой ДНР после консультации с Народным Советом ДНР. Народный Совет ДНР по итогам рассмотрения представленной кандидатуры принимает постановление об утверждении заключения по представленному кандидату.

Статья 6 Закона ДНР «О Правительстве Донецкой Народной Республики» устанавливает, что Председатель Правительства представляет Главе ДНР кандидатуры на должности заместителей Председателя Правительства ДНР и министров ДНР. После этого Глава назначает соответствующих должностных лиц.

⁵ Приводится по официальному сайту Правительства ЛНР (<https://sovminlnr.ru>).

⁶ Здесь и далее нормативные акты Правительства ДНР приводятся по официальному сайту Правительства ДНР (<https://pravdnr.ru>).

Согласно п. 12 ч. 1 ст. 9 Закона ДНР «О Правительстве Донецкой Народной Республики» Правительство ДНР создает Аппарат Правительства ДНР и утверждает положение о нем. Однако в настоящее время Аппарат Правительства ДНР продолжает работать на основе Положения, утвержденного Постановлением Правительства ДНР от 20 июня 2019 г. № 11-2. В отличие от ДНР, у Правительства ЛНР полномочие по формированию Аппарата Правительства ЛНР исключено в связи с внесением изменений в Конституцию ЛНР от 29 мая 2023 г. В настоящее время данное полномочие никому не передано, что создает сложности при формировании этого органа.

Важнейшим элементом конституционно-правового статуса Правительства ДНР являются его полномочия. Так же, как и Глава ДНР, Правительство ДНР обладает общими полномочиями и полномочиями в определенных сферах деятельности. Так, согласно ст. 10 Закона «О Правительстве Донецкой Народной Республики» определены общие полномочия Правительства ДНР: обеспечение разработки и осуществление мер, направленных на социально экономическое развитие ДНР; участие в проведении государственной политики в сферах финансов, науки, образования, здравоохранения и т. д.; осуществление мер по реализации, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране собственности и т. д. и мн. др. Анализ всех общих полномочий Правительства ДНР показывает, что они носят бланкетный характер и их содержание раскрывается, как правило, в конкретизированных полномочиях той или иной сферы деятельности, закрепленных в положениях о соответствующих исполнительных органах.

Статьями с 10 по 14 Закона ДНР «О Правительстве Донецкой Народной Республики» закреплены полномочия в сфере экономики, социально-трудовой сфере, сферах науки и культуры, образования, природопользования и охраны окружающей среды, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, обеспечения законности и правопорядка, общественной безопасности. С целью эффективного управления той или иной сферой деятельности Правительство ДНР приняло значительное число важных решений [17, с. 106]. Например, Правительство ДНР приняло Постановление от 25 декабря 2023 г. «Об утверждении программы социально-экономического развития Донецкой Народной Республики «Формирование системы комплексной реабилитации и адаптации инвалидов», в котором существенно расширены и конкретизированы полномочия в сфере экономики.

Одним из элементов конституционно-правового статуса Правительства ДНР выступают его акты [18, с. 66]. Статья 15 Закона ДНР «О Правительстве Донецкой Народной Республики» закрепляет: «Правительство ДНР на основании и во исполнение федеральных конституционных законов, федеральных законов....» издает постановления и распоряжения. Из данной формулировки очевидно, что эти акты могут носить только подзаконный характер и ими не может быть осуществлено первичное правовое регулирование. Постановления и распоряжения Правительства ДНР принимаются в соответствии с Регламентом Правительства ДНР от 20 июня 2019 г. Согласно п. 36 этого акта решения на заседаниях Правительства ДНР принимаются, как правило, общим согласием. Однако на основании предложения члена Правительства ДНР по решению председательствующего может быть проведено голосование, в этом случае решение принимается большинством голосов присутствующих на заседании членов Правительства ДНР, а при равенстве голосов решающим является голос председательствующего на заседании. Согласно п. 4 ст. 15 Закона ДНР «О Правительстве Донецкой Народной Республики» постановления и распоряжения Правительства ДНР подписываются Председателем Правительства ДНР и только в случае его отсутствия – либо лицом, исполняющим его обязанности, либо Главой ДНР.

Очевидно, что Правительства ДНР и ЛНР являются важнейшей составляющей системы исполнительных органов власти новых субъектов и осуществляют полномочия, интегрированные в российскую правовую систему.

4. Заключение

Таким образом, принятие в сентябре 2022 г. в состав Российской Федерации новых субъектов – ДНР и ЛНР – явилось началом системной работы по нормативному правовому регулированию формирования, организации и деятельности глав, правительств как исполнительных органов власти ДНР и ЛНР. Конституционно-правовые акты, регламентирующие правовой статус глав и правительств новых субъектов, полностью основываются на российском законодательстве. При этом особенности конституционно-правового статуса глав и правительств как исполнительных органов власти обусловлены спецификой формирования собственной республиканской системы органов власти в период с 2014 по 2018 г. и совершенствованием их организации и деятельности в процессе интеграции с российской правовой системой государственного управления в период с ноября 2018 по 2022 г.

Выявленные особенности трансформации конституционно-правового статуса глав и правительств как исполнительных органов власти ДНР и ЛНР после принятия в состав России позволили обнаружить своеобразие их структуры, полномочий и актов. Уникальность трансформации формирования глав ДНР и ЛНР проявилась в применении второй модели организации высших исполнительных органов государственной власти в субъекте Российской Федерации; классификации полномочий глав ДНР и ЛНР (общие и специализированные); выделении двух групп ука-

зов глав ДНР и ЛНР. Своеобразие трансформации правительств ДНР и ЛНР выразилось в кардинальных преобразованиях составов правительств ДНР и ЛНР; выделении общих полномочий и полномочий в определенных сферах деятельности. Осуществление фактического правового регулирования организации и деятельности глав и правительств новых субъектов в результате трансформации происходит в соответствии с конституционно-правовыми нормами Российской Федерации и с учетом исторической преемственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анастасов А. И. Перспективы интеграции непризнанных республик (на примере ДНР) / А. И. Анастасов // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности. – Донецк, 2016. – С. 228–230.
2. Толстых В. Л. Проблемы формирования и функционирования правовых систем непризнанных государств / В. Л. Толстых, М. А. Григорян, Т. С. Коваленко, О. А. Халабуденко // Российский юридический журнал. – 2018. – № 3. – С. 36–37.
3. Ашурков О. А. О перспективных направлениях совершенствования законодательной базы Донецкой Народной Республики / О. А. Ашурков, Н. А. Орлова // Вестник Института экономических исследований. – 2016. – № 3. – С. 99–100.
4. Сорокин В. В. Теория государства и права переходного периода : учеб. для студентов юрид. фак. / В. В. Сорокин. – Барнаул, 2007. – 511 с.
5. Пиворович Е. И. Конституционно-правовой статус Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей в переходный период / Е. И. Пиворович // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2023. – С. 148–150.
6. Кононов П. И. Актуальные проблемы административного права : учеб. / П. И. Кононов. – М., 2023. – 312 с.
7. Лебедев В. А. Публичная власть в субъектах РФ: понятие, принципы, система / В. А. Лебедев // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 6. – С. 31–36.
8. Миронов Д. Н. «Дорожная карта» внесения изменений и дополнений в конституции (уставы) субъектов Российской Федерации / Д. Н. Миронов // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 11. – С. 61–64.
9. Грудинин Н. С. Основы конституционного права Российской Федерации и народных республик Донбаса : учеб. пособие / Н. С. Грудинин. – М., 2023. – 90 с.
10. Панчук Г. Н. Система государственной власти в Донецкой Народной Республике / Г. Н. Панчук // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. – 2021. – № 19. – С. 80–90.
11. Мягкова С. В. Формирование органов публичной власти на новоприсоединенных территориях Российской Федерации / С. В. Мягкова, А. Н. Коньшин // Международный журнал гражданского и торгового права. – 2023. – № 1. – С. 47–50.
12. Морозов С. Э. Институт заместителя высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в системе государственного управления: к постановке проблемы / С. Э. Морозов // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 4. – С. 33–36.
13. Никифоров М. В. Субъекты административного нормотворчества : моногр. / М. В. Никифоров. – Н. Новгород, 2012. – 115 с.
14. Аничкин Е. С. Становление и развитие высших органов государственной власти Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики от самопровозглашения до принятия в Российскую Федерацию / Е. С. Аничкин, И. Ю. Маньковский, Ю. И. Колпакова // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 45–54. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).45-54.

15. Введенская В. В. Совет Министров Донецкой Народной Республики как орган государственной исполнительной власти / В. В. Введенская // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7, № 9А. – С. 5–24.

16. Зайцева А. М. Концептуальная модель совершенствования правового обеспечения государственного управления в Донецкой Народной Республике / А. М. Зайцева, В. С. Белобородько // Экономика, право, общество сегодня: оценки, проблемы, пути решения : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Петрозаводск, 2022. – С. 47–53.

17. Медведев Д. К. Система органов исполнительной власти в Донецкой Народной Республики: понятие, принципы, структура, проблемы организации и совершенствования / Д. К. Медведев // Право Донецкой Народной Республики. – 2019. – № 1 (13). – С. 105–110.

18. Артамонов А. Н. Формирование новых территориальных органов Минюста России как повод совершенствования российского законодательства / А. Н. Артамонов, М. А. Артамонова // Донецкие чтения 2023. Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. – Донецк, 2023. – С. 65–68.

REFERENCES

1. Anastasov A.I. Prospects for the integration of unrecognized republics (using the example of the DPR), in: *Donetskie chteniya 2016. Obrazovanie, nauka i vyzovy sovremennosti*, Donetsk, 2016, pp. 228–230. (In Russ.).

2. Tolstih V.L., Grigorijn M.A., Kovalenko T.S., Holabudenko O.A. Problems of formation and functioning of legal systems of unrecognized states. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2018, no. 3, pp. 36–37. (In Russ.).

3. Ashurkov O.A., Orlova N.A. On promising areas for improving the legislative framework of the Donetsk People's Republic. *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovanii = Vestnik of Institute of economic research*, 2016, no. 3, pp. 99–100. (In Russ.).

4. Sorokin V.V. *Theory of the State and law of the transition period*, Textbook for law students. Barnaul, 2007. 511 p. (In Russ.).

5. Pivorovich E.I. Constitutional and legal status of the Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Zaporizhia and Kherson regions during the transition period, in: *Traditsii i novatsii v sisteme sovremennogo rossiiskogo prava*, Proceedings of the XXII International scientific and practical conference, Moscow, 2023, pp. 148–150. (In Russ.).

6. Kononov P.I. *Actual problems of administrative law*, Textbook. Moscow, 2023. 312 p. (In Russ.).

7. Lebedev V.A. Public power in the subjects of the Russian Federation: concept, principles, system. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2022, no. 6, pp. 31–36. (In Russ.).

8. Mironov D.N. The roadmap for making amendments and additions to the Constitutions (charters) of the subjects of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 6, pp. 61–64. (In Russ.).

9. Grudin N.S. *Fundamentals of the Constitutional law of the Russian Federation and the People's Republics of Donbass*, Textbook. Moscow, 2023. 90 p. (In Russ.).

10. Panchuk G.N. The system of state power in the Donetsk People's Republic. *Vestnik Donbasskoi yuridicheskoi akademii. Yuridicheskie nauki = Herald of Donbass Law Academy. Juridical science*, 2012, no. 19, pp. 80–90. (In Russ.).

11. Myagkova S.V., Konshin A.N. Formation of public authorities in newly incorporated territories of the Russian Federation. *Mezhdunarodnyi zhurnal grazhdanskogo i torgovogo prava = International of civil and trade law*, 2023, no. 1, pp. 47–50. (In Russ.).

12. Morozov S.E. The Institute of the Deputy highest official of the subject of the Russian Federation in the system of public administration: towards the formulation of the problem. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2023, no. 4, pp. 33–36. (In Russ.).

13. Nikiforov M.V. *Subjects of administrative rulemaking*, Monograph. Nizhny Novgorod, 2012. 115 p. (In Russ.).

14. Anichkin E.S., Mankovskiy I.Yu., Kolpakova Yu.I. Formation and development of the highest state authorities of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic from self-declaration to admission to the Russian Federation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 45–54. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).45-54.

15. Vvedenskaya V.V. The Council of Ministers of the Donetsk People's Republic as a body of state executive power. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and international law*, 2017, vol. 7, no. 9A, pp. 5–24. (In Russ.).

16. Zaiceva A.M., Beloborodko V.S. A conceptual model for improving the legal support of public administration in the Donetsk People's Republic, in: *Ekonomika, pravo, obshchestvo segodnya: otsenki, problemy, puti resheniya*, collection of articles of International scientific and practical conference, Petrozavodsk, 2022, pp. 47–53. (In Russ.).

17. Medvedev D.K. The system of executive authorities in the Donetsk People's Republic: concept, principles, structure, problems of organization and improvement. *Pravo Donetskoi Narodnoi Respubliki = Law of the Donetsk People's Republic*, 2019, no. 1 (13), pp. 105–110. (In Russ.).

18. Artamonov A.N. Formation of new territorial bodies of the Ministry of Justice of the Russian Federation as a reason for improving Russian legislation, in: *Donetskie chteniya 2023. Obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti*, Donetsk, 2023, pp. 65–68. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и международного права
Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: rrd231@rambler.ru
SPIN-код РИНЦ: 2822-8747

Маньковский Иван Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права
Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: man263@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 1162-6612

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Аничкин Е.С. Конституционно-правовой статус глав и правительств Донецкой и Луганской народных республик: трансформация после принятия республик в состав Российской Федерации / Е.С. Аничкин, И.Ю. Маньковский // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 15–23. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).15-23.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Evgeny S. Anichkin – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; Head, Department of Constitutional and International Law
Altai State University
61, Lenina pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: rrd231@rambler.ru
RSCI SPIN-code: 2822-8747

Ivan Yu. Mankovskiy – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Constitutional and International Law
Altai State University
61, Lenina pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: man263@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 1162-6612

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Anichkin E.S., Mankovskiy I.Yu. The constitutional and legal status of the Heads and Governments of the Donetsk and Luhansk People's Republics: transformation after the Republics were admitted to the Russian Federation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 15–23. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).15-23. (In Russ.).

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

О.В. Гречкина¹, Л.А. Душакова², О.В. Шмалий¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

² Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
17 мая 2024 г.

Дата принятия в печать –
20 июля 2024 г.

Дата онлайн-размещения –
20 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Образование / воспитание,
просвещение, образовательное
законодательство,
национальная безопасность,
социально-экономическое
развитие

Предпринята попытка дать оценку отдельным аспектам законодательства об образовании в контексте стратегий социально-экономического развития и национальной безопасности и обосновать направления совершенствования законодательства об образовании с позиции установления формально-юридической взаимосвязи отдельных его положений с государственной политикой. Сделан вывод о том, что законодательство в области образования не образует четкой формально-юридической взаимосвязи с программными политическими актами. Образование как объект государственного управления и регулирования нуждается в концептуализации и системообразующем стратегическом планировании, включающем вопросы его безопасности как социально значимого блага, социально значимой услуги, образовательной инфраструктуры.

EDUCATION LEGISLATION IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AND NATIONAL SECURITY STRATEGIES**

Olga V. Grechkina¹, Lesya A. Dushakova², Oksana V. Shmaliy¹

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² South Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Article info

Received –
2024 May 17
Accepted –
2024 July 20
Available online –
2024 December 20

Keywords

Education, enlightenment,
educational legislation, national

The subject of the study is the assessment of certain aspects of education legislation in the context of socio-economic development and national security strategies. Education is one of the most powerful long-term tools for socio-economic development and national security. This is due to the socio-cultural and information environment of involving government decision makers in a particular educational model. This situation calls for the formation of a regulatory framework in the field of education, which is combined with government policies. The purpose of the study is to substantiate the directions for improving the legislation on education from the point of view of establishing the formal and legal relationship of its individual provisions with state policies.

Research methods: the authors use theoretical methods of formal and dialectical logic, empirical methods of comparison, description, interpretation as well as formal legal method.

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы 5.2-2024-1 «Модернизация законодательства в области высшего образования как фактор безопасного социально-экономического развития», выполняемой по государственному заданию Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

** The article was prepared as part of a research paper 5.2-2024-1 “Modernization of legislation in the field of higher education as a factor of safe socio-economic development”, carried out on a state assignment by the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

security, socio-economic
development

Results and conclusions. Legislation in the field of education does not form a clear formal and legal relationship with government policies. In this regard, education as an object of public administration and regulation needs conceptualization and system-forming strategic planning. These processes should include issues of education security as a socially significant good, socially significant service, and educational infrastructure. The system of principles of state policy and legal regulation in the field of education should be brought into line with the paradigms of strategic planning in the field of national security and socio-economic development. It is proposed to abandon the concept of "quality of education" in favor of the concept of "quality of educational activity" as more appropriate to the meaning and content of strategic planning acts. This will eliminate the need to substantiate the quality of education as a socially significant good and constitutional value, since in this case we are talking about the philosophy and axiology of education as a social phenomenon, and not about its quantitative and qualitative characteristics that can be measured. This approach will also make it possible to specify the goals and content of verification and evaluation activities in the field of education. It is advisable to differentiate the meanings of education. Education as a benefit should be positioned through the preamble to Federal Law No. 273-FZ dated December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation", ensuring recognition of its social value and guarantee. It is necessary to substantiate the connection between education and enlightenment. The concept of enlightenment is immanent in education. At the same time, there remains the possibility of enlightenment activities outside the framework of educational programs, but not in opposition to education as a combination of training and upbringing.

1. Введение

Социально-экономическое развитие и обеспечение национальной безопасности составляют две фундаментальные задачи и ключевые функции государства, сберегающие и обеспечивающие жизнедеятельность его населения. Одним из стратегических ресурсов государства, обеспечивающих его стабильность, целостность и устойчивое развитие, выступает образование. Этот социальный феномен органично взаимосвязан с фундаментальными задачами государства, но его роль в их решении имеет пролонгированный характер и не может позиционироваться «здесь и сейчас», поскольку образование представляет собой один из наиболее мощных долгосрочных инструментов развития, обусловленный социокультурной и информационной средой вовлечения в ту или иную образовательную модель [1; 2].

Образование выступает как объект и ресурс социально-экономического развития и национальной безопасности, как их основа и условие обеспечения, являясь в то же время источником опасности и нестабильности [3–6]. Уникальность феномена образования проявляется в его устойчивости: образование даже в критических обстоятельствах продолжает существовать и выполнять свои функции, хотя и демонстрирует отклик на деструктивную для него ситу-

ацию. В то же время социально-экономическое развитие и национальная безопасность обеспечивается конкретными людьми, становление мировоззренческого, интеллектуального и иного потенциала которых происходит в системе образования, что обуславливает человеческий фактор в решении фундаментальных задач государства, а следовательно, ставит сохранность государства и общества в зависимость от состояния образования как сферы и механизма мобилизации человеческого потенциала.

В этой связи повышается актуальность формирования такой нормативной основы образования, которая достоверно ретранслирует обязательства государства по отношению к личности и обществу, вытекающие из его фундаментальных задач и ключевых функций.

2. Образование в системе стратегического планирования

В системе актов стратегического планирования вопросы образования представлены достаточно широко, но, в то же время, с преобладающим инструментальным подходом, транслирующим образование прежде всего как условие и средство решения фундаментальных задач государства.

В действующей Стратегии национальной безопасности¹ образование упоминается девятнадцать

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» //

Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

раз в нескольких проекциях: в контексте его характеристик как социального блага и условия народосбережения (качество, уровень, доступность), системных характеристик (система образования как индикатор статуса государства в международном конкурентном пространстве), результативности (образовательный потенциал), институциональности (через идею развития образовательных центров), материально-технической обеспеченности, просвещения и повышения уровня культуры, мировоззренческой безопасности (сохранение опыта предшествующих поколений и традиционных ценностей). Философский, аксиологический и социально-экономический аспекты образования [7; 8] как сложного многофакторного феномена позволяют говорить об образовании как одной из основ всей системы национальной безопасности в том содержательном контексте, который сформулирован в самой стратегии:

– суверенная государственность в единстве обороноспособности, социально-политической и экономической стабильности не способна оформиться, существовать и прогрессировать, не имея суверенной образовательной системы и образовательных смыслов, последовательно транслируемых на всех ее уровнях; образование является основой формирования российского общества и государства и составляет первичную основу благополучия граждан;

– образовательные организации создают кадровый потенциал организаций обороны, безопасности и народного хозяйства;

– право на образование является конституционным правом, что, исходя из понятия национальной безопасности, является, с одной стороны, объектом защиты, подверженным угрозам внутреннего и

внешнего характера, с другой стороны, является инструментом достижения необходимого состояния защищенности от угроз, обеспечивая возможности защиты иных объектов, составляющих идею национальной безопасности;

– образование рассматривается и как национальный интерес, и как стратегический национальный приоритет, реализация которых в долгосрочной перспективе создаст условия и обоснование морального лидерства и идейной основы будущего мироустройства, транслируемой российским государством;

– органы публичной власти в области образования обеспечивают противодействие угрозам национальной безопасности и могут рассматриваться как элемент системы обеспечения национальной безопасности.

Стратегия национальной безопасности выступает не только самостоятельным актом стратегического планирования, но и создает основу для формирования иных отраслевых стратегических документов, многие из которых, включая стратегические акты в области экономической безопасности², позиционируют образование как один из инструментов достижения стратегических целей³. В то же время системообразующее стратегическое планирование в области образования фактически отсутствует [9]. Это не означает, что такого планирования не существует как такового: развивается система проектирования⁴ и программирования (Минобрнауки России является участником 13 госпрограмм, которые непосредственно⁵ и опосредованно⁶ нацелены на развитие образования); сформирована Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования⁷; имеет место концептуальное общетраслевое⁸

² Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

³ См., напр.: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22. Ст. 3475; Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 (ред. от 15 марта 2021 г.) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. Ст. 6887 и др.

⁴ Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

⁵ Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1642 (ред. от 28 сентября 2023 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1 (Ч. II). Ст. 375.

⁶ «Развитие здравоохранения», «Социальная поддержка граждан», «Экономическое развитие и инновационная экономика» и др.

⁷ URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wylr6uwtujw.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).

⁸ Например, Концепция развития сети психологических служб в образовательных организациях высшего образования в Российской Федерации (утв. Минобрнауки России 29 августа 2022 г. № ВФ/1-Кн) // Официальные документы в образовании. 2022. № 28.

и суботраслевое⁹ видение со стороны как Правительства РФ, так и уполномоченных органов исполнительной власти; сформулированы основы государственной политики, пересекающиеся с вопросами образования¹⁰.

Такой подход вряд ли можно считать целесообразным, учитывая, во-первых, степень включенности образования в стратегическое планирование, во-вторых, векторы взаимосвязи образования и фундаментальных задач государства. Кроме того, в части взаимосвязи образования и национальной безопасности имеет место многофакторность проявления феномена безопасности непосредственно в образовании: философско-аксиологический аспект с выходом на мировоззренческую и когнитивно-психологическую безопасность через интерпретацию образования как социального блага и условия народосохранения (миссия, цели, приоритеты, ценностные ориентиры, которые определяют суверенные образовательные смыслы и, в конечном итоге, заказ личности, общества и государства на образовательные результаты (в единстве обучения и воспитания)); содержательный аспект с выходом на безопасность образовательных программ, которая является следствием философско-аксиологического контекста и которую следует рассматривать в контексте характеристик системы образования и его результативности; через инфраструктурную безопасность (доступность, материально-техническая база, безопасные условия обучения и воспитания, масштабы и пределы «цифровой зрелости»). Образование в контексте безопасности в литературе описывается через понятие безопасности образовательной среды [10–13].

В свою очередь, законодательство в области образования также не образует четкой формальной взаимосвязи с политическими актами, включая Стратегию национальной безопасности. В частности, к вопросам безопасности Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹¹ (далее – Закон № 273-ФЗ) обращается через указание на безопасные условия обучения и воспитания и безопасный образ жизни, что отчасти затрагивает вопросы инфраструктурной

безопасности, отчасти – вопросы безопасности образовательных программ. В качестве принципа государственной политики и правового регулирования безопасность не проявляется. Очевидное исключение составляет взаимосвязь с Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В части социально-экономического развития Закон № 273-ФЗ точно трижды связывает развитие системы образования и подготовки кадров с соответствующими федеральными и региональными программами.

Закон № 273-ФЗ указывает на принципы государственной политики, тогда как сама государственная политика в системном виде не представлена. Кроме того, Закон № 273-ФЗ формирует принципы государственной политики и правового регулирования комплексно, что в целом не характерно для действующего регулирования: как правило, речь идет о правовом регулировании как составной части государственной политики либо о государственной политике, направленной, в том числе, на нормативное регулирование. Такое сочетание политики и регулирования не дает ясного представления о сущности и содержании соответствующих видов государственной деятельности, как минимум, в силу их различий в целях и задачах. Цели и задачи правового регулирования обозначены в Законе № 273-ФЗ (ст. 4), тогда как цели и задачи государственной политики вытекают из содержания соответствующих стратегических актов; различаются и оценки результатов [15–17]. Кроме того, ч. 2 ст. 1 Закона № 273-ФЗ в предметную область регулирования включает только принципы государственной политики.

3. Некоторые особенности правового регулирования в области образования в контексте целей и приоритетов стратегического планирования

Стратегическое планирование во многом сосредоточено на качестве образования как одной из основ достижения стратегических целей. Само понятие качества образования официально сформулировано в ст. 2 Закона № 273-ФЗ. В связи с предложенной законодателем дефиницией во взаимосвязи с

⁹ См., напр.: Распоряжение Правительства РФ от 24 декабря 2013 г. № 2506-р (ред. от 8 октября 2020 г.) «Об утверждении Концепции развития математического образования в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 2 (ч. I). Ст. 148.

¹⁰ См., напр.: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7598.

актами стратегического планирования возникают некоторые возражения.

1. Образование представляет собой единство обучения и воспитания в динамике как процесс с заданными целями и параметрами. Этот процесс формально позиционируется как социально значимое благо и только затем («а также») как комплекс «приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности». Понятие качества образования характеризует исключительно образовательную деятельность, которая предполагает реализацию образовательных программ. Образовательная программа, исходя из нормативной дефиниции, должна характеризовать образование, но характеризует образовательную деятельность и не может характеризовать образование как социальный феномен в целом. Более того, представления о качестве образования (собственно, образовательной деятельности) дают основания рассматривать образование не как социально значимое благо, а как результат выполнения заказа, который формируется государством через стандартизацию образовательной деятельности либо физическими или юридическими лицами, что свидетельствует о том, что образование является услугой как в гражданско-правовом смысле, так и в смысле реализации публичного интереса. Кроме того, сама форма стандартизации не способна охватить социально значимый контекст образования как блага и конституционную ценность. Соответственно, появляется формальная неопределенность в отношении того, к какому представлению об образовании и его качеству апеллируют акты стратегического планирования. Это еще раз подтверждает необходимость формирования самостоятельной государственной политики в области образования, тем более что такой опыт уже имел место¹².

2. Закон № 273-ФЗ включает указание на просветительскую деятельность, которая не является образовательной, поскольку осуществляется вне образовательных программ, но по целям и результатам коррелирует образовательной. При этом не очевидно, является ли эта деятельность также элементом общей модели образования, представленной в Законе № 273-ФЗ, и можно ли ее учитывать в объеме

качества образования в актах стратегического планирования. Образование и просвещение органично взаимосвязаны. В то же время образование предполагает воспитание, являющееся элементом образовательной программы, а просвещение формально этой функции лишено.

3. Юридические сущности, положенные в основу представлений об образовании, находятся в определенном противоречии, поскольку, с одной стороны, законодатель выходит на утверждение образования как блага, а с другой – образовательная деятельность транслируется как услуга. Как следствие, правовая конструкция приобретает характер блага как услуги, что позволяет создавать экономические эффекты образовательной деятельности, но само образование теряет ценностно-аксиологические эффекты. В этой связи опять возникает вопрос качества образования: можно говорить о качестве оказываемой услуги, но не о качестве блага. Качество услуги очевидно – это качество образовательной деятельности, а равно качество образовательной инфраструктуры в целом. Тогда и акты стратегического планирования должны свидетельствовать не качество образования как некую привычную конструкцию, а качество образовательной деятельности, что и прослеживается в отчетных материалах уполномоченных органов в сфере образования¹³.

4. Лидирующим субъектом, формирующим приоритеты образования (и как блага, и как услуги), выступает только государство. Это единственный субъект, располагающий достаточными политико-правовыми и финансово-экономическими ресурсами, позволяющими выстраивать всю модель образования – от идеологии до инфраструктуры. В силу этого государство имеет основания рассчитывать на определенные полезные для него результаты, представления о которых закладываются в документы стратегического планирования.

В то же время, как показывают исследования, оценки значимости образования и его влияния на социально-экономическое развитие крайне неоднозначны. Прямая зависимость экономического развития, уровня жизни населения, эффективности публичного управления от образования (образованности населения и т. п.) является предметом дискус-

¹² Постановление Правительства РФ от 4 октября 2000 г. № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 41. Ст. 4089. Утратило силу.

¹³ См., напр.: Доклад о реализации Плана деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в 2022 году и задачах на 2023 год. URL: https://minobrnauki.gov.ru/open_ministry/public_declaratio n/plan/ (дата обращения: 20.04.2024).

сии¹⁴. Широко известны примеры успешных «недоучек», образ которых составляет пример для значительной части населения, невзирая на все официальные ценностные установки, например Билл Гейтс, Пол Аллен, Ларри Эллисон, Майкл Делл.

Влияние образования на состояние национальной безопасности значительно более очевидно в силу того, что для государства этот институт является одним из проводников государственной политики. Особенно отчетливо это проявляется по отношению к высшему образованию, прежде всего в силу его необязательности, а равно в силу того, что оно выстраивается уже на некотором сформированном образовательно-воспитательном результате. В этой связи вряд ли следует полагать справедливым уравнивание студентов, осваивающих образовательные программы высшего образования и программы подготовки кадров высшей квалификации, с лицами, осваивающими образовательные программы иного уровня, в единой категории обучающихся.

4. Заключение

1. Образование как объект государственного управления и регулирования нуждается в концептуализации и системообразующем стратегическом планировании, включающем вопросы безопасности образования как социально значимого блага, социально значимой услуги, образовательной инфраструктуры (единство социального блага, конституционного права, процесса получения образования и образовательного результата). Безопасность образования как составная часть национальной безопасности обеспечивает национальные интересы [23; 24].

2. Система принципов государственной политики и правового регулирования в области образования, заявленная в Законе № 273-ФЗ, должна пребывать в соответствии с парадигмами стратегического планирования в области безопасности и социально-экономического развития. Необходимо изменить подход «принципы государственной политики и правового регулирования», придав самостоятельное значение и закрепление каждой группе принципов.

3. Целесообразно отказаться от понятия «качество образования» в пользу понятия «качество образовательной деятельности» как более соответствующего смыслу и содержанию актов стратегического планирования, затрагивающих вопросы образования, что позволит конкретизировать указанное понятие и исключить необходимость обоснования качества образования как социально значимого блага и конституционной ценности, поскольку в этом случае речь идет о философии и аксиологии образования как социального явления, а не о его количественно-качественных характеристиках, которые можно измерить. Такой подход также позволит конкретизировать смысл проверочно-оценочных мероприятий в области образования, интерпретировать их результаты исключительно в очевидном прагматичном смысле с позиции оценки инфраструктуры образования.

4. В Законе № 273-ФЗ целесообразно дифференцированно обозначить смыслы образования. Образование как благо следует позиционировать отдельно, возможно, через преамбулу к законодательному акту (по аналогии, в частности, с Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»¹⁵), обеспечивая признание его социальной ценности и гарантированности в установленных законом пределах. Соответственно, не имеет смысла указание в понятии образования на общественно значимое благо, тем более что образование осуществляется в интересах человека, семьи, общества и государства, что уже подразумевает его ценностную сущность. Наряду с этим в рамках предлагаемой версии признания образования благом целесообразно обозначить его связь с просвещением, причем, как представляется, отталкиваться следует от формирования непосредственно понятия просвещения, признавая его имманентным образованию [25], оставляя при этом возможность просветительской деятельности за рамками образовательных программ, но не в противопоставлении образованию как сочетанию обучения и воспитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотин И. Образование и национальная безопасность России / И. Болотин, Б. Митин // *Alma Mater*. – 1997. – № 4. – С. 17–25.

¹⁴ Уровень образования и экономическое развитие // Гуманитарный портал. 2006. 2 сент. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/475> (дата обращения: 20.04.2024). См. также: [18–22].

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

2. Демченко С. В. Национальная безопасность и образовательная политика в современной России / С. В. Демченко. – М. ; Орел, 2008. – 199 с.
3. Бельков О. А. Экономическое, социальное, региональное, внешнесредовое измерения государственного управления и национальной безопасности / О. А. Бельков // Проблемы современного государственного управления в России : тр. науч. семинара / под ред. В. И. Якунина. – М., 2009. – С. 94–108.
4. Лаптев Л. Г. Образование и национальная безопасность / Л. Г. Лаптев, О. А. Бельков // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 4. – С. 17–23.
5. Бурлов В. Г. Совершенствование системы высшего образования в интересах обеспечения национальной безопасности РФ / В. Г. Бурлов // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2018. – № 2 (44). – С. 32–36.
6. Мороз Е. Ф. Безопасность образования в контексте обеспечения национальной безопасности / Е. Ф. Мороз // Современные исследования социальных проблем. – 2019. – Т. 11, № 2-1. – С. 123–137. – DOI: 10.12731/2077-1770-2019-2-123-137.
7. Брызгалина Е. В. О некоторых характеристиках и противоречиях в развитии современного образования / Е. В. Брызгалина, В. Н. Киселев // Пространство и Время. – 2015. – Т. 9, вып. 1 : Цивилизации в эпоху глобализма : к 75-летию со дня рождения А. С. Панарина. – URL: http://www.j-spacetime.com/actual_content/t9v1/t9v1_PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast9-1.2015.42.pdf (дата обращения: 20.04.2024).
8. Михалкин Н. В. Философия образования и науки : учеб. пособие и практикум / Н. В. Михалкин. – М. : Изд-во МГППУ, 2019. – 336 с.
9. Садовничий В. А. Высшая школа России: вектор развития / В. А. Садовничий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2023. – № 2. – С. 5–11.
10. Ляпин И. Л. Национальная безопасность и система образования / И. Л. Ляпин // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13, № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/03SCSK422.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).
11. Михалкин Н. В. Содержание и виды безопасности образовательной среды / Н. В. Михалкин, А. Н. Аверюшкин // Язык и текст. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 82–96. – DOI: 10.17759/langt.2021080110.
12. Андронникова О. О. Безопасность образовательной среды в современных геополитических условиях / О. О. Андронникова // Философия образования. – 2015. – № 3. – С. 14–22. – DOI: 10.15372/PHE20150302.
13. Бичева И. Б. Безопасность образовательной среды как категория современного профессионально-педагогического знания / И. Б. Бичева, О. М. Филатова // Вестник Мининского университета. – 2017. – № 1. – С. 48–53.
14. Кайгородцев А. А. Концепция стратегии развития вуза в условиях рыночной экономики / А. А. Кайгородцев, Г. Ж. Сарсембаева, Т. Ф. Кайгородцева // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 11-3. – С. 379–382.
15. Лев М. Ю. Оценка тенденций мониторинга состояния национальной, социально-экономической безопасности в контексте стратегического планирования / М. Ю. Лев // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7, № 1. – С. 27–48. – DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120347.
16. Цейковец Н. В. Методологические проблемы оценки и государственного мониторинга состояния национальной безопасности РФ / Н. В. Цейковец // Национальная безопасность: стратегические приоритеты и система обеспечения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Пермь : Прикам. соц. ин-т, 2016. – С. 388–391.
17. Елисеева В. С. Мониторинг в сфере национальной безопасности Российской Федерации / В. С. Елисеева // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 273–278.
18. Кушников Е. И. Некоторые аспекты оценки влияния образования на экономический рост / Е. И. Кушников, Л. В. Хаджинов // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 535–550. – DOI: 10.18334/vines.12.1.114061.
19. Алтунина В. В. Роль образования в экономическом развитии страны / В. В. Алтунина, А. И. Алтунина // Креативная экономика. – 2019. – Т. 13, № 11. – С. 2159–2168. – DOI: 10.18334/ce.13.11.41367.
20. Kruss G. Higher education and economic development: The importance of building technological capabilities / G. Kruss // International Journal of Educational Development. – 2015. – Vol. 43. – P. 22–31. – DOI: 10.1016/j.ijedudev.2015.04.011.

21. Solodukha P. V. Structural Contradiction of Economic Growth as a Threat to the Human Capital Reproduction Process in Russia / P. V. Solodukha // International Journal of Economics and Financial Issues. – 2016. – № 6. – P. 163–167.
22. Jaik K. Brain drain from vocational to academic education at upper-secondary level? / K. Jaik // Empirical Research in Vocational Education and Training volume. – 2020. – Vol. 12. – Art. 10. – DOI: 10.1186/s40461-020-00095-8.
23. Yarygin O. N. Modeling of competence as a tool of goal setting for education in modern society / O. N. Yarygin, A. A. Korostelev, L. G. Akhmetov, A. Maseleno // International Journal of Recent Technology and Engineering. – 2019. – Vol. 7, no. 6. – P. 72–77.
24. Баева И. А. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении : практ. рук. / И. А. Баева. – СПб. : Речь, 2006. – 288 с.
26. Душакова Л. А. Просвещение и просветительская деятельность: формирование новой правовой модели / Л. А. Душакова // Юридический мир. – 2021. – № 10. – С. 27–32.

REFERENCES

1. Bolotin I., Mitin B. Education and National Security of Russia. *Alma Mater*, 1997, no. 4, pp. 17–25. (In Russ.).
2. Demchenko S.V. *National security and educational policy in modern Russia*. Moscow, Orel, 2008. 199 p. (In Russ.).
3. Belkov O.A. Economic, social, regional, external environmental dimensions of public administration and national security, in: Yakunin V.I. (ed.). *Problemy sovremennogo gosudarstvennogo upravleniya v Rossii*, Proceedings of the scientific seminar, Moscow, 2009, pp. 94–108. (In Russ.).
4. Laptev L.G., Belkov O.A. Education and national security. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Lomonosov Psychology Journal*, 2011, no. 4, pp. 17–23. (In Russ.).
5. Burlov V.G. Improvement of the higher education system in the interests of ensuring the national security of the Russian Federation. *Tekhniko-tehnologicheskie problemy servisa*, 2018, no. 2 (44), pp. 32–36. (In Russ.).
6. Moroz E.F. Education Security in the Context of National Security. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Studies of Social Issues*, 2019, vol. 11, no. 2-1, pp. 123–137. DOI: 10.12731/2077-1770-2019-2-123-137. (In Russ.).
7. Bryzgalina E.V., Kiselev V.N. On Some Characteristics and Contradictions in the Modern Education Development. *Prostranstvo i Vremya = Space and Time*, 2015, vol. 9, iss. 1: Civilizations in the Age of Globalism: On the Occasion of 75th Anniversary of the Birth of Alexander S. Panarin, available at: http://www.j-spacetime.com/actualcontent/t9v1/t9v1_PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast9-1.2015.42.pdf (accessed: April 20, 2024). (In Russ.).
8. Mikhalkin N.V. *Philosophy of education and science*, Training manual and workshop. Moscow, Moscow State University of Psychology and Education Publ., 2019. 336 p. (In Russ.).
9. Sadovnichiy V.A. High school in Russia: vector of development. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, 2023, no. 2, pp. 5–11. (In Russ.).
10. Lyapin I.L. National Security and Education System. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = World of science*, 2022, vol. 13, no. 4, available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/03SCSK422.pdf> (accessed: April 20, 2024). (In Russ.).
11. Mikhalkin N.V., Averyushkin A.N. Content and types of safety of the educational environment. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 82–96. DOI: 10.17759/langt.2021080110. (In Russ.).
12. Andronnikova O.O. Safety of the educational environment in modern geopolitical conditions. *Filosofiya obrazovaniya = Philosophy of Education*, 2015, no. 3, pp. 14–22. DOI: 10.15372/PHE20150302. (In Russ.).
13. Bicheva I.B., Filatova O.M. Safety of the educational environment as a category of modern professional and pedagogical knowledge. *Vestnik Minskogo universiteta = Minin University Bulletin*, 2017, no. 1, pp. 48–53. (In Russ.).
14. Kaigorodtsev A.A., Sarsembaeva G.Zh., Kaigorodtseva T.F. The concept of the university development strategy in a market economy. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya = International Journal of Experimental Education*, 2015, no. 11-3, pp. 379–382. (In Russ.).

15. Lev M.Yu. Assessment of trends in monitoring the state of national, socio-economic security in the context of strategic planning. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic security*, 2024, vol. 7, no. 1, pp. 27–48. DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120347. (In Russ.).
16. Tseykovets N.V. Methodological problems of assessment and state monitoring of the state of Russian national security, in: *Natsional'naya bezopasnost': strategicheskie priority i sistema obespecheniya*, Proceeding of the International Scientific and Practical Conference, Perm, Prikamsky Social Institute Publ., 2016, pp. 388–391. (In Russ.).
17. Eliseeva V.S. Monitoring in the field of national security of the Russian Federation. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2016, no. 2 (34), pp. 273–278. (In Russ.).
18. Kushnikov E.I., Khadzhinov L.V. Some aspects of assessing the impact of education on economic growth. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Issues of innovation economy*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 535–550. DOI: 10.18334/vinec.12.1.114061. (In Russ.).
19. Altunina V.V., Altunina A.I. The role of education in the economic development of the country. *Kreativnaya ekonomika = Journal of Creative Economy*, 2019, vol. 13, no. 11, pp. 2159–2168. DOI: 10.18334/ce.13.11.41367. (In Russ.).
20. Kruss G. Higher education and economic development: The importance of building technological capabilities. *International Journal of Educational Development*, 2015, vol. 43, pp. 22–31. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2015.04.011.
21. Solodukha P.V. Structural Contradiction of Economic Growth as a Threat to the Human Capital Reproduction Process in Russia. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 2016, no. 6, pp. 163–167.
22. Jaik K. Brain drain from vocational to academic education at upper-secondary level?. *Empirical Research in Vocational Education and Training volume*, 2020, vol. 12, art. 10. DOI: 10.1186/s40461-020-00095-8.
23. Yarygin O.N., Korostelev A.A., Akhmetov L.G., Maselena A. Modeling of competence as a tool of goal setting for education in modern society. *International Journal of Recent Technology and Engineering*, 2019, vol. 7, no. 6, pp. 72–77.
24. Baeva I.A. *Ensuring psychological safety in an educational institution*, Practical guide. St. Petersburg, Rech' Publ., 2006. 288 p. (In Russ.).
25. Dushakova L.A. Education and educational activities: formation of a new legal model. *Yuridicheskii mir*, 2021, no. 10, pp. 27–32. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гречкина Ольга Владимировна – доктор юридических наук, профессор кафедры административного и информационного права Института права и национальной безопасности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82
E-mail: grechkina-ov@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-3802-2323
ResearcherID: V-3822-2017
SPIN-код РИНЦ: 6149-9070

Душакова Леся Анатольевна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и служебного права
Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Olga V. Grechkina – Doctor of Law, Professor, Department of Administrative and Information Law, Institute of Law and National Security
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia
E-mail: grechkina-ov@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-3802-2323
ResearcherID: V-3822-2017
RSCI SPIN-code: 6149-9070

Lesya A. Dushakova – Doctor of Law, Associate Professor; Head, Department of Administrative and Service Law
South Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская,
70/54

E-mail: dushakova-la@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-2613-4280

ResearcherID: KDO-2255-2024

SPIN-код РИНЦ: 2509-5671

Шмалий Оксана Васильевна – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой административного и информационного права Института права и национальной безопасности

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации*

119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82

E-mail: shmaliy-ov@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-3492-5381

ResearcherID: O-7522-2018

SPIN-код РИНЦ: 5408-0959

70/54, Pushkinskaya ul., Rostov-on-Don, 344002,
Russia

E-mail: dushakova-la@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-2613-4280

ResearcherID: KDO-2255-2024

RSCI SPIN-code: 2509-5671

Oksana V. Shmaliy – Doctor of Law, Professor;
Deputy Director for Research; Head, Department of
Administrative and Information Law, Institute of Law
and National Security

*The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration*

82, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia

E-mail: shmaliy-ov@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-3492-5381

ResearcherID: O-7522-2018

RSCI SPIN-code: 5408-0959

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гречкина О.В. Законодательство в области образования в контексте стратегий социально-экономического развития и национальной безопасности / О.В. Гречкина, Л.А. Душакова, О.В. Шмалий // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 24–33. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).24-33.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Grechkina O.V., Dushakova L.A., Shmaliy O.V.
Education legislation in the context of socio-economic
development and national security strategies.
Pravoprimenenie = Law Enforcement Review, 2024,
vol. 8, no. 4, pp. 24–33. DOI: 10.52468/2542-1514.
2024.8(4).24-33. (In Russ.).

О НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД

К.А. Пономарева^{1,2}, А.А. Батарин^{1,3}, Н.Г. Вишневская¹

¹ Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, г. Москва, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

³ Федеральная налоговая служба, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

18 июля 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Налоговое право, самозанятые, налог на профессиональный доход, специальные налоговые режимы, патентная система налогообложения, цифровые бизнес-модели

Рассмотрена практика применения специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (НПД) с целью разработки предложений по совершенствованию налогового законодательства в части налогообложения доходов физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам. В качестве направлений оптимизации и улучшения функционирования режима НПД выделены четыре группы: повышение привлекательности НПД, пресечение злоупотреблений, упрощение налогового контроля, повышение стабильности работы НПД. По итогам исследования сформулированы предложения по совершенствованию российского налогового законодательства.

ON THE DIRECTIONS OF IMPROVING THE LEGAL MECHANISM OF THE PROFESSIONAL INCOME TAX

Karina A. Ponomareva^{1,2}, Aleksei A. Batarin^{1,3}, Nadezhda G. Vishnevskaya¹

¹ Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

³ Federal Tax Service of Russia, Moscow, Russia

Article info

Received –

2024 July 18

Accepted –

2024 September 20

Available online –

2024 December 20

Keywords

Tax law, self-employed, professional income tax, special tax regimes, patent taxation system, digital business models

Subject. The article examines the practice of applying a special tax regime "Tax on professional income". The authors have identified four directions of optimizing and improving the functioning of the tax on professional income regime: increasing the attractiveness of the tax on professional income, anti-avoidance measures, simplification of tax control, as well as increasing the stability of the tax on professional income.

The purpose of the study. The purpose of the article is to develop proposals for improving tax legislation in terms of taxation of income of individuals, in which they do not have an employer and do not hire employees. It is planned to develop these proposals on the basis of the use of best practices.

Methodology. The formal legal method, as well as philological and systematic methods of interpreting current legal norms have been used in the course of the study.

Conclusions. In the course of the research the authors have prepared a set of proposals to improve the legal mechanism of the tax on professional income regime; the amendments to the federal law have been formulated.

1. Введение

Появление и развитие новых бизнес-моделей, в том числе цифровых, поднимает множество вопросов о правилах их государственного регулирования, например о дифференцированных налоговых режимах с целью защиты налоговой базы. Отличие специальных налоговых режимов от прочих льготных налоговых режимов состоит «в наличии особого (единого) налога как эксклюзивного платежа, обязанность по уплате которого возникает только после перехода на тот или иной специальный налоговый режим и уплачиваемого вместо совокупности налогов, предусмотренных общим налоговым режимом» [1, с. 4]. По замечанию О.А. Ногиной, «специальный налоговый режим как изначально установленный законодателем в качестве налогового режима льготного характера для налогоплательщиков предполагает при реальном ведении предпринимательской деятельности получение законной налоговой экономии при уплате налогов не только в связи со снижением налогового бремени, но и с упрощением ведения налоговой отчетности или полного освобождения от ведения таковой, а также со снижением административных издержек налогоплательщиков при взаимодействии с налоговыми органами» [2, с. 80]. Специальным налоговым режимом, применяемым к налогообложению деятельности физических лиц, в том числе на цифровых платформах и в иных современных форматах ведения бизнеса, является специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (далее – НПД, режим НПД).

Правовое регулирование НПД осуществляется на основании Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»¹ (далее – Закон № 422-ФЗ), Налогового кодекса (далее – НК) РФ, а также в установленных случаях – на основании законов субъектов Российской Федерации.

Целью настоящей статьи является подготовка предложений по совершенствованию правового регулирования НПД. Однако, прежде чем их сформулировать, обозначим достижения по итогам первых пяти лет функционирования данного специального налогового режима.

2. Режим налога на профессиональный доход: достижения

В литературе отмечается, что по числу зарегистрированных самозанятых эксперимент можно признать более чем успешным [3, с. 10]. Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»² предусматривал достижение к 2024 г. показателя зарегистрированных налогоплательщиков НПД – 2,1 млн чел. Данный показатель был превышен уже весной 2021 г.: по состоянию на 30 апреля 2021 г. зарегистрированных самозанятых было 2 250 005 чел.³

Положительные результаты эксперимента по применению специального налогового режима НПД создали предпосылки для формирования отдельного федерального проекта по созданию условий развития деятельности самозанятых граждан⁴. По итогам 2021 г. число зарегистрированных самозанятых превысило 3,86 млн чел., по итогам 2022 г. – 6,561 млн чел., по итогам июля 2023 г. – 8,069 млн чел., по состоянию на 30 июня 2024 г. количество самозанятых составило 10,7 млн чел.⁵

Режим НПД является предметом большого числа научных трудов, что также подтверждает высокую актуальность исследования этого института [4–11].

Несмотря на удобство рассматриваемого режима, которое подтверждается числом использующих его граждан, он, как и любой правовой механизм, нуждается в постоянной оценке и совершенствовании. В настоящей статье выделены группы возникающих на практике проблем, которые можно разрешить посредством внесения изменений в Закон № 422-ФЗ.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49. Ст. 7494.

² Паспорт национального проекта «Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: https://economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/ (дата обращения: 17.07.2024).

³ Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной

предпринимательской инициативы». URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html?t=1698678913109> (дата обращения: 17.07.2024).

⁴ Поддержка самозанятых. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/podderzhka_samozanyatyh/ (дата обращения: 17.07.2024).

⁵ Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

3. Направления совершенствования специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»

Из всего многообразия направлений, по которым можно проложить путь оптимизации и улучшения функционирования режима НПД, авторами выделяются четыре группы: повышение привлекательности НПД (1), пресечение злоупотреблений (2), упрощение налогового контроля (3), повышение стабильности работы НПД (4).

1. В качестве первого направления совершенствования обозначим предложения по корректировке положений Закона № 422-ФЗ, которые направлены на совершенствование отдельных элементов правового механизма режима НПД, что даст дополнительный стимул физическим лицам и индивидуальным предпринимателям стать самозанятыми.

1.1. Согласно ч. 1 ст. 5 Закона № 422-ФЗ физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, изъявившие желание перейти на специальный налоговый режим, обязаны встать на учет в налоговом органе в качестве налогоплательщика. Вместе с тем согласно п. 7 ч. 2 ст. 4 Закона № 422-ФЗ лица, применяющие режим НПД, не вправе применять иные специальные налоговые режимы или вести предпринимательскую деятельность, доходы от которой облагаются НДФЛ, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 15 Закона № 422-ФЗ. Физическое лицо обязано в течение одного месяца со дня постановки на учет в качестве плательщика НПД направить в налоговый орган по месту жительства (по месту ведения предпринимательской деятельности) уведомление о прекращении применения упрощенной системы налогообложения (далее – УСН) и единого сельскохозяйственного налога (далее – ЕСХН). В этом случае налогоплательщик считается прекратившим применение УСН, ЕСХН со дня постановки на учет в качестве плательщика НПД⁶. Плательщик НПД также не вправе совмещать данный специальный налоговый режим и общую систему налогообложения (далее – ОСН)⁷.

Несмотря на признаваемую простоту перехода на режим НПД [12; 13], остается нерешенным вопрос аналогичной простоты в переходе на НПД индивидуальных предпринимателей, находящихся на иных спецрежимах либо ОСН. Представляется, что указан-

ный переход можно осуществлять в упрощенном порядке, что вполне допустимо с учетом возможностей автоматизированных сервисов Федеральной налоговой службы (далее – ФНС России). В таком случае, при переходе на режим НПД налогоплательщик автоматически перестает быть плательщиком налогов по ОСН, УСН или ЕСХН.

Стоит заметить, что модель автоматического перехода с одного режима на другой уже предусмотрена другими нормами Закона № 422-ФЗ. Так, согласно ч. 15 ст. 5 Закона № 422-ФЗ при наличии у налогового органа информации об утрате плательщиком НПД права на применение специального налогового режима или о несоответствии налогоплательщика требованиям ч. 2 ст. 4 Закона № 422-ФЗ снятие налогоплательщика с учета в налоговом органе осуществляется по инициативе налогового органа при отсутствии заявления налогоплательщика о снятии с учета.

В связи с изложенным предлагается закрепить в Законе № 422-ФЗ упрощенный порядок перехода на режим НПД с иных режимов налогообложения, указав, что налогоплательщик «автоматически считается прекратившим применение иных специальных налоговых режимов при постановке на учет в качестве налогоплательщика налога на профессиональный доход» (ст. 5).

1.2. Положениями Закона № 422-ФЗ установлены ограничения, связанные с применением режима НПД (ч. 2 ст. 4 и ч. 2 ст. 6). Так, в соответствии с ч. 1 ст. 6 Закона № 422-ФЗ объектом обложения НПД признаются доходы от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав). При этом не признаются объектом обложения НПД, в частности, доходы от передачи имущественных прав на недвижимое имущество, за исключением аренды (найма) жилых помещений (п. 3 ч. 2 ст. 6 Закона № 422-ФЗ).

Вместе с тем на практике возникают ситуации, когда у физического лица в собственности находятся квартира и машино-места в жилом комплексе. Гаражные места для машин – это фактически часть жилого дома. Эти гаражные места гражданин может планировать сдавать в аренду другим жильцам. Однако в отношении доходов от сдачи в аренду машино-места, даже расположенного в жилом комплексе, режим НПД применять нельзя.

⁶ Письмо ФНС России от 10 января 2019 г. № СД-4-3/101@. Здесь и далее информационно-разъяснительные акты ФНС России и Минфина России приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Письмо Минфина России от 20 января 2022 г. № 03-11-11/3168.

Учитывая изложенное, в отношении доходов от сдачи в аренду машино-места, расположенного в жилом комплексе, НПД не применяется⁸.

В этой связи предлагается предоставить право применения НПД не только при сдаче в аренду (внаем) жилых помещений, но и машино-мест. Для этого необходимо внести соответствующие изменения в п. 3 и 4 ч. 2 ст. 6 Закона № 422-ФЗ. При этом для недопущения злоупотреблений важно увязать возможность сдачи в аренду машино-места исключительно со сдачей в аренду жилого помещения. Таким образом, режимом НПД справедливо не смогут воспользоваться частные парковки. Подобный подход используется в ст. 2 Федерального закона от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации»⁹: предприниматель, в том числе на УСН, может работать без контрольно-кассовой техники, например, если сдает в аренду (наем) принадлежащие ему на праве собственности жилые помещения, а также жилые помещения вместе с машино-местами, расположенными в многоквартирных домах.

1.3. Как известно, для российских граждан статус налогового нерезидента на право работы самозанятым не влияет – важно только гражданство и место нахождения заказчиков. Ограничения, связанные с применением режима НПД, установлены ч. 2 ст. 4 и ч. 2 ст. 6 Закона № 422-ФЗ, а возможность применения налогоплательщиком режима НПД не ставится в зависимость от наличия или отсутствия у налогоплательщика статуса налогового резидента Российской Федерации, если предпринимательская деятельность осуществляется на территории Российской Федерации¹⁰. Кроме того, самозанятые вправе иметь доходы в иностранной валюте и получать их на любые счета, в том числе открытые в зарубежных банках. Однако Закон № 422-ФЗ не содержит формулировки, применяемой в аналогичных случаях к налогообложению доходов физических лиц, установленных главой 23 НК РФ. Так, согласно п. 5 ст. 210 НК РФ доходы налогоплательщика, выраженные (номинарированные) в иностранной валюте, пересчитываются в рубли по официальному курсу Центрального банка РФ, установленному на дату фактического получения указанных доходов (дату фактиче-

ского осуществления расходов), если иное не предусмотрено гл. 23 НК РФ. Предлагается восполнить указанный пробел, дополнив ст. 7 Закона № 422-ФЗ положением о том, что доходы налогоплательщика, выраженные в иностранной валюте, пересчитываются в рубли по официальному курсу, установленному Центральным банком РФ на дату получения доходов.

2. Следующая группа предложений направлена на пресечение злоупотреблений в использовании самозанятости и дискредитации налогового режима недобросовестными налогоплательщиками. Сразу оговоримся, что в рамках настоящей статьи мы не будем рассматривать самую широко распространенную проблему – подмену трудовых отношений с использованием труда самозанятых. Указанная проблема уже достаточно широко освещена в российских и зарубежных исследованиях по налоговому и трудовому праву [14–20].

2.1. Нормами пп. 8 п. 2 ст. 6 Закона № 422-ФЗ определено, что для целей исчисления и уплаты НПД не признаются объектом налогообложения доходы от оказания (выполнения) физическими лицами услуг (работ) по договорам гражданско-правового характера при условии, что заказчиками услуг (работ) выступают работодатели самозанятых лиц или лица, бывшие их работодателями менее двух лет назад. При проведении мероприятий налогового контроля налоговый орган может установить обстоятельства, свидетельствующие, например, о согласованности действий взаимозависимых лиц, об использовании формального документооборота и т. п., в целях «номинального» соответствия НПД и получения необоснованной налоговой экономии [21].

Однако у недобросовестного налогоплательщика остается возможность перевода работников в статус самозанятых при сохранении трудовых обязанностей с новой организацией, имеющей тот же состав учредителей, руководителей и оказывающей услуги населению по тому же адресу. Как отмечается в литературе, «выгода в данном случае для организации очевидна, при минимальных затратах на ликвидацию (реорганизацию) образуется существенная экономия на налоговых и страховых взносах. Однако бывшие работники значительно теряют с точки зрения социальной защищенности (период работы в ста-

⁸ Письмо Минфина России от 6 июня 2024 г. № 03-11-11/52481.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 21. Ст. 1957.

¹⁰ Письмо Минфина России от 20 декабря 2021 г. № 03-11-11/103727.

тyse самозанятого не будет засчитываться в страховой стаж (без уплаты самим лицом страховых взносов), может существенно снизить размер будущей пенсии и т. п.)» [22]¹¹. Представляется, что разрешить данную проблему можно, расширив перечень ограничений в использовании НПД и дополнив п. 8 ч. 2 ст. 6 Закона № 422-ФЗ положением, исключающим не только возможность самозанятого оказывать услуги работодателю (в том числе бывшему), но и юридическому лицу, в котором самозанятый является (либо являлся) учредителем.

2.2. Статьей 214.2 НК РФ определены особенности определения налоговой базы по НДФЛ при получении доходов в виде процентов по вкладам (остаткам на счетах) в банках, находящихся на территории Российской Федерации. Указанные доходы являются объектом налогообложения по НДФЛ. Однако указанное положение не отражено в ч. 2 ст. 6 Закона № 422-ФЗ и напрямую не исключено из перечня объектов налогообложения НПД. В связи с этим целесообразно дополнить указанную норму, исключив из перечня объектов налогообложения НПД доходы в виде процентов по вкладам (остаткам на счетах) в банках, находящихся на территории Российской Федерации.

3. Третья группа предложений направлена на повышение эффективности налогового администрирования.

3.1. Статья 93.1 НК РФ наделяет налоговые органы правом истребования документов (информации) о налогоплательщике, плательщике сборов, плательщике страховых взносов и налоговом агенте или информации о конкретных сделках. Это касается лиц, не являющихся проверяемыми налогоплательщиками, плательщиками сборов или налоговыми агентами, т. е. третьих лиц. Как отмечается в письме ФНС России от 11 октября 2007 г. № ШТ-6-06/774, истребование документов, в том числе связанных с открытием и ведением счетов клиентов (договора, карточки образцов подписей), по ведению паспортов сделок, а также иных документов может осуществляться в порядке, установленном ст. 93.1 НК РФ, поскольку, открывая счет в конкретном банке, организация вступает в договорные отношения с этим банком на возмездной основе и является не только клиентом банка, но и контрагентом по расчетно-кассовым операциям.

Согласно п. 2 ст. 86 НК РФ по мотивированному запросу налогового органа в установленных случаях

справки о наличии счетов (вкладов) в банке, об остатках на них денежных средств, выписки по операциям на счетах (по вкладам) предоставляются банком в налоговый орган. Более того, за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей банки несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Несмотря на вышеприведенные положения НК РФ, специальными нормами Закона № 422-ФЗ не установлено аналогичного полномочия, хотя, несомненно, оно должно присутствовать и там тоже. В этой связи предлагается закрепить в Законе № 422-ФЗ право налоговых органов истребовать у третьих лиц (банки, операторы электронных площадок) документы о деятельности плательщика НПД.

3.2. Статьей 11 Закона № 422-ФЗ установлен порядок исчисления и уплаты налога. Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности по уплате налога, повлекшие формирование отрицательного сальдо единого налогового счета налогоплательщика, является основанием для направления налоговым органом налогоплательщику через мобильное приложение «Мой налог» предусмотренного ст. 69 НК РФ требования об уплате задолженности в сроки, установленные ст. 70 НК РФ. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения требования об уплате задолженности налоговый орган вправе взыскать имеющуюся у налогоплательщика задолженность в порядке и сроки, установленные НК РФ. Предлагается дополнить указанную норму и регламентировать право налоговых органов выставить через мобильное приложение «Мой налог» требования об уплате налога, если соответствующая обязанность не исполнена налогоплательщиком в срок. Это будет способствовать принципу единства правового регулирования и приведет положения Закона № 422-ФЗ к единообразию с положениями норм ст. 69 и 70 НК РФ.

Вышеуказанный подход обосновывается тем, что, несмотря на предусмотренный для НПД элементарный формат ведения налогового учета и уплаты соответствующих налоговых сумм, общий размер налоговой задолженности по НПД, по оперативным данным ФНС России, на 28 февраля 2024 г. составляет 8 167 795 055 руб. Представляется, что дальнейшее совершенствование механизмов налогового администрирования, посредством которого будет установлен новый юридически значимый документо-

¹¹ Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

оборот налогового органа и налогоплательщика в удобном формате приложения, будет способствовать уплате налога теми плательщиками НПД, которые по субъективным причинам не уплатили налог в срок, однако не являются лицами, уклоняющимися от налогообложения. С учетом того, что физические лица не всегда обладают навыками оперативного ведения бизнес-процессов, видится, что этот механизм позволил бы привести к сокращению объема налоговой задолженности.

Авторы хотели бы особо отметить, что проблему задолженности или нулевых «деклараций» следует решать в рамках отрасли финансового права, несмотря на высокую эффективность воздействия непосредственно на правосубъектность лица: например, приостановление выплат пособий такому должнику. Следует согласиться с С.В. Запольским, который справедливо отмечает, что «многие социальные и экономические проблемы могут и должны решаться именно финансовым (или иным другим) путем, но природа соответствующих отношений редко допускает альтернативность конкретного правового инструментария» [23, с. 7].

4. В целях повышения стабильности функционирования режима НПД можно выдвинуть следующие предложения.

4.1. Статья 6 Закона № 422-ФЗ, в отличие от соответствующих глав НК РФ, устанавливающих правила применения специальных налоговых режимов, не содержит перечня разрешенных видов деятельности. Для сравнения, ст. 346.43 НК РФ установлен закрытый перечень видов предпринимательской деятельности, в отношении которых применяется патентная система налогообложения. По замечанию Р.М. Бозиева, содержащийся в п. 2 ст. 346.43 НК РФ перечень включает в себя виды предпринимательской деятельности, связанные с оказанием услуг, выполнением работ, производством и изготовлением товаров и иной деятельностью, связанной с решением бытовых и иных проблем населения, которая может оказываться субъектами малого предпринимательства [11, с. 171]. Статья 346.12 НК РФ также гораздо более детально определяет круг плательщиков УСН.

На практике же могут возникать сложности с отдельными видами деятельности с точки зрения соблюдения критериев для НПД [24]. Например, для решения вопроса о возможности применения НПД в от-

ношении деятельности третейского судьи (арбитра) требуется экспертиза соответствующих конкретных договорных отношений между организацией, третейскими судьями и сторонами арбитража¹².

Вместе с тем наличие закрытого перечня всегда способствует правовой определенности.

В связи с изложенным предлагается внести в Закон № 422-ФЗ по аналогии с патентной системой налогообложения закрытый перечень видов деятельности, разрешенных к осуществлению при использовании режима НПД. При этом данный перечень может быть дифференцирован в зависимости от оказания услуг физическим или юридическим лицам.

4.2. Режим НПД не запрещается применять лицам, которые занимаются реализацией товаров собственного производства, при условии соблюдения установленных ограничений¹³. В целом следует говорить о том, что физическое лицо должно участвовать в производственном процессе, связанном с созданием товара – простую фасовку закупленных у других лиц товаров в один набор нельзя признать производством собственного товара [25, с. 83]. С продукцией собственного производства связан ряд проблемных вопросов, например ее сертификации, а также коллизии с законодательством о лицензировании [4]. Правовой определенности не способствует и отсутствие определения товаров собственного производства в законе. В связи с этим необходимо закрепить в Законе № 422-ФЗ определение товаров собственного производства, так как от правильной классификации товара зависит возможность применения НПД и права самого налогоплательщика. Предлагается определить такие товары как «произведенные самим налогоплательщиком без привлечения работников, с которыми он состоит в трудовых отношениях (за исключением осуществления налогоплательщиком упаковки (расфасовки) товара без проведения им технологического процесса стадий производства товара и подлежащих в силу этого доработок в последующих производственных единицах».

4. Заключение

В ходе исследования авторами подготовлен комплекс предложений по совершенствованию правового механизма режима НПД, для чего сформулированы следующие поправки в Закон № 422-ФЗ:

– предусмотреть в ст. 5 упрощенный порядок перехода на режим НПД с иных режимов налогооб-

¹² Письмо Минфина России от 21 февраля 2019 г. № 03-11-11/11352.

¹³ Письма Минфина России от 8 февраля 2022 г. № 03-11-11/8320, от 26 апреля 2021 г. № 03-11-11/31559.

ложения, указав, что налогоплательщик «автоматически считается прекратившим применение иных специальных налоговых режимов при постановке на учет в качестве налогоплательщика налога на профессиональный доход»;

- предоставить право применения НПД не только при сдаче в аренду (найм) жилых помещений, но и машино-мест;

- уточнить редакцию ст. 7 положением о том, что доходы налогоплательщика, выраженные в иностранной валюте, пересчитываются в рубли по официальному курсу, установленному Банком России на дату получения доходов;

- дополнить п. 8 ч. 2 ст. 6 положением, исключающим возможность самозанятого оказывать услуги юридическому лицу, в котором самозанятый является (либо являлся) учредителем;

- исключить из перечня объектов налогообложения НПД доходы в виде процентов по банковским договорам (вклада, счета), ценным бумагам и др.;

- закрепить право налоговых органов истребовать у третьих лиц (банки, операторы электронных площадок) документы о деятельности плательщика НПД;

- регламентировать право налоговых органов выставлять через мобильное приложение «Мой налог» требования об уплате налога, если соответствующая обязанность налогоплательщиком не исполнена в срок;

- сформулировать закрытый перечень (с возможной дифференциацией в зависимости от оказания услуг физическим или юридическим лицам) видов деятельности, разрешенных к осуществлению при использовании режима НПД;

- ввести определение категории «товар собственного производства».

Реализация вышеуказанных предложений безусловно повысит интерес налогоплательщиков к НПД, создав четкие и ясные правила нахождения на данном режиме, с одной стороны, отгородив добросовестного плательщика от негативных последствий совершенных без умысла правонарушений, а с другой стороны, повысит эффективность контрольной работы налоговых органов, что можно считать соблюдением баланса интересов участников налоговых правоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громов В. В. Льготные и специальные налоговые режимы: проблема правового разграничения / В. В. Громов // *Налоги*. – 2020. – № 3. – С. 3–7.
2. Ногина О. А. Налоговая выгода при переходе и применении специальных налоговых режимов / О. А. Ногина // *Актуальные проблемы российского права*. – 2019. – № 1. – С. 80–87. – DOI: 10.17803/1994-1471.2019.98.1.080-087.
3. Миронова С. М. Налог на профессиональный доход – пять лет эксперимента: промежуточные итоги / С. М. Миронова // *Финансовое право*. – 2023. – № 12. – С. 10–14.
4. Пономарева К. А. Налог на профессиональный доход: дискуссионные вопросы с точки зрения субъектного состава налогового режима / К. А. Пономарева, А. А. Батарин, С. Д. Шаталов // *Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит*. – 2024. – № 1. – С. 34–45.
5. Львова М. И. Перспективы налогообложения самозанятых лиц в России / М. И. Львова // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. – 2019. – № 2-1. – С. 108–115.
6. Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства : моногр. / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. – М. : Проспект, 2021. – 560 с.
7. Ногина О. А. Специальные налоговые режимы : учеб. пособие для магистратуры / О. А. Ногина. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2021. – 144 с.
8. Ситник А. А. Самозанятые лица как субъекты налоговых правоотношений / А. А. Ситник // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2018. – № 3. – С. 31–34.
9. Тропская С. С. Налогообложение самозанятых и цифровая экономика: налог на профессиональный доход / С. С. Тропская // *Финансовое право*. – 2019. – № 5. – С. 22–26.
10. Бозиев Р. М. Правовое регулирование налога на профессиональный доход в России / Р. М. Бозиев // *Актуальные проблемы российского права*. – 2022. – Т. 17, № 9. – С. 49–62. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.049-062.

11. Бозиев Р. М. Применение патентной системы налогообложения самозанятыми – индивидуальными предпринимателями / Р. М. Бозиев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 8. – С. 169–179. – DOI: 10.17803/2311-5998.2022.96.8.169-179.
12. Жутаев А. С. Налог на профессиональный доход: достоинства и недостатки, первые итоги / А. С. Жутаев // Налоги. – 2020. – № 2. – С. 7–8.
13. Баргеева Е. Г. Уголовно-правовые риски организации при сотрудничестве с самозанятыми гражданами / Е. Г. Баргеева, А. А. Носкова // Российский следователь. – 2020. – № 3. – С. 27–30.
14. Defossez D. The employment status of food delivery riders in Europe and the UK: Self-employed or worker? / D. Defossez // Maastricht Journal of European and Comparative Law. – 2022. – Vol. 29, iss. 1. – P. 25–46.
15. Aloisi A. Time Is Running Out. The Yodel Order and Its Implications for Platform Work in the EU / A. Aloisi // Italian Labour Law. – 2020. – Vol. 13, no. 2. – P. 67–87.
16. Schoukens P. The changing concept of work: When does typical work become atypical? / P. Schoukens, A. Barrio // European Labour Law Journal. – 2017. – Vol. 8, iss. 4. – P. 306–332.
17. Кирина А. Какие трудовые споры возникают с самозанятыми, и как они разрешаются на практике мирно и в судах / А. Кирина // Трудовое право. – 2021. – № 6. – С. 79–86.
18. Мыктыбаев Т. Д. Налоговые особенности статуса самозанятых по законодательству России и Казахстана / Т. Д. Мыктыбаев, Е. С. Иванова // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. – 2021. – № 3 (29). – С. 63–71.
19. Симич И. Сколько самозанятых может привлекать компания и как доказывать в суде необходимость именно этой формы трудоустройства? / И. Симич // Трудовое право. – 2019. – № 7. – С. 11–21.
20. Локтюхина Н. В. Индивидуализация трудовых отношений: тенденции развития и вопросы регулирования / Н. В. Локтюхина, Е. А. Черных // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 4 (45). – С. 51–61.
21. Закон о самозанятых принят с целью их легализации, и не надо использовать его для минимизации налоговых платежей! Интервью с К. В. Новоселовым // Административное право. – 2019. – № 3. – С. 37–44.
22. Савинов К. А. Налог на профессиональный доход: первые итоги двухлетнего эксперимента / К. А. Савинов, А. Р. Лаврентьев // Финансовое право. – 2021. – № 6. – С. 26–30.
23. Запольский С. В. Дискуссионные вопросы теории финансового права : моногр. / С. В. Запольский. – М. : РАП : Эксмо, 2008. – 160 с.
24. Миронова С. М. Налогообложение самозанятых лиц (некоторые вопросы применения налога на профессиональный доход) / С. М. Миронова, Е. Я. Стеценко // Право и экономика. – 2019. – № 9. – С. 74–79.
25. Бозиев Р. М. Правовое регулирование налогообложения самозанятых лиц в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Р. М. Бозиев. – М., 2024. – 184 с.

REFERENCES

1. Gromov V.V. Preferential and special tax treatments: the legal demarcation issue. *Nalogi = Taxes*, 2020, no. 3, pp. 3–7. (In Russ.).
2. Nogina O.A. Tax Benefit in Transition to and Application of Special Tax Regimes. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 1, pp. 80–87. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.98.1.080-087. (In Russ.).
3. Mironova S.M. Tax on professional income - five years of the experiment: interim results. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2023, no. 12, pp. 10–14. (In Russ.).
4. Ponomareva K.A., Batarin A.A., Shatalov S.D. Professional income tax: discussion issues from the point of view of the subjective composition of the tax regime. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26. Gosudarstvennyi audit = Bulletin of Moscow University. Series 26. State Audit*, 2024, no. 1, pp. 34–45. (In Russ.).
5. Lvova M.I. Prospects of taxation of self-employed persons in Russia. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Journal of Altai academy of economics and law*, 2019, no. 2-1, pp. 108–115. (In Russ.).
6. Ershov I.V., Levushkin A.N. (eds.). *Family business & the self-employed: a look through the prism of small business*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 560 p. (In Russ.).
7. Nogina O.A. *Special tax regimes*, Textbook for magistracy. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2021. 144 p. (In Russ.).

8. Sitnik A.A. Self-employed persons as subjects of tax relations. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2018, no. 3, pp. 31–34. (In Russ.).
9. Tropskaya S.S. Taxation of self-employed and the digital economy: tax on professional income. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2019, no. 5, pp. 22–26. (In Russ.).
10. Boziev R.M. Legal Regulation of the Professional Income Tax in Russia. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 9, pp. 49–62. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.049-062. (In Russ.).
11. Boziev R.M. Application of the patent system of taxation by self-employed individual entrepreneurs. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. 8, pp. 169–179. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.96.8.169-179. (In Russ.).
12. Zhutaev A.S. The Tax on Professional Income: Advantages and Shortcomings, First Results. *Nalogi = Taxes*, 2020, no. 2, pp. 7–8. (In Russ.).
13. Bagreeva E.G., Noskova A.A. Criminal law risks of an organization cooperating with the self-employed. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*, 2020, no. 3, pp. 27–30. (In Russ.).
14. Defossez D. The employment status of food delivery riders in Europe and the UK: Self-employed or worker?. *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 2022, vol. 29, iss. 1, pp. 25–46.
15. Aloisi A. Time Is Running Out. The Yodel Order and Its Implications for Platform Work in the EU. *Italian Labour Law*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 67–87.
16. Schoukens P., Barrio A. The changing concept of work: When does typical work become atypical?. *European Labour Law Journal*, 2017, vol. 8, iss. 4, pp. 306–332.
17. Kirina A. What labor disputes arise with the self-employed, and how they are resolved in practice peacefully and in courts. *Trudovoe pravo = Labor Law*, 2021, no. 6, pp. 79–86. (In Russ.).
18. Myktybaev T.D., Ivanova E.S. Tax Features of the Status Self-Employed According to the Legislation of Russia and Kazakhstan. *Vestnik MGPU. Seriya «Ekonomika» = MCU Journal of Economic Studies*, 2021, no. 3 (29), pp. 63–71. (In Russ.).
19. Simich I. How many self-employed can a company attract and how to prove in court the need for this particular form of employment?. *Trudovoe pravo = Labor Law*, 2019, no. 7, pp. 11–21. (In Russ.).
20. Loktyukhina N.V., Chernykh E.A. Individualization of labor relations: trends, problems and solutions. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social and labor research*, 2021, no. 4, pp. 51–61. (In Russ.).
21. The law on the self-employed was adopted in order to legalize them, and it is not necessary to use it to minimize tax payments! Interview with K.V. Novoselov. *Administrativnoe pravo = Administrative law*, 2019, no. 3, pp. 37–44. (In Russ.).
22. Savinov K.A., Lavrentyev A.R. Self-Employed: The First Results of a Two-Year Experiment. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2021, no. 6, pp. 26–30. (In Russ.).
23. Zapol'skii S.V. *Debatable issues of the theory of financial law*. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., Eksmo Publ., 2008. 160 p. (In Russ.).
24. Mironova S.M., Stetzenko E.Ya. Taxation of self-employed persons (some issues for the application of professional income tax). *Pravo i ekonomika*, 2019, no. 9, pp. 74–79. (In Russ.).
25. Boziev R.M. *Legal regulation of taxation of self-employed persons in the Russian Federation*, Cand. Diss. Moscow, 2024. 184 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пономарева Карина Александровна – доктор юридических наук, доцент, ¹ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики, ²профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения
¹ Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karina A. Ponomareva – Doctor of Law, Associate Professor; ¹Leading academic researcher, Center of Tax Policy; ²Professor, Department of Legal Support of the Market Economy, Higher School of Law
¹ Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

¹ 127006, Россия, г. Москва, Настасьинский пер., 3/2

² 119602, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82

E-mail: kponomareva@nifi.ru

ORCID: 0000-0002-2951-3067

ResearcherID: N-7562-2016

Батарин Алексей Алексеевич – кандидат юридических наук, ¹ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики; ²начальник отдела Управления оперативного контроля

¹ Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации

² Федеральная налоговая служба

¹ 127006, Россия, г. Москва, Настасьинский пер., 3/2

² 127381, Россия, г. Москва, ул. Неглинная, 23

E-mail: batarin@nifi.ru

ORCID: 0000-0002-8975-265X

ResearcherID: KYQ-6477-2024

Вишневская Надежда Геннадиевна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации

127006, Россия, г. Москва, Настасьинский пер., 3/2

E-mail: Nvishnevskaya@nifi.ru

ORCID: 0000-0001-5403-8213

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пономарева К.А. О направлениях совершенствования правового механизма налога на профессиональный доход / К.А. Пономарева, А.А. Батарин, Н.Г. Вишневская // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 34–43. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).34-43.

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

¹ 3/2, Nastas'inskii per., Moscow, 127006, Russia

² 82, Vernadskogo pr., Moscow, 119602, Russia

E-mail: kponomareva@nifi.ru

ORCID: 0000-0002-2951-3067

ResearcherID: N-7562-2016

Aleksei A. Batarin – PhD in Law; ¹Leading academic researcher, Center of Tax Policy; ²Head, Department of the Operating Control Administration

¹ Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

² Federal Tax Service of Russia

¹ 3/2, Nastas'inskii per., Moscow, 127006, Russia

² 23, Neglinnaya ul., Moscow, 127381, Russia

E-mail: batarin@nifi.ru

ORCID: 0000-0002-8975-265X

ResearcherID: KYQ-6477-2024

Nadezhda G. Vishnevskaya – PhD in Economy, Associate Professor; Leading academic researcher, Center of Tax Policy

Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

3/2, Nastas'inskii per., Moscow, 127006, Russia

E-mail: Nvishnevskaya@nifi.ru

ORCID: 0000-0001-5403-8213

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ponomareva K.A., Batarin A.A., Vishnevskaya N.G. On the directions of improving the legal mechanism of the professional income tax. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 34–43. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).34-43. (In Russ.).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОСМЕРТНОЙ РЕПРОДУКЦИИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

И.А. Третьяк

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
27 июля 2024 г.

Дата принятия в печать –
20 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения –
20 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Конституционный конфликт,
посмертная репродукция, право
на репродуктивный выбор,
права человека

Рассматриваются различные аспекты правового регулирования, связанные с проникновением в российскую правоприменительную практику технологий криоконсервации генетического материала и посмертной репродукции. В 2024 г. соответствующий конституционный спор стал предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ в связи с отказом государственного внебюджетного фонда в назначении пенсии по потере кормильца детям, зачатым и рожденным после смерти их генетического отца. В основе данного конституционного спора лежит конституционный конфликт, связанный с реализацией конституционных прав человека: права на охрану здоровья, частную жизнь и репродуктивный выбор, – с одной стороны, и позитивных обязательств государства в контексте принципа социального государства, а также конституционного принципа равенства.

CONSTITUTIONAL ASPECTS OF POSTHUMOUS REPRODUCTION IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Irina A. Tretiak

HSE University, Moscow, Russia

Article info

Received –
2024 July 27

Accepted –
2024 September 20

Available online –
2024 December 20

Keywords

Constitutional conflict,
posthumous reproduction,
right to reproductive choice,
human rights

The subject. The article examines a constitutional conflict arising between a citizen and the state on the issue of assigning social support measures to children, who were conceived and born after the death of the insured person (posthumous reproduction). In 2024, such a constitutional dispute became the subject of consideration by the Constitutional Court of the Russian Federation. Previously, similar disputes became the subject of consideration by the Supreme Court of the United States. In this regard, the subject of research in this article is the law enforcement practice that has developed in Russia, as well as in foreign countries, on the issue of using posthumous reproduction technologies. The author examines the following constitutional aspects of posthumous reproduction:

- the risk of a constitutional conflict arising in connection with posthumous reproduction;
- the limits and conditions for the exercise of the right to reproductive choice in posthumous reproduction.

The purpose of the article: to identify the constitutional risks of using cryopreservation technology of genetic material and posthumous reproduction, which may, under certain conditions, lead to the emergence of constitutional conflicts. And also to propose measures aimed at preventing such constitutional conflicts.

The methodology of the study includes general scientific methods (analysis, synthesis, description) and legal methods, method of constitutional conflict diagnosis. In addition to this, historical method was also applicable. The article also uses a comparative legal method to analyze the legislation and practice of foreign countries such as Israel, the USA, France, etc.

The main results. The author concludes that Russian legislation needs to be improved in order to prevent the emergence of constitutional conflicts related to posthumous reproduction. This requires new legal regulation based on constitutional norms on human rights, providing for the following conditions:

- mandatory written consent, made during the life of a citizen, about the intention to become a parent after his death and to have children;
- a time limit for the conception and birth of children after the death of the person who gave such consent.

1. Введение

9 июля 2024 г. на заседании Конституционного Суда РФ была принята к рассмотрению жалоба М.Ю. Щаниковой на нарушение прав ее несовершеннолетних детей положениями ч. 1 и 3 ст. 10 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» в той части, которая не предусматривает назначение страховой пенсии по случаю потери кормильца для детей, зачатых после смерти родителя с помощью биомедицинских технологий¹. На момент подготовки настоящей статьи данная жалоба принята к рассмотрению и находится на изучении у судей². Фабула этого конституционно-правового спора следующая. Заявительница вступила в брак с А.В. Щаниковым, который впоследствии умер. После смерти мужа заявительница не отказалась от планов иметь с ним совместных детей, прошла процедуру экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО) с использованием половых клеток супруга. Процедура прошла успешно, и у заявительницы родились двое детей. Решением Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга был установлен факт отцовства. Далее заявительница подала заявление в Отделение Пенсионного фонда РФ о назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца в отношении обоих детей. Однако Отделение Пенсионного фонда РФ отказало в назначении страховой пенсии³.

Вероятно, к моменту выхода настоящей статьи из печати уже будет известна правовая позиция Конституционного Суда РФ по поставленным вопросам. Вместе с тем полагаем необходимым начать научную дискуссию о конституционно-правовых аспектах посмертной репродукции, о праве на репродуктивный выбор и позитивных обязательствах государства по поддержке детей, рожденных при помощи вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) с использованием генетического материала умершего родителя. До настоящего времени исследователи в области конституционного права почти не обращались к рассмотрению вопроса о послед-

ствиях посмертной репродукции. Сегодня можно встретить публикации по данному вопросу специалистов в области гражданского и медицинского права (см., напр.: [1–4]).

Общественная дискуссия по данному вопросу только начинает складываться. В частности, 19 июля 2024 г. данный вопрос обсуждался в Государственной Думе на заседании Молодежного парламента при палате. Молодые парламентарии выступили с инициативой предоставить право на бесплатную сдачу и последующее хранение биологического материала военнослужащим, выполняющим задачи в условиях вооруженных конфликтов. Представитель Минздрава России, комментируя данную инициативу, отметил, что согласно действующему российскому законодательству невозможно будет использовать биологический материал погибшего человека, и сейчас «это самая большая нерешенная задача»⁴.

Под посмертной репродукцией понимается зачатие ребенка при помощи ВРТ с использованием генетического материала умершего к моменту зачатия человека. Таким образом, момент зачатия и момент рождения ребенка наступают после смерти лица, генетический материал которого был использован для зачатия.

Под генетическим материалом в настоящей статье понимаются как половые клетки человека, так и эмбрионы. Криоконсервация – это метод сохранения половых клеток и эмбрионов с помощью сверхбыстрого замораживания при очень низких температурах.

2. Допустимость криоконсервации генетического материала, а также посмертной репродукции в России и зарубежных странах

Вопрос допустимости посмертной репродукции тесно связан с правовым регулированием статуса эмбриона и установленной в государстве возможностью криоконсервации и хранения генетического материала, поскольку применение ВРТ и зачатие происходит после смерти одного из доноров генетического материала. Следовательно, генетиче-

¹ 10 июля 2024 года обновлен список обращений, принятых Конституционным Судом РФ к рассмотрению // Конституционный Суд РФ: офиц. сайт. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3863> (дата обращения: 20.07.2024).

² Конституционный Суд РФ рассмотрел жалобу М.Ю. Щаниковой 22 октября 2024 г., решение по делу будет объявлено позже. – *Примеч. ред.*

³ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского

суда от 2 сентября 2022 г., дело № 33-16982/2022. URL: https://sankt-petersburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=64772950&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 20.07.2024).

⁴ Киреева В. В Минздраве объяснили проблемы реализации посмертной репродукции // Парламентская газета. 2024. 19 июля. URL: <https://www.pnp.ru/economics/v-minzdrave-obyasnili-problemy-realizacii-posmertnoy-reprodukcii.html> (дата обращения: 20.07.2024).

ский материал нужно хранить какое-то время до предполагаемого использования, и требуется определить, кому принадлежит право распоряжаться им. Или, как точно сформулировал эту связь Г.Б. Романовский, «замороженный эмбрион создает почву для потенциального юридического конфликта, когда один из участников процесса пожелает решить судьбу эмбриона без участия второй стороны» [5, с. 13].

Зарубежные ученые также отмечают, что вопрос о посмертной репродукции был порожден появлением технологии криоконсервации половых клеток и эмбрионов [6, р. 169; 7, р. 579].

Во многих странах мира с развитой медициной люди всё чаще прибегают к криоконсервации генетического материала, как правило, в следующих случаях:

- солдаты, направленные в зоны боевых действий;
- мужчины и женщины, страдающие раком или другими неизлечимыми заболеваниями;
- спортсмены и другие лица, занимающиеся опасной деятельностью [8, р. 91].

К таким медицинским технологиям могут также прибегнуть и лица, желающие отложить принятия решения о материнстве или отцовстве.

Как только генетический материал извлечен и криоконсервирован, возникает риск конституционного конфликта между лицами, предоставившими свой генетический материал, а также между лицом, претендующим на единоличное использование генетического материала, и государством в контексте последующего установления отцовства, материнства, признания наследником и получателем мер социальной поддержки. Под конституционным риском мы предлагаем понимать вероятность наступления для субъектов конституционного права негативных последствий (правового урона) ввиду возникновения противодействия по поводу конституционных ценностей. Изучению рисков в праве посвящен соответствующий раздел научного знания – правовой рискологии, в рамках которой в последнее время учеными высказываются идеи о формировании конституционно-правовой рискологии [9; 10], изучающей непосредственно конституционные риски. За последнее десятилетие резко возросло количество исследований, посвященных рискам в конституционном праве (см., напр.: [11–17]).

Риск возникновения конституционного конфликта повышается, поскольку, как сказал один из героев романа «Мастер и Маргарита»: «Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!» И в случае внезапного наступления смерти индивида ситуация может усугубиться тем, что о своих намерениях реализовать право на репродуктивный выбор после смерти человек не оставлял никаких волеизъявлений при жизни. Такая же спорная ситуация возникнет и в случае наступления недееспособности или пропажи без вести лица, сдавшего на хранение свой генетический материал.

Часть из обозначенных вопросов исследовались Европейским Судом по правам человека в деле «Эванс против Великобритании» в 2007 г.⁵ Из материалов, полученных Европейским Судом, следует, что хранение эмбрионов на протяжении различных сроков разрешено в Австрии, Азербайджане, Болгарии, Хорватии, Дании, Эстонии, Франции, Грузии, Греции, Венгрии, Исландии, Италии, Латвии, Нидерландах, Норвегии, России, Словении, Испании, Швеции, Швейцарии, Турции и Соединенном Королевстве. При этом в Германии и Швейцарии за одну процедуру может быть создано не более трех эмбрионов, которые немедленно имплантируются, а в Италии закон разрешает заморозку эмбрионов лишь в исключительных случаях медицинского характера. Ввиду того, что отсутствует европейский консенсус по многим вопросам, связанным с применением ВРТ, государствам предоставлены широкие пределы усмотрения в данной сфере с учетом сложности моральных и этических вопросов, которые порождает ЭКО и по которым в демократическом обществе мнения могут сильно расходиться [18, с. 476–477].

Возможность криоконсервации и хранения генетического материала – это лишь предпосылка для осуществления посмертной репродукции. Но не все страны, допускающие криоконсервацию, разрешают также осуществление посмертной репродукции.

Первая посмертная программа суррогатного материнства в России была успешно осуществлена в 2005 г. в Екатеринбурге в семье Екатерины Захаровой [3, с. 33]. Ребенок родился спустя два года после смерти своего отца⁶.

⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 марта 2006 г. Дело «Эванс против Соединенного Королевства» [Evans – United Kingdom] (жалоба № 6339/05) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Панкратьева Е. Бабушка мальчика, рожденного через два года после смерти отца, воюет с соседом за свою школу // E1.RU. 2021. 31 марта. URL: <https://www.e1.ru/text/family/2021/03/31/69837701/> (дата обращения: 20.07.2024).

С юридической точки зрения, в России посмертная репродукция никак не урегулирована. При этом, как указывает К.Н. Свитнев, ни одна из стран в мире до сих пор не имеет четкой правовой регламентации подобных программ [3, с. 37]. Но многие страны делают уверенные шаги с целью преодоления этого пробела.

На правовое регулирование данного вопроса оказывают влияние такие факторы, как конституционная идентичность, исторический опыт и современный социальный контекст, сложившийся в том или ином государстве [19, с. 92].

Здесь отметим факторы, которые могут повлиять на правовое регулирование посмертной репродукции в Российской Федерации. С одной стороны, в ходе конституционных поправок 2020 г. в Конституции РФ появилась норма о том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики, а государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей (ч. 4 ст. 67.1). Также Конституционный Суд РФ отмечал в своих решениях особую роль семьи в развитии личности ребенка, удовлетворении его духовных потребностей и обусловленную этим конституционную ценность института семьи. Указанные принципы лежат и в основе государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, которая направлена на повышение уровня рождаемости как важного условия сохранения и развития многонационального народа России⁷.

В соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351⁸, одной из основных задач демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. является повышение уровня рождаемости.

С другой стороны, Конституционный Суд РФ в ряде своих решений отмечал, что семья, материнство и детство рассматриваются им в «их традицион-

ном, воспринятом от предков понимании»⁹. Представляется очевидным, что понимание семейных отношений, возникающих в ходе рождения ребенка в результате посмертной репродукции, отличается от традиционного, воспринятого от предков понимания, как минимум потому, что наши предки не обладали такими медицинскими технологиями.

Таким образом, приняв конституционную жалобу заявительницы к рассмотрению, Конституционный Суд РФ оказался перед дилеммой: что перевесит на весах конституционного правосудия – стремление поддержать рождаемость в стране любыми доступными способами и защитить интересы детей или сохранение традиционного понимания семьи, материнства, отцовства и детства?

За последние несколько лет, начиная с 2021 г., российский законодатель сделал значительный шаг вперед в регулировании ВРТ и вопросов, связанных с установлением отцовства и материнства в отношении детей, рожденных при помощи ВРТ. Согласно ч. 5 ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» граждане имеют право на криоконсервацию и хранение своего генетического материала за счет личных и иных средств. Таким образом, в России законодательством предусмотрена возможность криоконсервации, что с точки зрения медицинской технологии делает возможным и существование посмертной репродукции.

3. Право на репродуктивный выбор vs право распоряжения криоконсервированным генетическим материалом

С 1 января 2021 г. вступил в силу Приказ Министерства здравоохранения России от 31 июля 2020 г. № 803н¹⁰, который утвердил Порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий (далее – Приказ № 803н и Порядок использования ВРТ соответственно).

Согласно пп. «а» п. 31 Порядка использования ВРТ показанием для криоконсервации биоматериала-

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона “О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей” в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 28 (ч. II). Ст. 5629.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009.

⁹ См., напр, постановления Конституционного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 30-П (Собрание законодательства Рос-

сийской Федерации. 2021. № 28 (ч. II). Ст. 5629), от 20 июня 2018 г. № 25-П (Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 27. Ст. 4138), от 16 июня 2015 г. № 15-П (Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 26. Ст. 3944).

¹⁰ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202010190041.

лов является необходимость хранения половых клеток, эмбрионов с целью дальнейшего использования при лечении бесплодия с применением программ ВРТ. Оказание медицинской помощи с использованием ВРТ проводится на основе информированного добровольного согласия гражданина на медицинское вмешательство по утвержденной форме. Эта форма согласия предусматривает принятие решения в отношении половых клеток, эмбрионов, оставшихся после проведения программ ЭКО. В частности, возможен выбор следующих вариантов: криоконсервировать; утилизировать; донировать. При этом решение о дальнейшей тактике в отношении неиспользованных половых клеток и эмбрионов принимают лица, которым принадлежат половые клетки и/или эмбрионы, путем заключения гражданско-правовых договоров. И тут к и без того сложному правовому регулированию вопроса распоряжения генетическим материалом добавляется гражданско-правовой аспект свободы договора.

Как отмечает А.В. Ярош, как правило, супружеские пары (партнеры) принимают решение о криоконсервации с последующим хранением оставшихся эмбрионов путем заключения гражданско-правового договора [20, с. 112]. Другие исследователи указывают, что отношения, связанные с криоконсервацией и хранением эмбрионов, в российском законодательстве являются пробельными, причем ключевым неурегулированным вопросом становится определение дальнейшего использования таких эмбрионов [21, с. 210]. В настоящее время отсутствует специально установленная форма такого договора, не определены его существенные условия, в связи с чем применяются нормы, касающиеся договора оказания медицинских услуг, и соответствующие нормы Гражданского кодекса РФ. С учетом этого медицинские организации самостоятельно разрабатывают формы необходимых документов, иногда включая в них и положения, определяющие порядок распоряжения генетическим материалом после смерти одного из пациентов.

Здесь возникает вопрос: принятие решения о распоряжении криоконсервированным генетическим материалом – это гражданское право распоряжения движимой вещью или это конституционное право на репродуктивный выбор, проистекающее из конституционного права на частную жизнь и права на охрану здоровья?

В соответствии со ст. 1 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» органы и (или) ткани человека не

могут быть предметом купли-продажи. Но уже во второй статье данного закона вводится оговорка, что его действие не распространяется на органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани. Что вновь открывает дискуссию о гражданско-правовой природе распоряжения криоконсервированным генетическим материалом.

Как отмечают Н.Ю. Чернущий и А.В. Цихоцкий, исследователи из Сибирского отделения Российской академии наук, определение правового режима биологического материала человека зависит от причины его отторжения и цели дальнейшего использования. Тем не менее таким объектам даже после их овеществления присуща нематериальная ценность, в связи с чем правовое регулирование должно учитывать и морально-нравственные основы его использования [22, с. 84].

По нашему мнению, морально-нравственный компонент в отношении использования криоконсервированного генетического материала не может вписаться в рамки сугубо гражданско-правового регулирования. В связи с этим считаем необходимым поддержать тезис Д.А. Беловой о том, что проблема посмертной репродукции должна решаться не посредством инструментов вещного права, не предназначенных для этой цели, а с помощью специально разработанных правовых механизмов [23, с. 118]. При этом в основе этих механизмов должны быть нормы конституционного права. Поскольку, если мы говорим о праве с аксиологических позиций, то важнейшей сферой правового регулирования, сосредоточившей в себе защищаемые правом ценности, является именно конституционное право. Также мы разделяем точку зрения тех ученых, которые рассматривают репродуктивные права (в том числе право на репродуктивный выбор) как конституционные по своей природе права [24].

С учетом этого, вопрос о распоряжении криоконсервированным генетическим материалом должен рассматривать как элемент конституционного права на репродуктивный выбор и регулироваться исходя из конституционных норм: о праве на жизнь; на уважение человеческого достоинства; на охрану частной жизни и на охрану здоровья, – а не на основе гражданско-правового принципа свободы договора и права частной собственности.

4. Презумпция совершения репродуктивного выбора

В решениях судов общей юрисдикции по делу заявительницы М.Ю. Щаниковой не исследовался

вопрос о волеизъявлении умершего супруга. Если в деле заявительницы было согласие супруга на распоряжение эмбрионами после его смерти, то будет ли оно также означать, что супруг заявительницы был согласен и на зачатие и рождение детей после его смерти? Иными словами, действует ли в данном случае презумпция совершенного репродуктивного выбора?

Основанием для существования подобной презумпции являются положения ч. 4, 5 ст. 51 Семейного кодекса РФ, согласно которым лица, давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, в случае рождения у них ребенка в результате применения этих методов записываются его родителями. Здесь мы видим связь между согласием на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона и последствием – записью родителями ребенка.

Однако такая презумпция совершения репродуктивного выбора при наличии согласия на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона может быть опровергнута.

Во-первых, даже после криоконсервации эмбрионов человек может передумать становиться родителем, как и случилось в деле «Эванс против Великобритании» [18, с. 475–476]. Другой пример: допустим, презумпция действует, и человек убежден в своем желании стать родителем при помощи ЭКО, но он, к несчастью, внезапно умирает. Можем ли мы утверждать, что этот человек готов был пойти и на то, чтобы дети были зачаты после его смерти? Охватывает ли это согласие на применение процедуры ЭКО в том числе согласие на посмертную репродукцию?

В США следующим образом предлагают урегулировать данный вопрос. В соответствии с подготовленным Комиссией по унификации законодательства Актом о родительстве предлагается предусмотреть, что если человек, который в письменной форме дал согласие стать родителем с помощью ВРТ, умирает до проведения ВРТ, то он не является родителем родившегося в результате посмертной репродукции ребенка, если только умерший человек не дал письменного согласия на то, чтобы быть родителем такого ребенка¹¹.

Полагаем, что смерть или время жизни и факт его конечности являются серьезным обстоятельством,

влияющим на выбор человеком того или иного варианта поведения. В работе О.Н. Бибика убедительно показано, что время жизни выступает как основополагающая ценность, детерминирующая мировоззрение человека и его поступки [25, с. 42].

В связи с этим принятие в расчет фактора конечности времени жизни может существенно повлиять на выбор человека относительно возможности появления у него детей после смерти. И такое волеизъявление должно однозначно свидетельствовать о том, что человек осознанно сделал свой репродуктивный выбор в пользу посмертной репродукции. Сейчас такого рода требования к волеизъявлению пациентов российским законодательством и правоприменительной практикой не предусмотрены.

5. *Capato case* Верховного Суда США

В 2012 г. Верховный Суд США рассмотрел дело, в котором заявительница Карен Капато также оспаривала отказ страхового агентства в назначении пенсии по случаю потери кормильца ее детям, родившимся в результате посмертной репродукции с применением биологического материала умершего супруга – Роберта Капато. В соответствии с законодательством США право на получение пенсии по случаю потери кормильца имеют те дети умершего, которые могут быть призваны к наследству по закону штата, где был застрахован умерший. Суд установил, что Роберт Капато умер по месту жительства во Флориде. Согласно законодательству этого штата, ребенок, родившийся посмертно, может наследовать по закону, только если он был зачат при жизни умершего; при этом посмертно зачатый ребенок не имеет права на предъявление иска в отношении имущества умершего, если только ребенок не был упомянут в завещании¹².

Законодательство отдельных штатов США предусматривает возможность наследования детьми, зачатыми после смерти наследодателя в течение определенного срока (как правило, от одного до трех лет после смерти). В таких штатах, как Калифорния, Колорадо, Делавэр, Флорида, Северная Дакота, Техас, Вирджиния, Вайоминг, Вашингтон, и федеральной территории – Округе Колумбия есть законы, в которых четко определены права наследования детей, рожденных в результате посмертной репродукции. В Колорадо, Делавэре, Техасе, Вашингтоне и Вайоминге умерший человек признаётся отцом или

¹¹ The Uniform Parentage Act (2000, as amended 2002). URL: <https://uniformlaws.org/> (дата обращения: 20.07.2024).

¹² *Astrue v. Capato*. Supreme Court of the United States. May 21, 2012. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/566/541/> (дата обращения: 20.07.2024).

матерью детей, рожденных в результате посмертной репродукции, только если он или она при жизни дали письменное согласие стать родителями после своей смерти [7, р. 588].

В дальнейшем суд применил телеологическое толкование и установил, что целью закона о страховании было не создание программы, в целом приносящей пользу всем нуждающимся лицам, но речь шла о том, чтобы «обеспечить... зависимых членов семьи работающего наемного работника защитой от лишений, вызванных потерей заработка застрахованного»¹³.

В настоящее время в США ведется дискуссия о необходимости расширения гарантий детей, рожденных в результате посмертной репродукции, на получение социального обеспечения по случаю потери кормильца, при этом обсуждаются два критерия для получения такой поддержки:

- 1) доказанное намерение умершего застрахованного родителя иметь детей после его смерти;
- 2) пресекаемый срок рождения детей после смерти застрахованного родителя в целях стабилизации гражданского оборота, особенно по спорам о наследстве.

В странах, в которых разрешена посмертная репродукция, как правило, вводятся два критерия: 1) время рождения детей (пресекаемый период – в течение двух или трех лет со дня смерти застрахованного лица); 2) прижизненное согласие лица на посмертную репродукцию с использованием его генетического материала [19, с. 92].

6. Вывод

Полагаем, что право более не может оставаться в стороне от регулирования вопросов применения посмертной репродукции, и во избежание рисков возникновения конституционных конфликтов целесообразно урегулировать данные правоотношения, и ядро такого регулирования должно быть основано на конституционном праве человека на защиту частной жизни и охрану здоровья. При этом такое регулирование должно предполагать письменное согласие человека на появление у него детей после смерти в результате применения ВРТ, а также условие о появлении детей в результате посмертной репродукции в течение определенного времени после смерти лица, не превышающего 3 лет, что является разумным сроком и соотносится с общегражданским сроком исковой давности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Румянцева А. А. Практика рассмотрения зарубежными судами дел, связанных с посмертной репродукцией (Австралия, Великобритания) / А. А. Румянцева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 3 (219). – С. 185–188.
2. Гайбатова К. Д. О проблеме установления происхождения детей, рожденных в рамках программ посмертной репродукции / К. Д. Гайбатова // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 11 (138). – С. 126–127.
3. Свитнев К. Н. Правовые и этические аспекты посмертной репродукции / К. Н. Свитнев // Правовые вопросы в здравоохранении. – 2011. – № 6. – С. 30–43.
4. Максимова И. А. Особенности оказания медицинских услуг при реализации права на посмертную репродукцию человека / И. А. Максимова // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию ун-та, Краснодар, 16 февр. 2017 г. – Краснодар, 2017. – С. 386–391.
5. Романовский Г. Б. Правовое регулирование хранения половых клеток и эмбрионов / Г. Б. Романовский // Медицинское право. – 2010. – № 2. – С. 12–17.
6. Kindregan Jr. C. P. Embryo Donation: Unresolved legal issues in the transfer of surplus cryopreserved embryos / C. P. Kindregan Jr., M. McBrien // Villanova Law Review. – 2004. – Vol. 49, iss. 1. – P. 169–206.
7. Kindregan Jr. C. P. Posthumous Reproduction / C. P. Kindregan Jr., M. McBrien // Family Law Quarterly. – 2004. – Vol. 39, no. 3. – С. 579–597.
8. Knaplund K. S. Postmortem conception and a father's last will / K. S. Knaplund // Arizona Law Review. – 2004. – Vol. 46. – P. 91–115. – DOI: 10.2139/ssrn.1292953.
9. Киреев В. В. Проблемы и перспективы развития конституционно-правовой рискологии / В. В. Киреев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – Т. 13, № 3. – С. 71–76.

¹³ Ibid.

10. Киреев В. В. Роль науки конституционного права в выявлении и оценке конституционных рисков / В. В. Киреев // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2013. – № 27. – С. 28–32.
11. Киреев В. В. О теории риска в российской науке конституционного права / В. В. Киреев // Проблемы права. – 2012. – № 7 (38). – С. 11–16.
12. Тихомиров Ю. А. Риск и право / Ю. А. Тихомиров, С. М. Шахрай. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. – 64 с.
13. Масловская Т. С. Риски в конституционном праве / Т. С. Масловская // Журнал российского права. – 2016. – № 12 (240). – С. 17–26. – DOI: 10.12737/22716.
14. Новикова А. Е. Проблемы институционализации правозащитных рисков в современной конституционно-правовой науке России / А. Е. Новикова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 10. – С. 21–25.
15. Киреев В. В. Формирование научных представлений о конституционных рисках в современной России: проблемы и перспективы / В. В. Киреев // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 10. – С. 12–14.
16. Безруков А. В. Выявление, минимизация и устранение конституционных рисков как средство обеспечения правопорядка / А. В. Безруков // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 11. – С. 18–22.
17. Любобенко Е. С. Конституционные риски социальных коллизий / Е. С. Любобенко // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 515–518.
18. Конституционные права в России: судебная практика и сравнительные материалы : учеб. пособие / под общ. ред. А. В. Должикова и А. А. Троицкой. – М. : Центр конституц. исслед., 2024. – 582 с.
19. Шелютто М. Л. Дети, зачатые после смерти родителя: установление происхождения и наследственные права / М. Л. Шелютто // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 4 (59). – С. 91–98. – DOI: 10.12737/21253.
20. Ярош А. В. Гражданско-правовая конструкция договора на криоконсервацию и хранение эмбриона / А. В. Ярош // Журнал российского права. – 2021. – № 12. – С. 108–119. – DOI: 10.12737/jrl.2021.152.
21. Боннер А. Т. Некоторые аспекты правовых проблем искусственного оплодотворения в свете постановлений ЕСПЧ: взгляд из Страсбурга, не всегда совпадающий с взглядом из Санкт-Петербурга и Москвы / А. Т. Боннер // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9, № 3. – С. 201–230. – DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-3-201-230.
22. Чернущь Н. Ю. Гражданско-правовой режим биологического материала человека / Н. Ю. Чернущь, А. В. Цихоцкий // Российский юридический журнал. – 2019. – № 1 (124). – С. 81–87.
23. Белова Д. А. Правовой режим репродуктивного биологического материала / Д. А. Белова // Lex russica. – 2021. – Т. 74, № 7. – С. 111–121. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.111-121.
24. Посадкова М. В. Будущее уже здесь: о конституционной природе репродуктивного права на рождение ребенка с использованием вспомогательных технологий / М. В. Посадкова // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 6 (151). – С. 72–94.
25. Библик О. Н. Время жизни как ключевой фактор, детерминирующий поведение человека / О. Н. Библик // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 35–47. – DOI: 10.24147/1990-5173.2022.19(3).35-47.

REFERENCES

1. Rumyanceva A.A. The practice of consideration by foreign courts of cases related to posthumous reproduction (Australia, Great Britain). *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*, 2023, no. 3 (219), pp. 185–188. (In Russ.).
2. Gajbatova K.D. On the problem of establishing the origin of children born in the framework of posthumous reproduction programs. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian law journal*, 2019, no. 11 (138), pp. 126–127. (In Russ.).
3. Svitnev K.N. Legal and ethical aspects of posthumous reproduction. *Pravovye voprosy v zdravookhranении*, 2011, no. 6, pp. 30–43. (In Russ.).
4. Maksimova I.A. Features of the provision of medical services in the realization of the right to posthumous human reproduction, in: *Aktual'nye problemy razvitiya grazhdanskogo prava i grazhdanskogo protsesssa*, Proceedings

of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 40th anniversary of the University, Krasnodar, February 16, 2017, Krasnodar, 2017, pp. 386–391. (In Russ.).

5. Romanovskij G.B. Legal Regulation of Storage of Germ Cells and Embryos. *Meditinskoe pravo = Medical Law*, 2010, no. 2, pp. 12–17. (In Russ.).

6. Kindregan Jr. C.P., McBrien M. Embryo donation: unresolved legal issues in the transfer of surplus cryo-preserved embryos. *Villanova Law Review*, 2004, vol. 49, iss. 1, pp. 169–206.

7. Kindregan Jr. C.P., McBrien M. Posthumous reproduction. *Family Law Quarterly*, 2004, vol. 39, no. 3, pp. 579–597.

8. Knaplund K.S. Postmortem conception and a father's last will. *Arizona Law Review*, 2004, vol. 46, pp. 91–115. DOI: 10.2139/ssrn.1292953.

9. Kireev V.V. Problems and prospects for development of legal constitutional riskology. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2013, vol. 13, no. 3, pp. 71–76. (In Russ.).

10. Kireev V.V. The role of the science of constitutional law in the identification and assessment of constitutional risks. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 2013, no. 27, pp. 28–32. (In Russ.).

11. Kireev V.V. On the theory of risk in the Russian science of constitutional law. *Problemy prava = Issues of law*, 2012, no. 7 (38), pp. 11–16. (In Russ.).

12. Tikhomirov Yu.A., Shakhrai S.M. *Risk and law*. Moscow, Moscow University Publ., 2012. 64 p. (In Russ.).

13. Maslovskaya T.S. Risks in constitutional law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 12 (240), pp. 17–26. DOI: 10.12737/22716. (In Russ.).

14. Novikova A.E. Problems of institutionalization of human rights risks in modern constitutional and legal science of Russia. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2011, no. 10, pp. 21–25. (In Russ.).

15. Kireev V.V. Establishment of scientific beliefs on constitutional risks in modern Russia: issues and prospects. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2017, no. 10, pp. 12–14. (In Russ.).

16. Bezrukov A.V. Identification, minimization and elimination of constitutional risks as means of securing law and order. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2018, no. 11, pp. 18–22. (In Russ.).

17. Lyubovenko E.S. Constitutional risks of social conflicts. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical techniques*, 2019, no. 13, pp. 515–518. (In Russ.).

18. Dolzhikov A.V., Troitskaya A.A. (eds.). *Constitutional rights in Russia: judicial practice and comparative materials*, Teaching aid. Moscow, Center for Constitutional Studies Publ., 2024. 582 p. (In Russ.).

19. Shelyutto M.L. Posthumously conceived children: determination of parentage and inheritance rights. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of foreign legislation and comparative law*, 2016, no. 4 (59), pp. 91–98. DOI: 10.12737/21253. (In Russ.).

20. Yarosh A.V. Legal construction of the civil legal agreement for embryo cryoconservation and storage. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, no. 12, pp. 108–119. DOI: 10.12737/jrl.2021.152. (In Russ.).

21. Bonner A.T. Some legal problems issues of medically assisted procreation in the light of ECHR regulations: a view from Strasbourg, which is not always matching with a view from St. Petersburg and Moscow. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of Civil Procedure*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 201–230. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-3-201-230. (In Russ.).

22. Chernus' N., Tsikhotskii A. The civil-law regime of human biological material. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2019, no. 1 (124), pp. 81–87. (In Russ.).

23. Belova D.A. Legal framework for reproductive biological material. *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 7, pp. 111–121. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.111-121. (In Russ.).

24. Posadkova M. The future has arrived: the constitutional nature of a right of access to reproductive and genetic technologies. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2022, no. 6 (151), pp. 72–94. (In Russ.).

25. Bibik O.N. Time of life as a key factor, determining human behavior. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2022, vol. 19, no. 3, pp. 35–47. DOI: 10.24147/1990-5173.2022.19(3).35-47. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Третьяк Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент департамента публичного права

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

E-mail: itretiak@hse.ru

ORCID: 0000-0001-7609-8719

ResearcherID: AAY-6218-2021

SPIN-код РИНЦ: 3455-2600; AuthorID: 762457

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Irina A. Tretiak – PhD in Law, Associate Professor, Public Law Department

HSE University

20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russia

E-mail: itretiak@hse.ru

ORCID: 0000-0001-7609-8719

ResearcherID: AAY-6218-2021

RSCI SPIN-code: 3455-2600; AuthorID: 762457

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Третьяк И.А. Конституционно-правовые аспекты посмертной репродукции в России и зарубежных странах / И.А. Третьяк // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 44–53. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).44-53.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tretiak I.A. Constitutional aspects of posthumous reproduction in Russia and foreign countries. *Pravoprimeneniye = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 44–53. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).44-53. (In Russ.).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ АРКТИЧЕСКИХ СТРАН В ОБЛАСТИ АДАПТАЦИИ К ИЗМЕНЕНИЯМ КЛИМАТА: НА ПРИМЕРЕ «НАЦИОНАЛЬНЫХ АДАПТАЦИОННЫХ ПЛАНОВ»*

М.Ю. Задорин¹, Е.Ф. Гладун²

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Архангельск, Россия

² Тюменский карбоновый полигон (FEWZ-2024-0016), Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

15 июня 2024 г.

Дата принятия в печать –

01 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Адаптация, изменение климата,
национальные планы,
национальные стратегии,
Арктика, международные
стандарты

Рассматривается зарубежный опыт имплементации международных стандартов в национальные климатические стратегии и планы на примере государств Арктики. Анализ показал, что каждая из арктических стран имеет свою специфику в рамках мероприятий по адаптации, и по каждой стране можно выделить ключевые ориентиры в области государственного управления: от расширения научных исследований в области адаптации до организации мероприятий, связанных с особенностями функционирования арктических экосистем, населенных пунктов и сообществ. Делается вывод, что зарубежный опыт дает представление о том, какие инструменты могут быть использованы отечественным законодателем и правоприменителями.

Вклад авторов в работу: М.Ю. Задорин – 50 % (параграфы 2.4., 2.5., 2.6., 2.7.), Е.Ф. Гладун – 50 % (аннотация, введение, структуризация статьи, параграфы 2.1., 2.2, 2.3 – 50 %).

ARCTIC STATES' POLICY ON CLIMATE CHANGE ADAPTATION: EXAMPLES OF NATIONAL ADAPTATION PLANS**

Maksim Yu. Zadorin¹, Elena F. Gladun²

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

² Carbon Measurement Test Area in Tyumen' Region (FEWZ-2024-0016), University of Tyumen, Tyumen, Russia

Article info

Received –

2024 June 15

Accepted –

2024 September 01

Available online –

2024 December 20

The article touches upon the issues of the implementation of international standards in national climate strategies on the example of the Arctic states. The analysis showed that each Arctic country has its own specifics in adaptation activities, and key guidelines in the field of public administration can be identified for each jurisdiction: from expanding scientific research in the field of adaptation, to special issues related to arctic ecosystems, urban infrastructure and communities. Experience of different states gives multiple ideas on tools which can be used by domestic legislator and law enforcers. Thus, the subject of the study is the arctic states' policies presented by national strategies, concepts and plans on climate change adaptation.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20286, <https://rscf.ru/project/22-28-20286/>. Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Тюменский карбоновый полигон» (FEWZ-2024-0016).

** The research was carried out at the expense of a grant by Russian Science Foundation No. 22-28-20286, <https://rscf.ru/project/22-28-20286/>.

This study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the Carbon Measurement Test Area in Tyumen Region (FEWZ-2024-0016).

Keywords

Adaptation, climate change,
national plans, national strategies,
Arctic, international standards

The purpose of the article is the analysis of the current national climate change adaptation strategies, concepts and plans implemented by state authorities on national and regional (local) levels.

The methodological basis. Particular attention was paid to the formal legal method, which was used by the authors of the study to analyze national legal “framework” on climate change adaptation, especially in rural areas, human security, nutrition and the protection of the most fragile elements of the social system.

The key results and conclusions. Each of the Arctic countries has its own specifics in the field of response to climate change, which is reflected in the adaptation activities and key guidelines of each state:

- Finland: activating civil society institutions to manage adaptation risks;
 - Norway: humanitarian mission to developing countries in order to expand the “market” of potential customers for services in a variety of areas of adaptation;
 - Sweden: expanding cooperation between the Government and municipalities on the technological safety of urban infrastructure to combat natural disasters;
 - Denmark: expanding research into adaptation, safety issues associated with increased rainfall and flooding;
 - Iceland: expanding scientific research to provide high-quality forecasts for the implementation of operational adaptation activities;
 - USA: strengthening the coordination function of federal government bodies aimed at interaction with various stakeholders;
 - Canada: full implementation of the Paris Agreement on “net-zero emissions” by 2050.
- The authors' contributed to work: Maksim Yu. Zadorin – 50% (sections 2.4., 2.5., 2.6., 2.7.)
Elena F. Gladun – 50% (abstract, introduction, structure of the article, sections 2.1., 2.2, 2.3).

1. Введение

Изменение климата – это глобальный вызов для всех государств мира, так как оно затрагивает не только экосистемы и окружающую среду, но и экономические интересы (природоресурсный потенциал Арктики, значимый как для арктических, так и для неарктических государств [1]) и социальные процессы (северное оленеводство в арктических странах [2–4]), а также технологические средства и процессы («техно-фикс» адаптации, например на Шпицбергене) [5], функционирование портовых сооружений в условиях повышения уровня моря [6], «арктический бизнес» [1; 7].

Статья посвящена опыту имплементации международных стандартов в национальные климатические стратегии на примере арктических государств. Арктический фокус не случаен, так как именно Арктика испытывает на себе достаточно тяжелые климатические изменения: от исчезновения морского льда, увеличения количества осадков и сброса пресной воды до изменений подводного освещения и усиления окисления океана [8; 9]. Вместе с тем до сих пор отсутствует полноценная организационная структура, необходимая для адаптации к измене-

ниям климата, обобщающая международный и национальный опыт, знания коренных народов, институциональный инструментарий, основанный на «экосистемном подходе» [10].

2. Результаты исследования. Обзор национальных адаптационных планов зарубежных арктических стран

2.1. Национальная стратегия по адаптации Финляндии

Финляндия приняла как Национальную стратегию по адаптации к климатическим изменениям (2005)¹, так и национальный и секторальные планы по адаптации². В настоящее время в Финляндии проводятся 12 основных мероприятий в области адаптации для достижения поставленных Правительством задач и главной цели – способности финского общества управлять рисками, связанными с изменением климата и адаптироваться к ним. К числу этих мероприятий относятся:

- 1) проведение исследований по устойчивости к изменению климата на национальном уровне;
- 2) разработка и реализация планов действий для конкретных административных структур с учетом международных последствий изменения климата;

¹ Finland's National Strategy for Adaptation to Climate Change. Vammala: Ministry of Agriculture and Forestry of Finland, 2005. 280 p. URL: <http://urn.fi/URN:ISBN:952-453-231-X>.

² Finland's National Climate Change Adaptation Plan 2022. URL: https://climate-laws.org/document/national-climate-change-adaptation-plan-2022_a084.

3) содействие региональным и локальным исследованиям по адаптации;

4) международное сотрудничество в сфере адаптации;

5) включение политики адаптации в политику Евросоюза и проекты международного регионального сотрудничества;

6) улучшение оценки и управления климатическими рисками;

7) разработка инструментов, применимых к управлению финансовыми рисками, вызванными изменением климата;

8) усиление результатов исследований в области адаптации;

9) развитие возможностей бизнеса, связанного с адаптацией;

10) разработка инструментов региональной адаптации;

11) развитие коммуникаций в области адаптации;

12) разработка образовательной политики и программ обучения по адаптации.

Представляет интерес план по адаптации 2022 г.: он снабжен наглядной инфографикой, а также так называемыми «факт-боксами», в которых можно найти важнейшие идеи в сжатом виде. Например, описывается ожидаемое потепление климата в Арктике; поясняется, почему оленеводство саамов находится под угрозой. Отмечается, что в Финляндии принята Региональная климатическая стратегия Лапландии до 2030 г. и Стратегия Арктического региона 2013 г., которая определяет направления развития образования и международного сотрудничества. В соответствии с Планом по адаптации в городах развиваются «экосистемные услуги», которые включают в себя очистку воздуха, фильтрацию и очистку воды, «детоксикацию городских загрязнителей», «фиксацию атмосферной двуокиси углерода», мероприятия по снижению риска наводнений и другого вреда, связанного со стоками дождевых вод и таянием снега.

Безусловно, нельзя не упомянуть и муниципальный уровень адаптационных мер. Экспертами было проанализировано управление климатическими рисками в финских муниципалитетах, в том числе путем оценки ключевых источников информа-

ции и основных препятствий на пути работы с климатическими рисками. Полученные результаты показывают, что муниципалитеты, как правило, медленно внедряют инструменты управления климатическими рисками, что связано с отсутствием достаточного информационного сопровождения, а также с «межмуниципальной бюрократией» [11].

Ярким примером, подтверждающим отсутствие достаточного информационного сопровождения и необходимых компетенций представителей органов публичной власти, являются регионы Уусимаа и Пирканмаа [12].

2.2. Национальные планы адаптации в Норвегии

В настоящее время национальный план адаптации к изменениям климата в Норвегии отсутствует, однако еще в 2013 г. был принят официальный правительственный отчет по ситуации с изменением климата в Норвегии³. Принят отчет Правительства Норвегии под названием «Климат, голод и уязвимость. Стратегия адаптации к изменению климата, предупреждение стихийных бедствий и помощь голодающим»⁴. Этот объемный документ содержит следующие ключевые идеи:

1. Норвежское правительство определяет адаптацию к изменениям климата как понимание последствий изменения климата и принятие мер, направленных, с одной стороны, на предотвращение или уменьшение рисков, а с другой стороны – использование возможностей, возникающих вследствие климатических изменений.

2. Документ ООН «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» является главным ориентиром для государства.

3. Норвегия признаёт ценность Парижского соглашения 2015 г.

4. Норвегия – активный участник Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг.

5. Планируется усилить практическое применение Конвенции ООН о биологическом разнообразии 1992 г.

6. Одним из важнейших инструментов по финансированию Повестки 2030 является Аддис-Абебская программа действий.

³ Climate change adaptation in Norway – Meld. St. 33 (2012–2013). Report to the Storting (white paper) // Norwegian Government: official site. URL: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/meld.-st.-33-20122013/id725930/>.

⁴ Klima, sult og sårbarhet. Strategi for klimatilpasning, forebygging av klimarelaterte katastrofer og sultbekjempelse // Norwegian Government: official site. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/ud/dokumenter/planer/strategi_klimatilpasning_ny.pdf.

7. Сервис *ug.no* предлагает качественные прогнозы погоды для более чем 10 млн локаций в мире.

8. Государство выстраивает стратегию сотрудничества с развивающимися странами, в том числе странами Африки.

9. Океан объявлен важнейшим инструментом поддержания баланса экосистемы.

10. Норвегия выступает одним из основных партнеров африканских стран в энергетическом секторе.

11. Внедряется широкое использование прогнозного финансирования.

12. Предусмотрено активное участие в гуманитарных проектах в рамках ООН по ликвидации последствий стихийных бедствий, в частности в Мьянме, Бангладеш и др.

13. В сфере сельского хозяйства выделяется ориентир на полномасштабное использование цифровых систем оповещения, аккумулирующих данные о погоде, вредителях, грибках, вирусах, которые могут повредить сельскохозяйственным культурам.

Муниципалитеты в Норвегии в значительной степени автономны и почти полностью несут ответственность за разработку «климатической политики» и планирование на своих территориях. Таким образом, муниципалитеты адаптируют национальную политику, учитывая местные физико-географические, организационные и финансовые особенности. Вместе с тем эти локальные интерпретации не всегда полностью поддерживаются национальными субъектами государственного управления. Можно сделать вывод, что в Норвегии применяется «адаптивная модель» (иначе – «адаптивное совместное управление», *adaptive comanagement*), типичная для стран «скандинавского социализма» [13].

Возможна разработка принципиально новой программы адаптации к изменению климата, основанной на норвежском опыте, например отраженном в Законе Норвегии «О планировании и строительстве», которая включает в себя единую для всех регионов правовую основу, стандарты, схемы сертификации и руководства по проектированию зданий. Очевидно, что Норвегия может активно влиять на международную климатическую повестку через создание так называемых «рамочных законов» [14].

2.3. Особенности стратегии по адаптации Швеции

В 2018 г. Правительством Швеции была представлена Национальная Стратегия по климатической адап-

тации⁵, которая реализуется специализированными агентствами (их более 32). Стратегия представляет собой достаточно объемный документ, в связи с чем целесообразно отметить ее основные направления:

1) внесение изменений в законодательство, в частности в Закон «О планировании и строительстве», в целях повышения готовности муниципалитетов к изменениям климата;

2) делегирование на муниципальный уровень задач по оценке рисков от наводнений, оползней и эрозии почв;

3) делегирование на уровень местного самоуправления полномочий по выдаче разрешений на благоустройство участков для проведения наземных мероприятий, которые могут уменьшить проницаемость грунта;

4) передача мер ответственности за сохранность недвижимости в обязанности собственников недвижимости;

5) определение основных направлений работы Правительства, в том числе реагирование на оползни и эрозии; наводнения; высокие температуры, связанные с риском для здоровья и благополучия людей и животных; нехватку воды для населения, сельского хозяйства и промышленности; биологические и экологические эффекты, влияющие на устойчивое развитие; воздействие на производство продуктов питания и торговлю; увеличение числа вредителей, болезней и инвазивных неместных видов, поражающих людей, животных и растения;

6) обязанности государства по выполнению всех условий Парижского соглашения, Повестки дня – 2030, а также Целей ООН в области устойчивого развития;

7) оценка работы Правительства по следующим критериям: принципы устойчивого развития, сотрудничество, научная основа, принцип предосторожности, интеграция адаптационных мер, гибкость, работа с факторами неопределенности и риска, временная перспектива и прозрачность;

8) признание необходимости проведения всестороннего анализа восприимчивости общества к климатическим изменениям;

9) установление пределов ответственности всех уполномоченных органов власти в сфере адаптации;

10) признание потребности в эффективной координации деятельности государственных органов власти в сфере адаптации;

⁵ Nationell strategi för klimatanpassning. URL: <https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/proposition/2018/03/prop.-201718163>.

11) определение пятилетнего периода национальной политики в сфере адаптации;

12) программы образования в области изменения климата, непрерывные и интегрированные во все ключевые сферы жизни и деятельности общества;

13) разработка конкретных мер, которые должны быть приняты в связи с нарастающим риском оползней, наводнений и эрозии почв;

14) определение особых зон риска в отношении оползней, наводнений, эрозии;

15) распределение мер ответственности за затопление сельскохозяйственных земель.

Приоритет в правовом регулировании отдается местному уровню власти, в связи с чем проводятся значимые исследования, цель которых – организовать «синергетическое» взаимодействие всех субъектов управления, включая национальные агентства, действующие в рамках климатической повестки, а также развивать «пространственное планирование» для смягчения негативных социально-экономических последствий [15].

Так, в одном из последних исследований произведена оценка уровня организации в 13 шведских муниципалитетах с точки зрения постановки проблемы, административного и политического влияния, а также конкретные меры и решения, включая роль обучения государственных и муниципальных служащих по данному направлению. Анализ показал, что лишь немногие муниципалитеты сформировали организационные структуры по адаптации к изменению климата и получили существенную политическую поддержку [16].

2.4. Стратегия по климатической адаптации Дании

В Дании приняты План по климатической адаптации (2012 г.)⁶ и Стратегия (2018 г.)⁷. Стратегия делает акцент на «автономную адаптацию», при которой органы государственной власти, бизнес и граждане реагируют на последствия изменения климата по собственной инициативе в установленные законом сроки. Ярким примером является деятельность датских фермеров [17]. Стратегия предусматривает следующие меры по адаптации к изменениям климата:

1) целенаправленная информационная поддержка;

2) исследовательская стратегия, которая предусматривает создание координирующего органа для обеспечения климатической повестки;

3) создание организационной структуры, включающей координационные органы по адаптации, которые обеспечат скоординированные усилия общественности и публичной власти.

Стратегия выделяет секторы экономики и социальной сферы, в которых вопросы адаптации имеют особую значимость. Важно отметить, что в Стратегии особо подчеркивается «межсекторальный» принцип адаптации, который будет поддерживаться профильными министерствами.

2.5. Адаптационные планы Исландии

Климатическая стратегия Исландии «Взгляд на климатический кризис»⁸ появилась совсем недавно, в 2021 г., и представляет собой очень лаконичный документ, который обозначает главные климатические угрозы для страны, главные ценности государства, а также ключевые задачи, которые детализированы для каждой из угроз.

К ключевым задачам Стратегии Исландии можно отнести следующие:

1) исследования, мониторинг, надзор и оценка климатических угроз в целях предоставления актуальных знаний обществу и их применения всеми заинтересованными участниками;

2) доступ к фундаментальным научным исследованиям в сфере социальных и природных аспектов и необходимый анализ различных импакт-факторов климатических изменений, возможностей и рисков;

3) использование существующих возможностей для усиления и координации действий в области климатических изменений;

4) всеобъемлющий обзор адаптационных мер в рамках периодически обновляемого адаптационного плана;

5) предоставление различных прав в рамках адаптации для всех участников общественных отношений;

6) координация всех государственных планов в рамках адаптационной повестки;

7) включение в государственные приоритеты и цели социальных последствий климатических изменений, в том числе демографические показатели,

⁶ How to manage cloudburst and rain water. Action plan for a climate-proof Denmark // Klimatilpasning.dk. URL: https://en.klimatilpasning.dk/media/590075/action_plan.pdf.

⁷ Danish strategy for adaptation to a changing climate // Klimatilpasning.dk. URL: https://en.klimatilpasning.dk/media/5322/klimatilpasningsstrategi_uk_web.pdf.

⁸ Í ljósi loftslagsvárs – Stefna um aðlögun að loftslagsbreytingum. URL: https://www.stjornarradid.is/library/02-Rit--skyrlur-og-skrar/I_ljosi_loftslagsvar.pdf.

схемы расселения, возможности трудоустройства, производство продуктов питания;

8) достаточное финансирование конкретных адаптационных мер;

9) отражение в нормативно-правовой базе важности адаптационных мероприятий;

10) распространение и доступ к необходимой информации об адаптации.

Большое значение государство придает местному уровню управления, поскольку он предоставляет лучшие возможности для смягчения прогнозируемых изменений, подготовки или адаптации к ним [18]. В Исландии эксперты предлагают новую модель управления изменениями, основанную на оценке устойчивости текущего состояния земель (*RBC-модель*), которая позволяет учитывать различные факторы, влияющие на устойчивость экосистем к антропогенным воздействиям [19]. Также важным вопросом является климатически оптимизированное лесное хозяйство (*Climate-smart forestry, CSF*) [20].

2.4. Национальный план климатической адаптации в США

В США Национальный план климатической адаптации был принят в 2021 г. Агентством в области охраны окружающей среды (*EPA*). Ранее подобные планы принимались в 2012 и 2013 гг.⁹ Тогда же была принята Национальная адаптационная стратегия (2012)¹⁰, а уже в 2021 г. – ее расширенная версия¹¹. Более чем в половине штатов были приняты свои региональные планы адаптации¹².

К числу приоритетов в области адаптации к изменению климата относятся следующие:

1) включение адаптационных мер в программы *EPA*, политику, процессы нормотворчества и правоприменительную деятельность;

2) консультации и сотрудничество с органами власти всех уровней, коренными племенами, природоохранными и другими общественными организациями, предприятиями для укрепления адаптационного потенциала всего государства;

3) меры по защите работников и объектов, связанных с изменением климата;

4) измерения и оценка производительности труда;

5) научные исследования в области адаптации к изменению климата.

Исследователи делают вывод о том, что тематика климатической адаптации в США достаточно политизирована, в том числе на уровне штатов, и управленческие решения напрямую зависят от политической конъюнктуры [21]. К числу основных трудностей, связанных с реализацией адаптационных мероприятий на уровне штатов, относят отсутствие необходимого финансирования, политические и институциональные ограничения, а также трудности с прогнозированием климатических изменений [22].

2.5. Стратегия по адаптации к изменениям климата Канады

В отличие от многих других государств, в Канаде принята не только долгосрочная Стратегия в области адаптации¹³, но и сразу несколько планов, которые касаются климатических изменений.

Канада еще в начале 2000-х гг. вела активную работу по разработке соответствующих нормативных и управленческих решений [23]. Вместе с тем еще в начале 2010-х гг. большинство мероприятий не имело серьезной финансовой поддержки на федеральном уровне [24]. Отмечается недостаточность в государстве «политического потенциала» для реализации адаптационных мероприятий [25]. В качестве одного из приоритетных направлений в области адаптационных мероприятий называют борьбу с наводнениями [26].

В марте 2022 г. Правительство Канады представило План сокращения выбросов на период до 2030 г.¹⁴, который представляет собой дорожную карту для канадской экономики по достижению к 2030 г. сокращения выбросов на 40–45 % по сравнению с уровнем 2005 г. на основе действий, изложенных в предыдущих климатических планах Канады.

⁹ Climate Adaptation Plans // EPA – United States Environmental Protection Agency: official site. URL: <https://www.epa.gov/climate-adaptation/climate-adaptation-plans>.

¹⁰ National Fish, Wildlife, and Plants Climate Adaptation Strategy. U.S. Climate Resilience Toolkit. URL: https://toolkit.climate.gov/sites/default/files/NFWPCAS-Final_0.pdf.

¹¹ Advancing the National Fish, Wildlife, and Plants Climate Adaptation Strategy into a New Decade. U.S. Climate Resilience Toolkit. URL: https://www.fishwildlife.org/application/files/4216/1161/3356/Advancing_Strategy_Report_FINAL.pdf.

¹² State Adaptation Progress Tracker // Georgetown Climate Center: official site. URL: <https://www.georgetownclimate.org/adaptation/plans.html>.

¹³ National Adaptation Strategy. Canada's climate plans and targets // Government of Canada: official site. URL: <https://www.canada.ca/en/services/environment/weather/climatechange/climate-plan/national-adaptation-strategy.html>.

¹⁴ Canada's 2030 Emissions Reduction Plan. Canada's climate plans and targets // Government of Canada: official site. URL: <https://www.canada.ca/en/services/environment/weather/climatechange/climate-plan/climate-plan-overview/emissions-reduction-2030.html>.

Ранее, в декабре 2020 г., Правительство Канады представило документ под названием «Здоровая окружающая среда и здоровая экономика»¹⁵ – усиленный климатический план Канады, который основан на Панканадской рамочной программе по чистому росту и изменению климата¹⁶.

Ключевыми направлениями Стратегии являются:

- 1) устойчивость к стихийным бедствиям;
- 2) здоровье и благополучие;
- 3) природа и биоразнообразие;
- 4) инфраструктура;
- 5) экономика и рабочие места.

В Плате действий по адаптации Правительства Канады изложена роль федерального правительства в подготовке канадцев к климатическим опасностям и определены конкретные инвестиции, программы и инициативы, которые делают Канаду более устойчивой к климатическим изменениям. Предполагается финансирование и реализация трех федеральных программ:

1. Программа выявления и картирования опасностей наводнений (*Flood Hazard Identification and Mapping Program*)¹⁷.

2. Программа по обеспечению устойчивости к лесным пожарам (*FireSmart Canada*), в рамках которой будет создан Центр передового опыта по инновациям и устойчивости к лесным пожарам.

3. Программа «Климатически устойчивые прибрежные и северные сообщества» для поддержки системных подходов к действиям по адаптации в прибрежных и северных регионах на основе Программы адаптации к изменению климата.

3. Заключение

Каждая из арктических стран имеет свою специфику в области реагирования на климатические изменения, которая отражается в мероприятиях по адаптации и ключевых ориентирах каждого государства, а именно:

– *Финляндия*: активизация институтов гражданского общества для управления рисками, связанными с адаптацией;

– *Норвегия*: гуманитарная миссия в развивающиеся страны в целях расширения «рынка» потенциальных заказчиков услуг в самых разных сферах адаптации;

– *Швеция*: расширение сотрудничества Правительства с муниципалитетами по вопросам технологической безопасности инфраструктуры городов для борьбы со стихийными бедствиями;

– *Дания*: расширение научных исследований в сфере адаптации, вопросы безопасности, связанные с увеличением количества осадков и наводнений;

– *Исландия*: расширение научных исследований в целях обеспечения качественного прогноза для реализации оперативных мероприятий по адаптации;

– *США*: усиление координационной функции федеральных органов государственной власти, направленной на взаимодействие с различными заинтересованными субъектами;

– *Канада*: полное выполнение Парижского соглашения по «нулевым выбросам» к 2050 г.

Российская Федерация – самое крупное государство, находящееся в арктическом регионе. Российское законодательство в сфере использования и охраны окружающей среды в Арктике также можно назвать наиболее развитым. В то же время, принимая во внимание активно развивающееся национальное законодательство в области климата, становится очевидным, что России предстоит в ближайшем будущем представлять и реализовывать национальные адаптационные планы. Поэтому важно обратить внимание на стратегии по адаптации к климатическим изменениям и национальную политику в этой сфере именно арктических государств. Выверенное обращение к зарубежному опыту предоставляет возможности создавать эффективную, гармоничную политику, соизмеримую в различных юрисдикциях и странах, сходных по географическим и климатическим условиям. Для устойчивого развития нашей планеты необходима активизация политической, стратегической и нормотворческой деятельности в каждом государстве с учетом происходящих климатических изменений.

¹⁵ A Healthy Environment and a Healthy Economy. Canada's climate plans and targets // Government of Canada: official site. URL: <https://www.canada.ca/en/services/environment/weather/climatechange/climate-plan/climate-plan-overview/healthy-environment-healthy-economy.html>.

¹⁶ Pan-Canadian Framework on Clean Growth and Climate Change. URL: <https://www.canada.ca/en/services/environment/weather/climatechange/pan-canadian-framework.html>.

¹⁷ Flood Hazard Identification and Mapping Program. Climate change adaptation in Canada // Government of Canada: official site. URL: <https://www.nrcan.gc.ca/science-and-data/science-and-research/natural-hazards/flood-hazard-identification-and-mapping-program/24044>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

1. Arruda G.M., Johannsdottir L., Wendt S., Sigurjonsson T.O. The Role of Businesses in Climate Change Adaptation in the Arctic, in: Walker T., Wendt S., Goubran S., Schwartz T. (eds.). *Business and Policy Solutions to Climate Change*, Palgrave Studies in Sustainable Business In Association with Future Earth, Cham, Palgrave Macmillan Publ., 2022, pp. 341–363. DOI: 10.1007/978-3-030-86803-1_15.
2. Rosqvist G.C., Inga N., Eriksson P. Impacts of climate warming on reindeer herding require new land-use strategies. *Ambio*, 2022, vol. 51, iss. 5, pp. 1247–1262. DOI: 10.1007/s13280-021-01655-2.
3. Pekkarinen A.-J., Rasmus S., Kumpula J., Tahvonen O. Winter condition variability decreases the economic sustainability of reindeer husbandry. *Ecological Applications*, 2022, vol. 33, iss. 1, art. e2719. DOI: 10.1002/eap.2719.
4. Skarin A., Kumpula J., Tveraa T., Åhman B. Reindeer behavioural ecology and use of pastures in pastoral livelihoods, in: Horstkotte T., Holand Ø., Kumpula J., Moen J. (eds.). *Reindeer Husbandry and Global Environmental Change: Pastoralism in Fennoscandia*, London, Routledge Publ., 2022, pp. 63–751. DOI: 10.4324/9781003118565-6.
5. Meyer A. Physical and feasible: Climate change adaptation in Longyearbyen, Svalbard. *Polar Record*, 2020, vol. 58, iss. 21, art. e29. DOI: 10.1017/S0032247422000079.
6. Magnan A.K., Oppenheimer M., Garschagen M., Buchanan M.K., Duvat V.K.E. Sea level rise risks and societal adaptation benefits in low-lying coastal areas. *Scientific Reports*, 2022, vol. 12, art. 10677. DOI: 10.1038/s41598-022-14303-w.
7. Chen J.S., Wang W., Kim H., Liu W.-Y. Climate resilience model on Arctic tourism: perspectives from tourism professionals. *Tourism Recreation Research*, 2024, vol. 49, iss. 5, pp. 1114–1125. DOI: 10.1080/02508281.2022.2122341.
8. Lebrun A., Comeau S., Gazeau F., Gattuso J.-P. Impact of climate change on Arctic macroalgal communities. *Global and Planetary Change*, 2022, vol. 219, art. e103980. DOI: 10.1016/j.gloplacha.2022.103980.
9. Overland J.E. Arctic Climate Extremes. *Atmosphere*, 2022, vol. 13, iss. 10, art. 1670. DOI: 10.3390/atmos13101670.
10. Wienrich N., Buschman V.Q., Coon C., Fuller S., Hennicke J., Humrich C., Prip C., Wenzel L. The ecosystem approach to marine management in the Arctic: Opportunities and challenges for integration. *Frontiers in Marine Science*, 2022, vol. 9, art. 1034510. DOI: 10.3389/fmars.2022.1034510.
11. Räsänen A., Jurgilevich A., Haanpää S., Heikkinen M., Groundstroem F., Juhola S. The need for non-climate services – Empirical evidence from Finnish municipalities. *Climate Risk Management*, 2017, vol. 16, pp. 29–42. DOI: 10.1016/j.crm.2017.03.004.
12. Juhola S., Haanpää S., Peltonen L. Regional challenges of climate change adaptation in Finland: examining the ability to adapt in the absence of national level steering. *Local Environment. The International Journal of Justice and Sustainability*, 2012, vol. 17, iss. 6–7: Nordic Climate Change, pp. 629–639. DOI: 10.1080/13549839.2012.665860.
13. Westskog H., Hovelsrud G.K., Sundqvist G. How to Make Local Context Matter in National Advice: Towards Adaptive Comanagement in Norwegian Climate Adaptation. *Weather, Climate and Society*, 2017, vol. 9, iss. 2, pp. 267–283. DOI: 10.1175/WCAS-D-16-0063.1.
14. Lisø K.R., Kvande T., Time B. Climate Adaptation Framework for Moisture-resilient Buildings in Norway. *Energy Procedia*, 2017, vol. 132, pp. 628–633. DOI: 10.1016/j.egypro.2017.09.698.
15. Dymén C., Langlais R. Adapting to Climate Change in Swedish Planning Practice. *Journal of Planning Education and Research*, 2012, vol. 33, iss. 1, pp. 108–119. DOI: 10.1177/0739456X12463943.
16. Kristianssen A.-C., Granberg M. Transforming Local Climate Adaptation Organization: Barriers and Progress in 13 Swedish Municipalities. *Climate*, 2021, vol. 9, iss. 4, art. 52. DOI: 10.3390/cli9040052.
17. Woods B.A., Nielsen H.Ø., Pedersen A.B., Kristofersson D. Farmers' perceptions of climate change and their likely responses in Danish agriculture. *Land Use Policy*, 2017, vol. 65, pp. 109–120. DOI: 10.1016/j.landusepol.2017.04.007.
18. Bannan D., Ólafsdóttir R., Hennig B.D. Local Perspectives on Climate Change, Its Impact and Adaptation: A Case Study from the Westfjords Region of Iceland. *Climate*, 2022, no. 10, iss. 11, art. 169. DOI: 10.3390/cli10110169.
19. Arnalds Ó., Marteinsdóttir B., Brink S.H., Þórsson J. A framework model for current land condition in Iceland. *PLoS ONE*, 2023, vol. 18, iss. 7, art. e0287764. DOI: 10.1371/journal.pone.0287764.
20. Brnkalakova S., Světlík J., Brynleifsdóttir S.J., Snorrason A., Baštáková V., Kluvankova T. Afforesting Icelandic land: A promising approach for climate-smart forestry?. *Canadian Journal of Forest Research*, 2021, no. 51, pp. 1781–1790. DOI: 10.1139/cjfr-2020-0312.

21. Rai S. Policy Adoption and Policy Intensity: Emergence of Climate Adaptation Planning in U.S. *Review of Policy Research*, 2020, vol. 37, iss. 4, pp. 444–463. DOI: 10.1111/ropr.12383.
22. Bierbaum R., Smith J.B., Lee A., Blair M., Carter L., Chapin III F.S., Fleming P., Ruffo S., Stults M., McNeeley S., Wasley E., Verduzco L. A comprehensive review of climate adaptation in the United States: More than before, but less than needed. *Mitigation and Adaptation Strategies for Global Change*, 2013, vol. 18, pp. 361–406. DOI: 10.1007/s11027-012-9423-1.
23. Larsson N. Adapting to climate change in Canada. *Building Research and Information*, 2003, no. 31, iss. 3–4, pp. 231–239. DOI: 10.1080/09613210320000976.
24. Dickinson T., Burton I. Adaptation to Climate Change in Canada: A Multi-level Mosaic, in: Ford J., Berrang-Ford L. (eds.). *Climate Change Adaptation in Developed Nations*, Advances in Global Change Research; vol. 42, Dordrecht, Springer Publ., 2011, pp. 103–117. DOI: 10.1007/978-94-007-0567-8_7.
25. Craft J., Howlett M., Crawford M., McNutt K. Assessing Policy Capacity for Climate Change Adaptation: Governance Arrangements, Resource Deployments, and Analytical Skills in Canadian Infrastructure Policy Making. *Review of Policy Research*, 2013, vol. 30, iss. 1, pp. 42–65. DOI: 10.1111/ropr.12002.
26. Barron S., Canete G., Carmichael J., Flanders D., Pond E., Sheppard S., Tatebe K. A Climate Change Adaptation Planning Process for Low-Lying, Communities Vulnerable to Sea Level Rise. *Sustainability*, 2012, no. 4, iss. 9, pp. 2176–2208.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Задорин Максим Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и международного права Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
163000, Россия, г. Архангельск, пр. Ломоносова, 59
E-mail: m.zadorin@narfu.ru
ORCID: 0000-0002-2080-6752
ResearcherID: P-6211-2016
SPIN-код РИНЦ: 5251-3431; AuthorID: 724759

Гладун Елена Федоровна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тюменский карбоновый полигон (FEWZ-2024-0016), Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: efgladun@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2525-6638
ResearcherID: V-5072-2018
SPIN-код РИНЦ: 5288-3022; AuthorID: 297789

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Задорин М.Ю. Государственная политика зарубежных арктических стран в области адаптации к изменениям климата: на примере «национальных адаптационных планов» / М.Ю. Задорин, Е.Ф. Гладун // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 54–62. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).54-62.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Maksim Yu. Zadorin – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of State and International Law
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
59, Lomonosova pr., Arkhangelsk, 163000, Russia
E-mail: m.zadorin@narfu.ru
ORCID: 0000-0002-2080-6752
ResearcherID: P-6211-2016
RSCI SPIN-code: 5251-3431; AuthorID: 724759

Elena F. Gladun – PhD in Law, Associate Professor; Professor, Public Administration Department Carbon Measurement Test Area in Tyumen' Region (FEWZ-2024-0016), University of Tyumen
6, Volodarskogo ul., Tyumen, 625003, Russia
E-mail: efgladun@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2525-6638
ResearcherID: V-5072-2018
RSCI SPIN-code: 5288-3022; AuthorID: 297789

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zadorin M.Yu., Gladun E.F. Arctic states' policy on climate change adaptation: examples of national adaptation plans. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 54–62. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).54-62. (In Russ.).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН*

С.С. Кузнецова

*Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –
13 июня 2024 г.
Дата принятия в печать –
10 сентября 2024 г.
Дата онлайн-размещения –
20 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Цифровые следы, персональные
данные, профилирование,
автоматизированное принятие
решений, неприкосновенность
частной жизни, ограничение
профилирования, прозрачность

Проведен анализ практики зарубежных стран и сформулированы ключевые параметры использования «цифровых следов» для целей профилирования человека: определен объем цифровых следов, раскрыты подходы к определению понятия профилирования, сформулированы преимущества и риски каждого из них, в том числе в связи с воздействием на реализацию принципа прозрачности, проанализирован объем прав и обязанностей субъектов правоотношений в процессе обработки персональных данных с применением профилирования. Сделан вывод, что наиболее благоприятными условиями является законодательное признание профилирования с участием человека, разграничение порядка раскрытия информации о профилировании в зависимости от его целей, а также ограничение полностью автоматизированного процесса необходимостью получения согласия.

LEGAL REGULATION OF DIGITAL PROFILING OF A PERSON IN THE PRACTICE OF FOREIGN COUNTRIES**

Svetlana S. Kuznetsova

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

Article info

Received –
2024 June 13
Accepted –
2024 September 10
Available online –
2024 December 20

Keywords

Digital traces, personal data,
profiling, automated decision-
making, privacy, restriction of
profiling, transparency

The subject. The legislation of foreign countries concerning human digital profiling, the advantages and disadvantages of profiling process, that affect the implementation and protection of certain constitutional rights, including the right of privacy, dignity of the human person and right to manage personal data.

The purpose of the article is to systematize the approaches to human digital profiling reflected in the legislation of foreign countries.

Methodology. The author is guided by formal dogmatic, induction and comparative law methods in research.

Main results and conclusions. The author formulates approaches to the concept of human digital profiling that have been developed in the practice of foreign countries. The concept of digital profiling involves the processing of most digital traces, however, the profiling process itself is sometimes limited to solely automated forms of decision-making (most states of the USA), which significantly limits the rights of the personal data subject. Definition of automated forms of decision-making in the personal data protection law of China is positively assessed, because that process is not directly related to personal data, but to areas of human life, which most accurately reflects the essence of the processing digital traces during profiling. Consent to solely automated profiling of a human entailing legal or other significant consequences is required only in the countries of the European Union, while in the USA and China only a subsequent refusal to apply decisions is possible.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта 24-28-01378 «Разработка концепции правового регулирования цифрового профилирования, социального скоринга и использования «цифровых следов».

** The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of scientific project 24-28-01378 "Development of a concept for legal regulation of digital profiling, social scoring and the use of "digital traces".

It is concluded that obtaining direct consent, considering the volume of information processed about identity for the human profiling and the importance of its consequences for the individual, is a necessary condition for ensuring individual rights. A tendency has been identified to differentiate the procedure for implementing the principle of transparency depending on whether human profiling is carried out by public authorities while making individual decisions, in public interests or by business for commercial purposes. The approach of the EU and China, which provides for the need to disclose the formula of the profiling algorithm when used by public authorities, is a positive practice for implementing the principle of transparency in conjunction with the implementation of the right to know about the activities of a public authority. At the same time, in Sweden and Germany a successful attempt has been made to find a balance between the interests of the individual and the profiling controller when using it for commercial purposes. The American model of legal regulation of personality profiling is assessed negatively, since it removes the possibility of control over the processing of personal data in the human profiling by public authorities and establishes a minimum scope of rights of the data subject when profiling for commercial purposes.

1. Введение

Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы определена в России как одна из целей национального развития¹, что предполагает автоматизацию принятия управленческих решений и совершенствование средств управления цифровыми данными. В эпоху больших данных использование традиционных методов и инструментов обработки и хранения информации невозможно [1, р. 1], это обусловлено особенностями больших данных: генерирование преимущественно машинами, их неструктурированность, наличие в составе информации, которая не имеет ценности [2, с. 14–15]. Одним из эффективных средств обработки больших данных, извлечения информации и ее организации является цифровое профилирование, позволяющее «уменьшить информационную перегрузку, сделать ее управляемой, извлечь из нее смысл и восстановить контроль над последствиями своих действий» [3, р. 30].

Длительное время термин «профиль» ассоциировался исключительно с криминалистическим профилированием как методом установления личности преступника [4, с. 111], выявления его личностных и поведенческих характеристик [5]. Однако развитие цифровых технологий раскрыло потенциал использования цифрового профилирования в целях маркетинга, управления персоналом [6, р. 49], государственного управления [7]. На сегодняшний день профилирование представляет собой «процесс сбора и анализа информации о человеке или организации, в том числе обращающейся в сети “Интернет”» [8,

с. 9], а также «обращения с человеком или группой в свете этих характеристик (т. е. процесса применения профиля)» [9, р. 77].

Цифровая трансформация общества обеспечивает повышение эффективности правореализационных процессов [10, с. 10]. Однако автоматизация обработки цифровых следов отличается не только рядом преимуществ [11], но и несет угрозу, особенно в случаях, когда осуществляется в отношении персональных данных. Ключевым вопросом становится поиск баланса интересов субъекта автоматизированной обработки данных и субъекта данных, желающего защитить права на неприкосновенность частной жизни, уважение достоинства личности. Так как профилирование работает с информацией о личности и нацелено на получение новых знаний о ней, в том числе персональных, всегда существует риск утраты субъектом данных контроля над ними [12, с. 92].

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и формулировании концепции правового регулирования цифрового профилирования. Для достижения цели проведен анализ норм законодательства и правоприменительной практики в зарубежных странах, определены понятие и цели профилирования, объем информации, подлежащей обработке, гарантии прав лиц, подвергшихся профилированию.

2. Понятие профилирования

В законодательстве профилирование рассматривается в свете обработки персональных данных, поэтому определение понятия раскрывается в специальном законодательстве о защите данных.

¹ Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до

2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. 2024. 11 мая.

Общий регламент по защите данных (GDPR) Европейского Союза (далее также – ЕС) использует широкую концепцию профилирования: «любая форма автоматической обработки персональных данных», нацеленная на формирование информации о личности, в частности о здоровье, личных предпочтениях, интересах, экономическом положении, а также создание вероятностных моделей поведения человека [13], например результативность работы, надежность и перемещения. Ввиду того, что оценка информации с позиции наличия в ней персональных данных осуществляется контекстуально [14], то обработка большинства цифровых следов может подпадать под требования Общего регламента. Так как Регламент признаёт любые формы профилирования, то под регулирование попадают как случаи полной автоматизации процесса принятия решения, так и основанные на участии человека [15].

В США на федеральном уровне отсутствует законодательство, регламентирующее процесс профилирования, однако данный термин используется в законодательстве тринадцати штатов. В штатах Вирджиния, Монтана и Нью-Йорк понятие профилирования близко по содержанию воспроизводит концепцию ЕС: «любая форма автоматической обработки персональных данных для оценки, анализа или прогнозирования характеристик идентифицированной или идентифицируемой личности в таких сферах, как экономическое положение, состояние здоровья, личные предпочтения, интересы, поведение, надежность, местоположение или передвижение». В штатах Делавэр, Индиана, Коннектикут, Нью-Гемпшир, Теннесси, Техас, Флорида под профилирование подпадают случаи исключительно автоматизированного процесса, в связи с чем обработка информации о личности с участием человека исключает получение дополнительных гарантий, предусмотренных законодательством. В штатах принята широкая концепция персональных данных, что позволяет обеспечить регулирование процесса профилирования в отношении большинства цифровых следов. В штате Калифорния к личной информации относится не только та, что напрямую идентифицирует личность, но и описывающая характеристики субъекта данных (список покупок, поисковые запросы), которая может быть связана с ним, и, прямо или косвенно, позволяет идентифицировать в совокупности с другими данными.

В Законе КНР «О защите персональных данных» понятие профилирования отсутствует, однако в ст. 73 дается определение автоматизированного

принятия решения: «деятельность по автоматическому анализу и оценке поведенческих привычек, увлечений или экономического статуса, состояния здоровья или кредитоспособности человека с помощью компьютерных программ и принятию решений». Понятие автоматического принятия решений раскрыто не через персональные данные, а через информацию об отдельных сферах жизни личности, таким образом, анализ любых цифровых следов может рассматриваться как автоматическое принятие решений, если получена та информация о личности, которая отражена в определении. Анализ ст. 73 и 24 указанного закона позволяет сделать вывод, что автоматизированное принятие решения не исключает возможность участия в данном процессе человека, однако данный факт будет иметь правовые последствия с позиции объема прав субъекта данных.

В законодательстве всех рассмотренных стран профилирование предполагает обработку большинства цифровых следов, которые связаны с личностью или описывают ее, идентифицируют или позволяют идентифицировать (страны ЕС, США), обеспечивают возможность получить информацию об отдельных сферах жизни человека (КНР). Большинство стран допускает участие человека в процессе профилирования, что обеспечивает субъекту данных возможность получить дополнительные гарантии реализации права на управление персональными данными, однако в отдельных штатах США концепция предусматривает исключительно автоматизированные варианты принятия решений. Представляется, что понятие автоматизированного принятия решений, предложенное в Китае, наиболее точно отражает сущность профилирования, так как обработке подвергаются любые цифровые следы [16, р. 254; 17, с. 46], а не только персональные данные. Такой подход может обеспечить более высокий уровень гарантированности прав личности, так как субъект данных будет знать о наличии факта профилирования. В Китае при использовании алгоритмов автоматизированного принятия решений в целях прямого маркетинга предусматривается обязанность оператора предложить варианты обработки, не основанные на характеристиках личности, или отказаться от маркетинга.

3. Гарантии прав человека при цифровом профилировании

В соответствии со ст. 22 Общего регламента ЕС субъект данных вправе не быть подвергнутым профилированию с исключительно автоматизированным принятием решения, если оно влечет пра-

новые последствия или «похожим образом влияет на него». Не исключается возможность обращения к соответствующим алгоритмам в одном из следующих случаев:

- они не влекут правовые или аналогичные последствия для субъекта данных;
- получено прямое согласие;
- необходимо для заключения договора с субъектом данных или его исполнения;
- разрешен нормативными правовыми актами ЕС или государства – члена ЕС (например, в ст. 37 Федерального закона ФРГ «О защите информации» обработка возможна в связи с исполнением договора страхования²).

Автоматизированный процесс обработки персональных данных предполагает соблюдение всех принципов Общего регламента, в том числе прозрачности. Его реализация налагает обязанность предоставить доступным языком информацию в соответствии со ст. 13 и 14, в том числе о наличии «процесса автоматизированного принятия решения, включая профилирование, и, как минимум, о соответствующей логике, а также о значимости и предполагаемых последствиях обработки для субъекта данных». Отдельно гарантируется предоставление информации о наличии права отказаться от профилирования в целях маркетинга. Как отмечает А.Н. Мочалов, «формулировка *GDPR* не обладает необходимой конкретикой и не позволяет однозначно сказать, каким образом контролер персональных данных должен исполнить соответствующую обязанность» [18, с. 81]. В странах Европейского Союза сложно формируется практика по определению порядка применения данной нормы в части раскрытия информации о логике алгоритмов. В Австрии суд признал, что принцип прозрачности влечет за собой предоставление информации, которая позволяет лицу понимать автоматизированное решение, включая раскрытие входных данных, параметры и переменные, используемые в процессе профилирования, математическую формулу, используемую для расчета рейтинга, объяснение каждой категории профиля, а также того, почему лицо было привязано к определенному профилю. Однако неисполнение решения суда, обоснованное тем, что запрашиваемая информация составляет коммерческую тайну, стало поводом для обращения в Европейский Суд³. В ряде стран формируется тенденция разного толкования содержания

принципа прозрачности в зависимости от того, используются алгоритмы автоматизированных решений при осуществлении публичной власти или в коммерческой деятельности. В Швеции при рассмотрении вопроса о деятельности банка суд пришел к выводу, что алгоритмические формулы не рассматриваются в качестве значимой информации [19, р. 21], при этом в деле Треллеборг, где алгоритмы применялись в целях принятия решения о выдаче социальной помощи, указано, что «алгоритм представляет собой административный документ», и без его открытости истцы не могут обеспечить защиту своих прав, т. е. в отношениях с публичной властью прозрачность алгоритмов вытекает из права знать [20]. Аналогично в Гаагском районном суде было признано незаконным использование алгоритмов автоматизированного принятия решения *SyRI* в сфере социального обеспечения в связи с нарушением принципов прозрачности и подконтрольности. Необходимость защиты коммерческой тайны получила отражение в ст. 63 Преамбулы Общего регламента, где подчеркивается, что право знать об алгоритме автоматизированного профилирования и последствиях такой обработки не может подрывать коммерческую тайну. Вывод о балансе интересов при автоматизированном принятии решения в коммерческих целях сформулирован федеральным судом Германии в отношении формулы, положенной в основу скоринга⁴.

При профилировании также гарантируется:

- получение ясной информации о праве отказа от профилирования в целях прямого маркетинга и возражать против профилирования, осуществляемого в целях достижения публичного интереса, или законных целей контролера;
- запрет на исключительно автоматизированное принятие решений с применением специальных категорий персональных данных;
- право требовать вмешательства со стороны контролера в процесс полностью автоматизированного принятия решений, выражать свою позицию, а также оспаривать решение в случае, если профилирование осуществляется на основании согласия или в целях заключения / исполнения договора.

Страны – участницы ЕС могут предусмотреть дополнительные гарантии прав субъекта данных в случае обращения к полностью автоматизированным системам принятия решения. Дж. Мальджери

² Bundesdatenschutzgesetz vom 30. Juni 2017 (BGBl. I S. 2097).

³ Dun & Bradstreet Austria, Case C-203/22.

⁴ BGH, Urteil vom 28.01.2014 – VI ZR 156/13, BGHZ 200, 38 Rn. 24ff.

отмечает, что такие гарантии получили отражение в небольшом количестве стран и носят «процедурный» характер (Ирландия), раскрывают требования к порядку рассмотрения обращений и возражений при использовании алгоритмов автоматического принятия решений, или «проактивный», устраняющий пробелы в регулировании *GDPR* [21] (право на разъяснение алгоритмических решений на основании Кодекса отношений между общественностью и администрацией Франции).

В США порядок обработки информации о личности федеральными органами исполнительной власти регламентируется законами «О частной жизни» и «Об электронном правительстве». Оба закона обладают рядом недостатков, препятствующих эффективной защите прав в процессе профилирования. Закон «О частной жизни» обеспечивает защиту лишь данных, которые «отражают характеристики и качества индивида», «поэтому IP-адрес, например, не подлежит защите как запись, так как идентифицирует устройство, а не пользователя» [22, с. 110]. Информация подпадает под защиту при условии, что она является частью системы записей и извлекается через идентификатор лица. Применение современных технологий позволяет обрабатывать информацию и профилировать без извлечения информации через идентификатор. Несоответствие закона современным реалиям подтверждается в докладе Счетной палаты США: среди 25 опрошенных агентств большинство признало, что при сборе и обработке информации не использовали личный идентификатор⁵, таким образом, субъект информации лишается защиты права на неприкосновенность частной жизни.

Закон «Об электронном правительстве» расширил круг информации, рассматриваемой в качестве конфиденциальной: под «идентифицируемой формой» понимается «позволяющая прямым или косвенным путем идентифицировать личность лица, к которому относится информация», таким образом, под действие попадают географические метки и иные дескрипторы. Однако закон не устанавливает пределы обработки цифровой информации: если Закон «О частной жизни» обязывает собирать наибольший пласт необходимой информации непосредственно от самого субъекта, то Закон «Об электронном правительстве» позволяет собирать информацию о физических лицах из различных источников, в том числе путем закупки коммерческих баз

данных и объединения их с государственными базами. В случае, если агентства систематически дополняют свои базы данных базами, содержащими информацию в идентифицируемой форме, полученными из коммерческих или общедоступных источников, то они обязаны провести оценку воздействия на конфиденциальность, а также разместить информацию о целях и объеме обработки цифровых данных на своем сайте (с широким перечнем исключений, когда такое раскрытие не требуется). Таким образом, сфера цифровых неидентифицируемых следов остается пробельной в правовом регулировании, что позволяет собирать информацию без контроля со стороны субъекта данных. При соединении ее с базами данных самих органов исполнительной власти цифровые неидентифицируемые следы могут обеспечить идентификацию лица, позволить создать новые личные данные. Аналитики отмечают факты сотрудничества органов исполнительной власти с агрегаторами коммерческих баз данных для сканирования веб-сайтов и закупки приложения для геолокации смартфонов [23].

В законодательстве штатов США на оператора обработки данных при профилировании возлагаются дополнительные обязанности:

1. Проводить оценку защиты данных, обрабатываемых в целях профилирования, в случае, если имеют место риски незаконных действий.
2. Обеспечить наличие функции отказа от полностью автоматизированного профилирования, если оно ведет «к юридическим или иным значимым последствиям», под которыми понимаются решения о предоставлении или отказе в предоставлении финансовых или кредитных услуг, жилья, страхования, медицинских услуг, доступа к основным товарам и услугам, получения образования, трудоустройства или уголовное преследование.

В отличие от стран ЕС, штаты США не требуют получения согласия и не предусматривают возможность возражать против профилирования. Ни один из штатов США не гарантирует право субъекта данных получить информацию об использовании алгоритмов профилирования и принципах их работы, о том, какие новые данные могут быть созданы. Право «знать» предполагает раскрытие достоверной информации о том, какие данные и из каких источников подлежат сбору, цели обработки, срок хранения и категории информации, передаваемой третьим лицам

⁵ Wilshusen G.C. Federal Law Should Be Updated to Address. Changing Technology Landscape. United States Government

Accountability Office, July 31, 2012. P. 7. URL: <https://www.gao.gov/assets/gao-12-961t.pdf>.

с указанием целей, содержание прав субъекта данных и порядка их реализации, в том числе права на отказ от обработки персональных данных в целях профилирования. Таким образом, принцип прозрачности не реализуется [18, с. 84–85], а субъекты данных не могут контролировать вновь созданную информацию о них. Законодательство штатов о защите персональных данных не распространяется на деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, процесс профилирования личности, осуществляемый последними, находится вне контроля со стороны субъекта данных.

В Китае не запрещается обращение к полностью автоматизированным способам принятия решений с применением персональных данных, получения согласия не требуется, однако, если профилирование оказывает существенное влияние на права и интересы лица, это лицо будет вправе потребовать объяснений и отклонить принятое решение. В соответствии со ст. 24 Закона «О защите персональных данных» автоматизированная обработка персональных данных должна обеспечивать прозрачность принятия решений, справедливость и беспристрастность. В законе не раскрыто содержание принципа прозрачности применительно к автоматизированной обработке, в связи с чем должны применяться общие положения ст. 17 о необходимости раскрытия информации о целях и методе, способе и сроках хранения данных, порядке осуществления физическим лицом прав. Указание на метод обработки позволяет сделать вывод, что должна быть предоставлена информация о факте использования автоматизированных форм принятия решения, о персональных данных, которые будут обработаны, и, как отмечают Х. Ву и Х. Лин, «основная информация об используемом алгоритме» [24, р. 1187]. Содержание права на объяснение исследователями раскрывается по-разному, в зависимости от того, кто является субъектом обработки данных – органы государственной власти или коммерческие организации. В первом случае право знать предполагает право на объяснение причин принятия того или иного решения, что требует раскрытия самого алгоритма. В случае профилирования в коммерческих целях человек вправе запросить только «объяснение основных обстоятельств использованного алгоритма» ввиду того, что сам алгоритм может охраняться коммерческой тайной [24, р. 1190]. В Положении об управлении алгоритмиче-

скими рекомендациями в информационных службах Интернета⁶ подчеркивается рекомендательный характер оптимизации прозрачности и объяснимости правил поиска, сортировки, выбора, чтобы избежать негативного воздействия и предотвратить разногласия. В соответствии с п. 14 данного положения на поставщика алгоритмических рекомендаций также возлагается обязанность информировать заметным образом о факте использования алгоритмов, предполагаемых целях, основных механизмах работы, что позволяет «устранить риски необоснованных отказов... предоставить необходимую информацию, такую как область применения алгоритма, пользователь услуги, уровень риска алгоритма и другие, на том основании, что четкие законодательные установления в этом отношении отсутствуют» [25, с. 350].

4. Заключение

Подходы к регулированию профилирования личности значительно отличаются в практике зарубежных стран, при этом можно выделить несколько тенденций:

- Формирование широкой концепции профилирования, которая позволяет ввести в правовое поле обработку большинства цифровых следов.
- Разграничение подходов к реализации принципа прозрачности в зависимости от целей профилирования. В ЕС и Китае использование автоматизированных алгоритмов принятия решений налагает на органы публичной власти обязанность по раскрытию формулы, обеспечению подконтрольности процесса обработки данных, в то время как алгоритм, используемый в коммерческих целях, может быть защищен тайной. Данный подход представляется оправданным, так как прозрачность принятия индивидуальных решений со стороны органов власти имеет особо важное значение для личности. Не менее важно обеспечение справедливого и прозрачного профилирования со стороны частного сектора с соблюдением баланса интересов сторон, что предполагает раскрытие полной и достоверной информации о факте профилирования, обрабатываемой информации, целях, и возможных последствиях, в том числе о вероятности формирования новой информации о личности, что требует точных и взвешенных формулировок. Наличие в Китае обязательных и рекомендуемых для раскрытия элементов информации о профилировании представляется достаточно

⁶ *Provisions on the Management of Algorithmic Recommendations in Internet Information Services* (2021).

интересным подходом, однако предложенные формулировки отличаются отсутствием необходимого уровня формальной определенности, в связи с чем могут толковаться на практике по-разному. Наиболее неблагоприятным является правовое регулирование профилирования в США, так как специальные требования к обеспечению прозрачности профилирования в деятельности органов государственной власти отсутствуют, что позволяет последним собирать и формировать неограниченный объем информации о личности. Законодательство штатов, регламентирующее профилирование в коммерческих целях, также склонно нарушать баланс в пользу бизнеса: в большинстве штатов раскрытие факта о профилировании, его целях и обрабатываемой информации необходимо только при использовании исключительно автоматизированной модели принятия решений, таким образом, даже незначительное участие человека в данном процессе лишает лицо права

на получение информации о факте профилирования, а также освобождает оператора данных от обязанности оценивать риски использования алгоритмов.

• Формирование различных подходов к необходимости получения согласия на использование полностью автоматизированных алгоритмов принятия решений в целях профилирования: в США и Китае возможен отказ от профилирования (возражение против применения решения) в случае, если возникают правовые или иные значимые для лица последствия, в то время как в Европейском Союзе по общему правилу необходимо получение согласия лица в случае, если имеют место соответствующие последствия. Представляется, что подход стран Европы более взвешенно обеспечивает баланс интересов сторон правоотношения, что обусловлено и иными основаниями для профилирования (например, в общественных интересах), которые в национальном законодательстве США и Китая отсутствуют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ramadan R. A. Big Data Tools – An Overview / R. A. Ramadan // *International Journal of Computer & Software Engineering*. – 2017. – Vol. 2. – Art. 125. – DOI: 10.15344/2456-4451/2017/125.
2. Тесленко И. Б. Data = Большие данные : учеб. пособие / И. Б. Тесленко, А. М. Губернаторов, О. Б. Дигилина, В. Е. Крылов. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2021. – 123 с.
3. Profiling the European citizen: Cross-disciplinary perspectives / eds. M. Hildebrandt, S. Gutwirth. – Dordrecht : Springer, 2008. – 373 p. – DOI: 10.1007/978-1-4020-6914-7.
4. Бахтеев Д. В. Понятие и свойства криминалистического профилирования личности и поведения неизвестного преступника / Д. В. Бахтеев, И. В. Леднев // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2020. – № 3 (53). – С. 110–118.
5. Petherick W. Reframing criminal profiling: a guide for integrated practice / W. Petherick, N. Brooks // *Psychiatry, Psychology and Law*. – 2021. – Vol. 28, iss. 5. – P. 694–710. – DOI: 10.1080/13218719.2020.1837030.
6. Ilina T. Approaching to Digital Profiling in the Financial Market / T. Ilina // *Journal of Corporate Finance Research*. – 2020. – Vol. 14, iss. 4. – P. 47–60.
7. Виноградова Е. В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации / Е. В. Виноградова, Т. А. Полякова, А. В. Минбалева // *Правоприменение*. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 5–19. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19.
8. Жарова А. К. Парадигма цифрового профилирования деятельности человека: риски, угрозы, преступления : моногр. / А. К. Жарова, В. М. Елин, А. В. Минбалева. – М. : РУСАЙНС, 2022. – 239 с.
9. Mendoza I. The Right Not to be Subject to Automated Decisions Based on Profiling / I. Mendoza, L. A. Bygrave // *EU Internet Law* / eds. T. E. Synodinou, P. Jougoux, C. Markou, T. Prastitou. – Cham : Springer, 2017. – P. 77–98. – DOI: 10.1007/978-3-319-64955-9_4.
10. Алимов Д. А. Трансформация идеи субъективных прав и свобод в условиях цифровой реальности / Д. А. Алимов // *Права человека в условиях цифровой трансформации общества и государства : сб. ст.* – Ростов н/Д. ; Таганрог : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2021. – С. 9–11.
11. Меньшиков Я. С. Преимущества автоматического сбора данных в сети Интернет над ручным сбором данных / Я. С. Меньшиков // *Universum: технические науки*. – 2022. – № 10 (103). – URL: <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/14383>.

12. Мочалов А. Н. Цифровой профиль: основные риски для конституционных прав человека в условиях неопределенности / А. Н. Мочалов // *Lex russica*. – 2021. – Т. 74, № 9. – С. 88–101. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.088-101.
13. Purificato E. User Modelling and User Profiling: a Comprehensive Survey : Preprint / E. Purificato. L. Boratto, E. W. De Luca. – February 21, 2024. – 71 p. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2402.09660>.
14. Corte L. D. Scoping personal data: Towards a nuanced interpretation of the material scope of EU data protection law / L. D. Corte // *European Journal of Law and Technology*. – 2019. – Vol. 10, iss. 1. – URL: <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/672>.
15. Ferraris V. Defining Profiling : Working paper / V. Ferraris, F. Bosco, G. Cafiero, E. D'Angelo, Y. Suloyeva. – December 11, 2013. – 40 p. – DOI: 10.2139/ssrn.2366564.
16. Adnan M. Using Digital Traces for User Profiling: The Uncertainty of Identity Toolset / M. Adnan, L. Rosi, S. Veluru, M. Mouseli, P. A. Longley, M. Rajarajan // *SIN '14 : The 7th International Conference on Security of Information and Networks*. – New York : ACM, 2014. – P. 254–260. – DOI: 10.1145/2659651.2659741.
17. Петров А. А. Российская матрица цифрового профиля россиянина / А. А. Петров // *Национальная ассоциация ученых*. – 2020. – № 52. – С. 39–52. – DOI: 10.31618/nas.2413–5291.2020.1.52.144.
18. Мочалов А. Н. Прозрачность алгоритмов как правовой принцип автоматизированной обработки данных о человеке / А. Н. Мочалов // *Юридические исследования*. – 2023. – № 12. – С. 77–88. – DOI: 10.25136/2409-7136.2023.12.69452.
19. Barros Vale S. Automated Decision-Making Under the GDPR: Practical Cases from Courts and Data Protection Authorities / S. Barros Vale, G. Zanfir-Fortuna. – *Future of Privacy Forum*, 2022. – 60 p. – URL: <https://fpf.org/wp-content/uploads/2022/05/FPF-ADM-Report-R2-singles.pdf>.
20. Foss-Solbrekk K. Searchlights across the black box: Trade secrecy versus access to information / K. Foss-Solbrekk // *Computer Law & Security Review*. – 2023. – Vol. 50. – Art. 105811. – DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105811.
21. Malgieri G. Automated decision-making in the EU Member States: The right to explanation and other “suitable safeguards” in the national legislations / G. Malgieri // *Computer Law & Security Review*. – 2019. – Vol. 35, iss. 5. – Art. 105327. – DOI: 10.1016/j.clsr.2019.05.002.
22. Право на доступ в Интернет, анонимность и идентификация пользователей (конституционно-правовые проблемы) / под. ред. М. С. Саликова. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2020. – 167 с.
23. Lee N. T. Police surveillance and facial recognition: Why data privacy is imperative for communities of color / N. T. Lee, C. Chin-Rothman // *Brookings*. – April 12, 2022. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/police-surveillance-and-facial-recognition-why-data-privacy-is-an-imperative-for-communities-of-color/>.
24. Lin H. A Right to an Explanation of Algorithmic Decision-Making in China / H. Lin, H. Wu // *Hong Kong Law Journal*. – 2022. – Vol. 52, iss. 3. – P. 1163–1192.
25. Харитонов Ю. С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта / Ю. С. Харитонов // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2023. – Т. 1, № 2. – С. 337–358. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.14.

REFERENCES

1. Ramadan R.A. Big Data Tools – An Overview. *International Journal of Computer & Software Engineering*, 2017, vol. 2, art. 125. DOI: 10.15344/2456-4451/2017/125.
2. Teslenko I.B., Gubernatorov A.M., Digilina O.B., Krylov V.E. *Big Data*, Teaching aid. Vladimir, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs publ., 2021. 123 p. (In Russ.).
3. Hildebrandt M., Gutwirth S. (eds.). *Profiling the European citizen: Cross-disciplinary perspectives*. Dordrecht, Springer Publ., 2008. 373 p. DOI: 10.1007/978-1-4020-6914-7.
4. Bakhteev D.V., Lednev I.V. The concept and characteristics of forensic profiling of the personality and behavior of an unknown offender. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2020, no. 3 (53), pp. 110–118. (In Russ.).
5. Petherick W., Brooks N. Reframing criminal profiling: a guide for integrated practice. *Psychiatry, Psychology and Law*, 2021, vol. 28, iss. 5, pp. 694–710. DOI: 10.1080/13218719.2020.1837030.

6. Iliina T. Approaching to Digital Profiling in the Financial Market. *Journal of Corporate Finance Research*, 2020, vol. 14, iss. 4, pp. 47–60.
7. Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Digital profile: the concept, regulatory mechanisms and enforcement problems. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, iss. 4, pp. 5–19. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19.
8. Zharova A.K., Elin V.M., Minbaleev A.V. *The paradigm of digital profiling of human activity: risks, threats, crimes*, Monograph. Moscow, RUSAINS, 2022. 239 p. (In Russ.).
9. Mendoza I., Bygrave L.A. The Right Not to be Subject to Automated Decisions Based on Profiling, in: Synodinou T.E., Jougleux P., Markou C., Prastitou T. (eds.). *EU Internet Law*, Cham, Springer Publ., 2017, pp. 77–98. DOI: 10.1007/978-3-319-64955-9_4.
10. Alimov D.A. Transformation of the idea of subjective rights and freedoms in the conditions of digital reality, in: *Prava cheloveka v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obshchestva i gosudarstva*, collected articles, Rostov-on-Don, Taganrog, Southern Federal University Publ., 2021, pp. 9–11. (In Russ.).
11. Menshikov Ya. Advantages of Automatic Data Collection in the Internet over Manual Data Collection. *Universum: tekhnicheskie nauki*, 2022, no. 10 (103), available at: <https://7universum.com/ru/tech/archive/item/14383>. (In Russ.).
12. Mochalov A.N. Digital Profile: Main Risks for Constitutional Human Rights in the face of Legal Uncertainty. *Lex Russica*, 2021, vol. 74, iss. 9, pp. 88–101. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.088-101. (In Russ.).
13. Purificato E., Boratto L., De Luca E.W. *User Modelling and User Profiling: A Comprehensive Survey*, Preprint. February 21, 2024. 71 p. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2402.09660>.
14. Corte L.D. Scoping personal data: Towards a nuanced interpretation of the material scope of EU data protection law. *European Journal of Law and Technology*, 2019, vol. 10, iss. 1, available at: <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/672>.
15. Ferraris V., Bosco F., Cafiero G., D'Angelo E., Suloyeva Y. *Defining Profiling*, Working paper. December 11, 2013. 40 p. DOI: 10.2139/ssrn.2366564.
16. Adnan M., Rosi L., Veluru S., Mouseli M., Longley P.A., Rajarajan M. Using Digital Traces for User Profiling: The Uncertainty of Identity Toolset, in: *SIN '14*, The 7th International Conference on Security of Information and Networks, New York, ACM Publ., 2014, pp. 254–260. DOI: 10.1145/2659651.2659741.
17. Petrov A.A. Russian Matrix of the Digital Profile of the Russian. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*, 2020, no. 52, pp. 39–52. DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.1.52.144. (In Russ.).
18. Mochalov A.N. Transparency of Algorithms as a Legal Principle of Automated Processing of Human Data. *Yuridicheskie issledovaniya*, 2023, no. 12, pp. 77–88. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.12.69452. (In Russ.).
19. Barros Vale S., Zafir-Fortuna G. *Automated Decision-Making Under the GDPR: Practical Cases from Courts and Data Protection Authorities*. Future of Privacy Forum Publ., 2022. 60 p. Available at: <https://fpf.org/wp-content/uploads/2022/05/FPF-ADM-Report-R2-singles.pdf>.
20. Foss-Solbrekk K. Searchlights across the black box: Trade secrecy versus access to information. *Computer Law & Security Review*, 2023, vol. 50, art. 105811. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105811.
21. Malgieri G. Automated decision-making in the EU Member States: The right to explanation and other «suitable safeguards» in the national legislations. *Computer Law & Security Review*, 2019, vol. 35, iss. 5, art. 105327. DOI: 10.1016/j.clsr.2019.05.002.
22. Salikov M.S. (ed.). *The right to access the Internet, anonymity and identification of users (constitutional legal problems)*. Yekaterinburg, Ural Polytechnic Institute Publ., 2020. 167 p. (In Russ.).
23. Lee N.T., Chin-Rothman C. Police surveillance and facial recognition: Why data privacy is imperative for communities of color. *Brookings*, April 12, 2022, available at: <https://www.brookings.edu/articles/police-surveillance-and-facial-recognition-why-data-privacy-is-an-imperative-for-communities-of-color/>.
24. Lin H., Wu H. A Right to an Explanation of Algorithmic Decision-Making in China. *Hong Kong Law Journal*, 2022, vol. 52, iss. 3, pp. 1163–1192.
25. Kharitonova Yu.S. Legal Means of Providing the Principle of Transparency of the Artificial Intelligence. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol. 1, iss. 2, pp. 337–358. DOI: 10.21202/jdtl.2023.14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецова Светлана Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

E-mail: kss001@usla.ru

ORCID: 0000-0003-2426-8055

SPIN-код РИНЦ: 3387-9420; AuthorID: 804404

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Svetlana S. Kuznetsova – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Constitutional Law

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia

E-mail: kss001@usla.ru

ORCID: 0000-0003-2426-8055

RSCI SPIN-code: 3387-9420; AuthorID: 804404

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кузнецова С.С. Правовое регулирование цифрового профилирования человека в практике зарубежных стран / С.С. Кузнецова // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 63–72. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).63-72.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kuznetsova S.S. Legal regulation of digital profiling of a person in the practice of foreign countries.

Pravoprimenenie = Law Enforcement Review, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 63–72. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).63-72. (In Russ.).

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЮСТИЦИАРНЫЕ ПРАВА: К ВЫЯВЛЕНИЮ И ОСМЫСЛЕНИЮ ФЕНОМЕНА

Т.В. Соколов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

12 июля 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Права человека, правосудие, судебная власть, судебное право, юстициарные права, конституция, международный договор, архетип

Доказывается самостоятельность существования в составе правового статуса личности отдельной группы прав человека – прав человека в сфере правосудия, т. е. конституционных юстициарных прав. Данный тезис обосновывается через анализ закрепления этих прав человека на конституционном и международном уровнях в исторической динамике Нового и Новейшего времени (на материале Англии, США, Франции, Италии и Германии) и современности (результаты количественного исследования конституций практически всех стран мира). Это доказывает, что юстициарные права являются категорией действующего права. Затем предлагаются основные подходы к исследованию. Их происхождение связывается с влиянием доктрин естественного права, собственным правовым опытом ведущих держав, межгосударственными рецепциями и сильным давлением на национальные правовые системы международного права. Такая широкая распространенность юстициарных прав фиксирует их архетипичность, отражающую совокупность представлений коллективного бессознательного о справедливом разрешении спора.

CONSTITUTIONAL JUSTICIARY (PROCEDURAL) RIGHTS: TOWARDS IDENTIFYING AND UNDERSTANDING THE PHENOMENON

Timur V. Sokolov

HSE University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2024 July 12

Accepted –

2024 September 20

Available online –

2024 December 20

Keywords

Human rights, justice, judicial power, judicial law, judicial rights, constitution, international treaty, archetype

Subject. The article is devoted to the study of the existence of an independent group of human rights – human rights in the sphere of justice, also called constitutional justiciary rights. These rights are enshrined in the constitutional acts of modern states and guaranteed at the international legal level in a number of universal instruments and regional conventions on the protection of human rights. The consolidation and implementation of these rights is intended to ensure, with the help of judicial procedures, the reality of the constitutionalism regime and social justice in specific cases considered by the courts.

Purpose of the study. The article aims to prove the existence of constitutional judicial rights as a category of current law.

Methodology. The article relies on the wide application of comparative legal, historical legal and formal dogmatic methods. The historical legal method made it possible to trace the consolidation of judicial rights in the constitutions of England, the USA, France, Italy and Germany in the 18th-19th centuries. Using the comparative legal method, the constitutions of the modern world were studied and a quantitative rating of the prevalence of these rights was compiled. The formal dogmatic method made it possible to define approaches to the theoretical study of this group of human rights.

Conclusions. An independent group of human rights – justiciary rights – exists and is subject to allocation (recognition) as part of the general legal status of an individual. Such rights is defined as human rights realized in the field of justice.

1. Введение

Нормы национальных конституций включают большое количество положений, которые весьма подробно анализируются юридической наукой. На основе конституционных положений в лучших тра-

дициях юридического позитивизма складываются национальные правовые доктрины, которые раскрывают содержание конституционных положений и развивают составляющие их смыслы. На этом фоне привлекают к себе внимание положения ст. 46–53

Конституции РФ, которые определяют правовое положение личности в сфере правосудия. В российской юридической литературе не сложилось однозначное представление о данной группе конституционных норм, а если точнее, о том, составляют ли они отдельную группу прав человека или же нет.

С одной стороны, названный массив конституционных норм включает больше десятка формулировок, которые по способу своего внешнего выражения есть не что иное, как права человека, или как субъективные права, ни чем не отличающиеся от ранее упомянутых в Конституции РФ других прав, имеющих статус общепризнанных самостоятельных групп прав человека (например, личные, политические, экономические или социальные).

С другой же стороны, в юридической науке весьма крепки позиции, отрицающие возможность выделения самостоятельной группы прав человека в сфере правосудия. Так, Е.А. Лукашева, признавая возможность включения в состав правового статуса личности процессуальных прав, видит за процессуальными правами объективные принципы судопроизводства, которые, по ее мнению, не могут входить в правовой статус личности, но являются его гарантиями [1, с. 92]. Вероятно, данное мнение есть несогласие с позицией Федерального Конституционного Суда Германии, отметившего, что «по смыслу Основного закона конституционным и принципиально неотъемлемым является не только первичное процессуальное право человека, но и объективно-правовой принцип судопроизводства»¹.

В учебной литературе по конституционному праву упомянутая выше совокупность конституционных положений называется различным образом. Так, С.А. Авакьян называет их «основными правами по защите других прав и свобод граждан» [2, с. 784], С.В. Нарутто и С.Э. Несмеянова – «гарантиями конституционных прав и свобод человека и гражданина» [3, с. 200–209; 4, с. 155–164].

Распространенное упоминание категории прав человека в сфере правосудия (также называемых *конституционными юстициарными правами*) как самостоятельной группы прав человека в российской юридической литературе встречается не часто: по нашим наблюдениям, первой использовать такую категорию более 20 лет назад предложила Т.Г. Мор-

щакова [1, с. 325–347; 5; 6; 7, с. 424], позже на данный феномен обратил внимание Н.С. Бондарь [8; 9].

Такое положение дел в науке открывает для обсуждения вопрос о возможности существования самостоятельной группы прав человека – прав человека в сфере правосудия (конституционных юстициарных прав или просто юстициарных прав). Простые утверждения о количестве этих прав и их социальной значимости в качестве аргументов в пользу обозначенного тезиса здесь видятся явно недостаточными.

2. Конституционные юстициарные права – понятие прежнего и действующего права (к выявлению феномена)

Обоснование тезиса о самостоятельности конституционных юстициарных прав следует начать с обсуждения вопроса об их существовании в действующем позитивном праве: ведь если они не представлены в правовой реальности, то и вести речь об их признании будет бессмысленно. Отсюда в первую очередь необходимо рассмотреть закрепление юстициарных прав на конституционном уровне правового регулирования.

2.1. Национальный конституционный уровень

Исторически первым закрепление прав человека на конституционном уровне произошло в Новое время (конец XVIII – начало XIX в.) с появлением конституционных актов первых буржуазных государств.

Определенным исключением на данном фоне выступает Англия и ее конституционное устройство, отсчитывающее свое начало с подписания *Великой Хартии Вольностей 1215 г.* Именно она закрепила исторически первые положения о правах человека в сфере правосудия и принципы справедливого судопроизводства [10, с. 189; 11]. Закрепленные тогда положений актуальны и сегодня – запрет произвольных арестов и наказаний (ст. 39), процедуры назначения судей и критерии их отбора (ст. 45), право ба- ронов на суд присяжных (ст. 52)².

Другим исторически важным документом, закрепляющим права человека в сфере правосудия, стала *Конституция США 1789 г.*³, а если точнее – первые поправки к ней – «Статьи, дополняющие и исправляющие Конституцию Соединенных Штатов Америки, предложенные Конгрессом и утвержденные законодательными собраниями отдельных штатов согласно пятой статье первоначальной Конститу-

¹ Государственное право Германии: пер. с нем.: в 2 т. / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: ИГП РАН, 1994. Т. 2. С. 180.

² Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Герма-

ния: сб. док. / под ред. П.Н. Галанзы. М.: Госюриздат, 1957. С. 15–22.

³ Там же. С. 188–195.

ции», называемые Биллем о правах. Данные положения закрепили развернутый каталог прав человека. Так, ст. IV провозгласила свободу от произвольных обысков и арестов, ст. V – элементы должной правовой процедуры (*due process*), в том числе привлечение к ответственности по обвинению, поддержанному судом присяжных, запрет повторного осуждения, свобода от самоизобличения, принцип справедливого судебного разбирательства в соответствии с законом. Более развернутый перечень прав человека предусмотрела ст. VI: право на скорый и гласный суд, на беспристрастных присяжных, на подсудность дел, установленную законом, на уведомление о существовании обвинения, право на очную ставку со свидетелями, показывающими против обвиняемого, и на вызов собственных свидетелей, а также право на квалифицированную юридическую помощь.

Другой известный правовой акт, закрепивший права человека, но уже на европейском континенте, – Декларация прав человека и гражданина, ставшая частью **Конституции Франции от 3 сентября 1791 г.** Она предусмотрела вполне конкретные положения, касающиеся правосудия: задержание, арест и наказание исключительно на основании закона и при соблюдении форм, предписанных законом (п. 7 и 8), презумпция невиновности (п. 9). Последующие положения Конституции (гл. 5 «О судебной власти») закрепили положения, касающиеся положений граждан в правосудии. Так, они не могли быть лишены подсудности, установленной законом (п. 4), права на суд присяжных в уголовных делах (п. 9), права на освобождение из-под стражи под залог (п. 12)⁴.

Статут Итальянского королевства от 4 марта 1848 г. предусмотрел в качестве прав человека свободу от произвольного задержания и осуждения, обязанность государственных органов вести производство по делам в судах в соответствии с законом (ст. 26), право каждого на законный (естественный) суд (ст. 71)⁵. Остальные же не менее важные положения о правосудии были сформулированы как принципы или как нормы обычного законодательства.

Другая конституция того времени – **Конституция Германской империи от 28 марта 1849 г.** – содержала отд. IV «Основные права германского народа», в который была помещена ст. 10, касавшаяся судебного разбирательства, которая предусмат-

ривала, что никто не может быть изъят из ведения своего законного судьи (§ 175), все равны перед законом и судом (§ 176) и что судопроизводство должно быть гласным и устным (§ 178)⁶.

Отличительной чертой данных конституционных актов Нового времени являлось сравнительно небольшой объем правовых предписаний, сформулированных как права человека («каждый имеет право...», «никто не может быть лишен права...»), остальную же часть конституционного текста занимали предписания, описывающие устройство и порядок деятельности различных государственных органов, в том числе нормы о самостоятельности и независимости судебной власти, несменяемости судей, гласном судебном разбирательстве, возможности вмешательства государства в отдельные личные права и свободы человека только по судебному решению. По этой причине, вероятно, идея выделения отдельной группы прав человека в сфере правосудия не находила широкого признания, поскольку способ формулирования многих конституционных положений о правосудии не позволял утверждать о закреплении прав человека.

Такой подход, в котором инструментальная часть конституции превалирует над социальной, со временем начал меняться, и принятые в XIX–XX вв. конституции национальных государств получили название *социально-инструментальных конституций*, поскольку содержали более развернутый каталог прав человека, в том числе в сфере правосудия [12, с. 62].

Обобщения действующих национальных конституционных актов (как правило, в форме кодифицированных конституций) и сравнительно-правовые исследования этих текстов предпринимались различными учеными и организациями⁷, а потому проделанная ими работа по обобщению будет полезна для нашего исследования. Так, информационный ресурс *Constitut* аккумулирует 193 англоязычных текста кодифицированных конституций подавляющего большинства стран современного мира, которые рубрицированы сквозным образом по тематическому признаку. Данный ресурс содержит раздел *Rights and Duties* («Права и обязанности»), в составе которого есть группа *Legal Procedural Rights*, понимаемая, по сути, как искомые нами юстициарные права. Распространенность этих положений такова:

⁴ Конституции и законодательные акты буржуазных государств... С. 275–277.

⁵ Там же. С. 470, 474.

⁶ Там же. С. 541–542.

⁷ *Constitut*. URL: <https://www.constituteproject.org> (дата обращения: 01.07.2024); *Oxford Constitutions of the World: fully-translated English-language versions of all the world's constitutions*. URL: <http://oxcon.ouplaw.com> (дата обращения: 01.07.2024).

- право на защиту от произвольных арестов и задержаний – в 183 конституциях;
- запрет обратной силы закона, устанавливающего ответственность за преступления – в 169;
- право на квалифицированную юридическую помощь – в 168;
- запрет наказания в отсутствие закона – в 163;
- презумпция невиновности – в 155;
- право на участие в сборе доказательств – в 148;
- право на гласное судебное разбирательство – в 140;
- право на скорое судебное разбирательство (на правосудие в разумный срок) – в 111;
- право на справедливое судебное разбирательство (защита от несправедливых процедур, в том числе проведение публичных судебных слушаний в течение разумного периода и вынесение решения компетентным и беспристрастным судом) – в 130;
- право на обжалование судебных решений – в 124;
- право на защиту от самоизобличения (право хранить молчание в уголовном деле) – в 114;
- запрет повторного преследования и осуждения за одно и то же преступление – в 109;
- право на возмещение ущерба в случае судебной ошибки – в 98;
- право на проведение судебного разбирательства на понятном им языке или право на переводчика – в 88;
- право обвиняемых быть освобожденными из-под стражи до момента их судебного разбирательства – в 68;
- право на допрос свидетелей со стороны обвинения – в 66;
- права несовершеннолетних на особую защиту в уголовном процессе – в 62;
- право на суд присяжных или иные формы участия граждан в отправлении правосудия – в 48;
- гарантии должной правовой процедуры – в 47;
- защита жертв преступлений – в 31;
- право требовать судебного пересмотра действий или судебных решений правительства – в 19;
- наличие публичного реестра имен заключенных – в 11.

Аналогичную попытку анализа (правда, применительно к уголовному процессу) в 1993 г. предпри-

нял президент Международного института прав человека Университета ДеПол (США) профессор Махмуд Шариф Бассиуни [13] и получил сходные результаты, но с меньшим количеством прав человека в каталоге и их меньшей количественной распространенностью, что обусловлено меньшим количеством конституций для выборки.

Представленные выше результаты количественного исследования конституционных актов уже сейчас, думается, позволяют уверенно утверждать, что на конституционном уровне последовательно прослеживается определенная совокупность конституционных положений, закрепляющих субъективные права человека в сфере правосудия.

2.2. Международно-правовой уровень

Массовое принятие конституций в конце XIX в. – середине XX в. и сходность во многих из них формулировок о правах человека неизбежно ставят вопрос о причинах такой аналогичности или даже тождественности. Юридические факторы произошедшего будут рассмотрены далее, однако сейчас требует внимания один из них. Представляется, что смысловая или даже текстуальная аналогичность формулировок конституций многих государств относительно правосудия вызвана влиянием на национальные правовые системы норм международного права, которое в XX и XXI вв. последовательно шло по пути установления определенных минимальных стандартов обращения государства с людьми, обязательных для государств. По этой причине стоит обратиться к краткому (по причине многократных прежде обращений российских и зарубежных ученых к данному вопросу) обзору международно-правового закрепления права человека в сфере правосудия, поскольку нам стоит упомянуть известные практически каждому юристу международно-правовые акты.

Так, **Всеобщая декларация прав человека 1948 г.**⁸ закрепляет право каждого человека на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом (ст. 8), право каждого на рассмотрение его дела, касающегося определения его прав и обязанностей или установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, на основе полного равенства, гласно и с соблюдением всех

⁸ Здесь и далее использовались официальные тексты международных правовых актов на русском языке, размещенном на официальном сайте ООН, см.: Декларации, конвенции и другие нормативные документы // Организация

Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/index.shtml (дата обращения: 11.07.2024).

требований справедливости независимым и беспристрастным судом (ст. 10), а также право на презумпцию невиновности в уголовных делах (п. 1 ст. 11), свободу от необоснованного осуждения и запрет наложения наказания более тяжкого, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено (п. 2 ст. 11).

Аналогичные по своему смыслу нормы содержат другой акт универсального характера – **Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.** В ст. 14 он предусмотрел равенство всех перед судами и трибуналами, право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (ч. 1), презумпцию невиновности (ч. 2), широкие права обвиняемого, включая право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты, быть судимым без неоправданной задержки и в его присутствии, защищать себя лично или с помощью выбранного им защитника и т. д. (ч. 3), право на пересмотр решений вышестоящей судебной инстанцией согласно закону (ч. 4), право на компенсацию в случае судебной ошибки (ч. 6), свободу от повторного осуждения за то же самое преступление (ч. 7).

После принятия Всеобщей декларации прав человека разработка и принятие международных договоров в области прав человека шли двумя путями.

Первый путь – это создание региональных систем защиты прав человека. Так, в рамках движения по данному пути миру стали известны региональные конвенции по правам человека, закрепляющие сходные правовые положения, касающиеся правосудия. Речь идет о **[Европейской] Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1951 г.** (ст. 6), **Американской конвенции прав человека (Пакт Сан-Хосе) 1969 г.** (ст. 8 и 9), **Африканской хартии прав человека и народов 1981 г.** (ст. 7), **Арабской [Каирской] декларации прав человека 2004 г.** (ст. 13), **Декларации прав человека государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) 2012 г.** (ст. 20). На сходность данных положений уже обращалось внимание в отечественной литературе [14, с. 23]. Положения данных международных договоров развиваются и конкретизируются в практике межгосударственных судов: Европейского Суда по правам человека, Межамериканского Суда по правам человека и Африканского Суда по правам чело-

века и народов, – которая нуждается в глубоком осмыслении, анализе и, главное, в сравнении.

Второй путь предполагает включение норм о правах человека в сфере правосудия в международные договоры, касающиеся отдельных или даже довольно узких тематических вопросов. Так, право на обращение в суд (доступ к правосудию) на равных с гражданами государства правах закреплено в **Конвенции о статусе беженцев 1951 г.** (ст. 16) и **Конвенции о статусе апатридов 1954 г.** (ст. 16), право на равенство всех перед законом и судом, право на эффективную правовую защиту в национально компетентном суде – в **Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.** (п. «а» ст. 5, ст. 6), право женщин на равные с мужчинами возможности правовой защиты в суде – в **Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин** (п. «с» ст. 2), право на равенство с гражданами соответствующего государства в судах и трибуналах, право на справедливое и публичное заслушивание компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным в соответствии с законом, трудящихся-мигрантов и членов их семей – в **Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.** (ст. 18). Право на доступ к правосудию гарантируется инвалидам **Конвенцией о правах инвалидов 2006 г.** (ст. 14). Перечень таких примеров можно продолжать весьма долго, но уже на имеющихся видно, что международные организации признают важность прав человека в области правосудия для решения правовыми средствами системных социальных проблем, также они придерживаются последовательного и четкого подхода, охватывающего в разных конвенциях один и тот же набор юстициарных прав.

Собственно юстициарные права закрепляет акт наднационального права – **Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 г.**, гл. VI которой называется «Правосудие» и включает право на эффективную правовую защиту и справедливое судебное разбирательство (ст. 47), презумпцию невиновности и право на защиту (ст. 48), принципы законности и пропорциональности преступлений и наказаний (ст. 49) и право не быть дважды судимым за одно и то же преступление (ст. 50)⁹.

⁹ The Charter of Fundamental Rights of the European Union // European Parliament: official site. URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/default_en.htm (дата обращения: 11.07.2024).

Оценивая всю совокупность положений о правосудии на международном уровне, следует заметить их смысловую схожесть между собой и с правами человека, закрепленными на конституционном уровне. Распространенность этих положений позволяет утверждать, что конституционные юстициарные права являются не умозрительной категорией, появившейся в сознании ученых, а самостоятельной и даже автономной категорией действующего позитивного права, потому можно и нужно ставить вопрос о наличии самостоятельной группы прав человека в сфере правосудия.

3. Основные подходы к исследованию конституционных юстициарных прав (к осмыслению феномена)

Установив наличие конституционных юстициарных прав как понятия действующего права, мы можем обратиться к определению основных подходов к их исследованию, поскольку важно перейти от внешних формальных характеристик к глубинным сущностным смыслам феномена юстициарных прав. Как и всякое сложное и многогранное правовое явление, юстициарные права не могут познаваться с какой-либо одной точки зрения, их сущность следует раскрывать с разных позиций, выявляя, например, их понятия и системы, объяснения происхождения.

3.1. Операциональное понятие юстициарных прав

Обзор конституционного и международно-правового закрепления юстициарных прав позволяет заметить, что они представляют собой закрепленные в национальных конституционных актах, гарантированные в актах международного права, конкретизируемые и развиваемые в национальных процессуальных законодательствах права человека, реализуемые лицами, отстаивающими свои права, свободы и законные интересы, в любых (как правило, состязательных) процедурах рассмотрения и разрешения судами социально-правовых споров (т. е. в судопроизводствах различных видов) и на основании любой материально-правовой нормы (и даже в отсутствие такой), и существующие в странах, принадлежащих к различным правовым системам, но строящих и (или) сохраняющих у себя режим конституционализма (оно же демократическое государство, правовое государство либо, что точнее, конституционное государство, т. е. государство победившего или побеждающего конституционализма).

Предикаты «конституционный» и «юстициарный» сообщают исследуемой группе прав человека дополнительные концептуальные смыслы, отража-

ющие сущность этих прав в демократическом правовом государстве. Так, «конституционность» означает не только закрепление юстициарных прав в актах конституционного уровня, но и их соответствие первопринципам и другим ценностям конституционализма, их проистекание из данных принципов, а также направленность на реальное обеспечение этих принципов в государственно-общественной практике посредством правосудия.

«Юстициарность» же имеет в виду не только правосудие (юстицию) как сферу общественных отношений, где реализуются эти права, но и их направленность на достижение социальной справедливости в каждом конкретном деле на основе действующего права посредством их реализации субъектами и соблюдения государственными органами. Юстициарные права призваны обеспечить, прежде всего, справедливость хода судебного разбирательства, однако при неукоснительном следовании судов предписаниям правовых законов материально-правового характера и в силу тесной связи с первопринципами конституционализма (в первую очередь, запрета произвола публичной власти, ее связанности правом и верховенства права в регулировании общественных отношений) они могут обеспечить справедливость материально-правового содержания судебных решений, т. е. содержательную справедливость. Эти два смысловых компонента являются важным и даже непреложным условием достижения в государстве строящегося или победившего конституционализма социальной справедливости с помощью судебных процедур.

3.2. Происхождение и система юстициарных прав

Акты конституционного и международно-правового характера закрепляют различные по своему текстуальному выражению нормативные положения о правосудии или судебной власти, которые формулируются либо как субъективные права, либо как принципы организации и деятельности судов. Вероятно, допустимы и иные подходы к нормативному выражению образов должного правосудия: например, через формулирование неких первопринципов естественного правосудия или простого изложения универсальных процессуальных правил. Однако использование конструкции прав человека представляется более предпочтительным, поскольку в историческом масштабе именно она лучше других обеспечивает сохранность этих норм в неизменном виде. Если положения закона могут быть и являются динамично изменяющимися со временем развития

общества и вслед за ним правовой системы, то права человека, тем более общепризнанные, в силу своего естественного и неотчуждаемого характера практически куда больше защищены от ревизии, в том числе секвестра, чем набор обычных отраслевых норм права, содержащихся в кодексе или законе. К тому же именно через эту категорию четко прослеживаются обязанности государства по отношению к человеку, тогда как категория правового принципа может такое распределение четко не проводить, описывая лишь общее устройство конкретного правоотношения без конкретизации способов достижения такого положения дел. Однако же из принципа права возможно вывести какое-либо право человека, если этот принцип возлагает на государственные органы (например, на суд) какую-либо обязанность (например, проводить гласные и очные судебные разбирательства), а потому у другой стороны данного правоотношения (например, граждан или организаций – участников судопроизводства) возникает право требования исполнения этой обязанности, а в след за ним – по исполнению данной обязанности – возникает право на объект этой обязанности (т. е. само гласное и очное судебное разбирательство).

Происхождение юстициарных прав в конкретной стране может быть (1) достоянием собственного многолетнего правового развития конкретных стран, (2) результатом рецепции конкретных правовых норм между разными национальными правовыми системами либо же (3) плодом влияния на национальные правовые порядки бытующих в мировом опыте глобальных правовых подходов к определению ключевых черт правосудия, сформировавшихся в конкретных странах и затем распространившихся во многих других странах и получивших частичное закрепление на международном уровне. Последним как раз объясняется смысловая тождественность формулировок конституционных и международных актов, когда первые воспринимают подходы вторых.

Конституционные тексты разных стран могут быть сведены к общему знаменателю (универсализированы) по количественному и качественному критериям: первый касается частоты распространения этих прав в актах конституционного или международного характера и времени закрепления этих положений в национальных конституциях, а второй – их смысловой схожести или даже тождественности, рассматриваемой безотносительно текстуального оформления. Отсюда в систему юстициарных

прав следует относить наиболее распространенные в мировом масштабе положения (например, закрепленные более чем в половине стран мира).

При определении системы юстициарных прав важно также учитывать и отраслевой аспект реализации данных прав. Эти права человека реализуются в сфере правосудия, а потому их реализация должна связываться с институтами и отраслями процессуального права или, что возможно в ряде случаев, институтами организации судебной власти (судостроительства)¹⁰. Нормативные же положения, касающиеся наказаний и оснований ответственности (право на наказание за преступление на основе действующего закона, свободы (защиты) от обратной силы законов, ухудшающих положение лица), опосредуются нормами уголовного права, а потому в каталог юстициарных прав не должны входить вовсе либо же входить, но в виде части других прав процессуального характера (например, права на обеспечение стабильности судебного решения, вступившего в законную силу).

3.3. Социокультурная основа юстициарных прав

Существование юстициарных прав на протяжении всех основных исторических эпох объяснимо как их социально-историческим и естественно-правовым происхождением, так и обстоятельствами более глубокого, социокультурного характера, лежащими за пределами привычно сухой правовой догматики. Смысловая тождественность перечня юстициарных прав в разных правовых системах, реализующих у себя режим конституционализма, видится отражением в писанном праве и правовой доктрине *архетипа правосудия*, т. е. присущих конкретному обществу представлений коллективного бессознательного о справедливой процедуре разрешения самых различных споров на основе каких-либо правил (как правовых, так норм и иных социальных регуляторов) с участием третьего, независимого от сторон этого спора, субъекта – суда.

Сущность архетипичности юстициарных прав состоит в том, что одни и те же глубинные идеи, составляющие содержание каждого из данных прав, лежат в основе аналогичных (сходных или тождественных) институтов различных видов судопроизводства или институтов судостроительства, и они всегда остаются неизменными и не зависят от политических идеологий, программ правительств и воззрений юридической доктрины, поскольку основаны на

¹⁰ Полный авторский перечень юстициарных прав см.: [15].

представлениях коллективного бессознательного о справедливости вообще и справедливых процедурах разрешения споров в частности.

Архетипичность юстициарных прав доказуема через комплексный анализ процессуальных форм гражданского и уголовного (позже – административного, арбитражного и конституционного) судопроизводства на предмет выявления представленности в них всего каталога юстициарных прав или их большей части. Данный комплексный анализ предполагает изучение каждого юстициарного права:

1) с *историко-типологических* позиций: юстициарные права должны быть представлены на различных исторических этапах и у различных народов во всех исторических и морфологических типологиях процесса;

2) с *нормативно-ценностных* позиций: юстициарные права должны иметь широкое нормативное закрепление в актах конституционного и международного уровня;

3) с *социокультурных* позиций: архетип правосудия, образующий каркас набора юстициарных прав, должен обретать свое проявление в других сферах социальной жизни, связанных с разрешением каких-либо споров, бытующих за пределами разбирательств в государственных судах.

Выявление социального архетипа как явления не только права, но и глубоко укорененной культуры, может быть осуществлено посредством анализа и сравнения порядков правосудия в государ-

ственных судах и практик разрешения споров в протогосударственных или негосударственных практиках разрешения или урегулирования социальных споров. Примерами первых выступают описанные этнографами способы разрешения споров в первобытных или общинных обществах, примерами вторых – третейский суд по внутренним спорам, международный коммерческий арбитраж, университетские комиссии по академической этике, дисциплинарные органы спортивных федераций и т. п. Гипотеза о наличии связи между данными практиками разрешения споров составляет самостоятельное междисциплинарное научное исследование.

4. Заключение

Проведенный обзор нормативного регулирования показал, что в России, равно как и в большинстве других зарубежных правовых порядков, в составе общеправового статуса личности, определяемого национальными конституциями и гарантируемого основными международными правовыми актами, объективно существует и подлежит выделению (признанию) самостоятельная (по счету, скорее всего, пятая) группа прав человека – *юстициарные права*, т. е. права человека, реализуемые в сфере правосудия. Характеристика же этой группы прав человека с теоретических и прикладных позиций составляет самостоятельное и большое научное исследование, результаты которого, безусловно, позволят улучшить организацию российского правосудия, что сегодня является весьма востребованной задачей теории и практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Права человека : учеб. / отв. ред. Е. А. Лукашева. – 3-е изд., перераб. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 512 с.
2. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. – Т. 1. – 864 с.
3. Нарутто С. В. Конституционное право России : учеб. / С. В. Нарутто, Н. Е. Таева. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2023. – 491 с.
4. Конституционное право России : учеб. / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. С. Саликов. – 2-е изд., перераб. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 494 с.
5. Морщакова Т. Г. Конституционная концепция судопроизводства / Т. Г. Морщакова // Российская юстиция. – 2001. – № 10. – С. 6–11.
6. Морщакова Т. Г. Конституционные основы судебной власти : учеб. пособие / Т. Г. Морщакова. – М. : Фак. права ГУ-ВШЭ, 2005. – 53 с.
7. Конституционное право России : учеб. / под ред. А. Е. Постникова. – М. : Проспект, 2007. – 504 с.
8. Бондарь Н. С. Личность и судебная власть: конституционно-процессуальные основы взаимоотношений / Н. С. Бондарь // Конституционное развитие России : межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. В. Т. Кабышев. – Саратов : СГЮА, 2017. – Вып. 16. – С. 19–35.
9. Бондарь Н. С. Личность и судебная власть: конституционно-процессуальные основы взаимоотношений / Н. С. Бондарь // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. – 2017. – № 2. – С. 70–84.

10. Романовская В. Б. Великая Хартия Вольностей и законодательство английского парламента позднего средневековья / В. Б. Романовская, Т. Г. Минеева // Вестник Костромского государственного университета. – 2014. – № 5. – С. 189–192.
11. Романовская В. Б. Magna Carta Libertatum в контексте современной проблемы прав личности / В. Б. Романовская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 5. – С. 258–261.
12. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование : моногр. / отв. ред. В. Е. Чиркин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 656 с.
13. Bassiouni M. C. Human Rights in the Context of Criminal Justice: Identifying International Procedural Protections and Equivalent Protections in National Constitutions / M. C. Bassiouni // Duke Journal of Comparative & International Law. – 1993. – Vol. 3, no. 2. – P. 235–298.
14. Ковлер А. И. Критерии справедливого судебного разбирательства: международные стандарты и их имплементация в национальном правосудии / А. И. Ковлер // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 1 (62). – С. 21–25. – DOI: 10.12737/24282.
15. Соколов Т. В. Концепция юстициарных прав человека и повышение эффективности судебной власти / Т. В. Соколов // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз : сб. науч. тр. – Минск : БГУ, 2017. – С. 173–177.

REFERENCES

1. Lukashova E.A. (ed.). *Human Rights*, Textbook, 3rd ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2022. 512 p. (In Russ.).
2. Avak'yan S.A. *Constitutional Law of Russia*, Study Course, in 2 volumes, 7th ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2024. Vo. 1. 864 p. (In Russ.).
3. Naruto S.V., Taeva N.E. *Constitutional Law of Russia*, Textbook. Moscow, RIOR Publ., INFRA-M Publ., 2023. 491 p. (In Russ.).
4. Kokotov A.N., Salikov M.S. (eds.). *Constitutional law of Russia*, Textbook, 2nd ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2024. 494 p. (In Russ.).
5. Morshchakova T.G. Constitutional Concept of Legal Proceedings. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2001, no. 10, pp. 6–11. (In Russ.).
6. Morshchakova T.G. *Constitutional Foundations of the Judicial Authority*, Teaching aid. Moscow, Faculty of Law of the HSE University Publ., 2005. 53 p. (In Russ.).
7. Postnikov A.E. (ed.). *Constitutional Law of Russia*, Textbook. Moscow, Prospekt Publ., 2007. 504 p. (In Russ.).
8. Bondar' N.S. Personality and Judicial Authority: Constitutional and Procedural Foundations of Relations, in: Kabyshev V.T. (ed.). *Konstitutsionnoe razvitie Rossii*, Interuniversity collection of scientific articles, iss. 16, Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2017, pp. 19–35. (In Russ.).
9. Bondar N.S. Personality and Judicial Authority: Constitutional and Procedural Foundations of Relations. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Tadzhikistan = Bulletin of the Constitutional Court of the Republic of Tajikistan*, 2017, no. 2, pp. 70–84. (In Russ.).
10. Romanovskaya V.B., Mineeva T.G. Magna Carta Libertatum and the Legislation of the English Parliament of the Late Middle Ages. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kostroma State University*, 2014, no. 5, pp. 189–192. (In Russ.).
11. Romanovskaya V.B. Magna Carta Libertatum in the Context of the Modern Problem of Individual Rights. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2009, no. 5, pp. 258–261. (In Russ.).
12. Chirkin V.E. (ed.). *The Constitution in the 21st Century: A Comparative Legal Study*, Monograph. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2019. 656 p. (In Russ.).
13. Bassiouni M.C. Human Rights in the Context of Criminal Justice: Identifying International Procedural Protections and Equivalent Protections in National Constitutions. *Duke Journal of Comparative & International Law*, 1993, vol. 3, no. 2, pp. 235–298.

14. Kovler A.I. Fair trial criteria: international standards and their implementation in national justice. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2017, no. 1 (62), pp. 21–25. DOI: 10.12737/24282. (In Russ.).

15. Sokolov T.V. The Concept of Human Justice Rights and Improving the Efficiency of the Judiciary, in: *Ugolovnaya yustitsiya v svete integratsii pravovykh sistem i internatsionalizatsii kriminal'nykh ugroz*, Collection of Scientific Works, Minsk, Belarusian State University Publ., 2017, pp. 173–177. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколов Тимур Викторович – кандидат юридических наук, доцент департамента уголовного права, процесса и криминалистики факультета права

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

123022, Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., 3

E-mail: tsokolov@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4398-5191

ResearcherID: K-3281-2015

SPIN-код РИНЦ: 6134-7810

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Timur V. Sokolov – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminal Proceedings and Criminalistics, Faculty of Law

HSE University

3, Bol'shoi Trekhsvyatitel'skii per., Moscow, 123022, Russia

E-mail: tsokolov@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4398-5191

ResearcherID: K-3281-2015

RSCI SPIN-code: 6134-7810

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Соколов Т.В. Конституционные юстициарные права: к выявлению и осмыслению феномена / Т.В. Соколов // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 73–82. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).73-82.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Sokolov T.V. Constitutional judiciary (procedural) rights: towards identifying and understanding the phenomenon. *Pravoprimenenie* = *Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 73–82. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).73-82. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ THE LAW ENFORCEMENT BY LOCAL AUTHORITIES

УДК 342

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(4).83-92

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

М.Ю. Дитятковский^{1,2}

¹ *Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),*

г. Москва, Россия

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

26 июня 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Международные связи,
внешнеэкономические связи,
органы местного
самоуправления, приграничное
сотрудничество,
международные организации,
города-побратимы, организации
межмуниципального
сотрудничества

В связи с изменениями федерального законодательства дается определение понятия «международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления» и указываются его признаки; рассматриваются полномочия органов трех уровней публичной власти в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления и проблемные вопросы, связанные с их реализацией; проводится анализ нормативных правовых актов в данной сфере. Делаются выводы о необходимости включения в федеральное законодательство новых положений, определяющих особенности правового статуса «городов-побратимов», а также дополняющих федеральными и региональными организациями межмуниципального сотрудничества число субъектов международных и внешнеэкономических связей.

ON CERTAIN ASPECTS OF INTERNATIONAL AND FOREIGN ECONOMIC RELATIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

Mikhail Yu. Dityatkovsky^{1,2}

¹ *Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia*

² *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*

Article info

Received –

2024 June 26

Accepted –

2024 September 20

Available online –

2024 December 20

Keywords

International relations, foreign
economic relations, local self-
government bodies, cross-border
cooperation, international
organizations, twin cities,
organizations of inter-municipal
cooperation

The subject. This article has been prepared in order to analyze federal and regional legislation in the field of regulation of international and foreign economic relations of local governments, as well as to prepare proposals for its improvement. This article examines the main issues related to the definition of the concept of "international and foreign economic relations of local self-government bodies" and indicates its signs; analyzes the powers of bodies of three levels of public authority in the field of international and foreign economic relations of local self-government bodies and problematic issues related to their implementation; analyzes the normative legal acts necessary for adoption at the level of the subjects of the Russian Federation and municipalities in this area.

Main results. International and foreign economic relations of local self-government bodies should be understood as the relations carried out by local self-government bodies in order to resolve issues of local importance and, in coordination with the state authorities of the subject of the Russian Federation, with representatives of state-territorial, administrative-territorial and municipal formations of foreign states, with local self-government bodies of foreign states, including for the purpose of participation in activities international organizations in the field of inter-municipal cooperation.

Conclusions. There are no provisions in federal legislation on the need for the Ministry of Economic Development of the Russian Federation to organize interaction with other federal executive authorities in order to effectively exercise powers in the field of international and foreign economic relations of local governments. In this regard, this gap needs additional legal regulation. There is a need to include new provisions in federal legislation defining the features of the legal status of "twin cities", as well as supplementing federal and regional organizations of inter-municipal cooperation among the subjects of international and foreign economic relations.

1. Введение

В настоящее время ситуация в сфере международных отношений является достаточно напряженной и непростой. Согласно российскому законодательству международные и внешнеэкономические связи могут устанавливаться не только федеральными и региональными органами государственной власти, но и органами местного самоуправления. Не так давно в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 131) появилась новая гл. 9.1 «Международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления». Ее появление связано с принятием Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и статью 44 Федерального закона “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации”», вступившего в силу 15 августа 2023 г.

Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 420-ФЗ был достаточно долгожданным, поскольку ранее п. 8 ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 131 к полномочиям органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения относилось осуществление международных и внешнеэкономических связей в соответствии с федеральными законами, но самого общего федерального закона, который бы комплексно и системно регулировал эти отношения, долгое время не существовало в принципе.

Проект соответствующего федерального закона № 1164301-7 был разработан Правительством РФ во исполнение абз. 5 пп. 12 п. 1 перечня поруче-

ний Президента РФ от 1 марта 2020 г. № Пр-354² и внесен в Государственную Думу РФ 30 апреля 2021 г. В пояснительной записке к проекту федерального закона указывалось, что на федеральном уровне в соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» сегодня регламентированы полномочия органов местного самоуправления приграничных субъектов Российской Федерации в сфере приграничного сотрудничества, порядок заключения соглашений о приграничном сотрудничестве муниципальных образований, а также иные вопросы международных связей органов местного самоуправления, но только приграничных субъектов Российской Федерации. Однако у иных муниципальных образований, которые находятся на территории субъектов Российской Федерации, не являющихся приграничными, отсутствует правовая основа в сфере осуществления международных и внешнеэкономических связей с иностранными партнерами. В настоящее время на сайте Минэкономразвития России размещен перечень приграничных субъектов федерации, к которым отнесен только 41 регион из 89³.

В настоящей статье рассматриваются основные вопросы, связанные с определением понятия «международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления» и указываются его признаки; анализируются полномочия органов трех уровней публичной власти в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления и проблемные вопросы, связанные с их реализацией; проводится анализ нормативных правовых актов, необходимых к принятию на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в данной сфере. Мы рассмотрим дан-

¹ Здесь и далее нормативные правовые акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

² Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию местного самоуправления // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62919> (дата обращения: 25.06.2024).

³ Перечень приграничных субъектов Российской Федерации // Министерство экономического развития Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/9a4436e6e6049c8989585d53c7f7585d/perechen_prigranichnyh_subektov_rf.pdf (дата обращения: 25.06.2024).

ные вопросы с применением формально-юридического метода, методов анализа нормативных правовых актов разного уровня, регулирующих полномочия органов трех уровней публичной власти в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления, а также синтеза подготовки выводов и предложений на основании данного анализа.

Вопросы реализации международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления и полномочий органов публичной власти в данной сфере достаточно слабо изучены в научной и учебной юридической литературе.

Традиционно в науках конституционного и административного права изучаются в основном вопросы международных и внешнеэкономических связей органов государственной власти субъектов Российской Федерации (диссертационные исследования Н.А. Рогозиной [1], Р.И. Нурутдиновой [2], М.Б. Бадалиной [3], А.А. Колесника [4], П.Е. Дорониной [5], М.В. Ксенофонтовой [6], Л.М. Изотовой [7], Э.Н. Лукьянченко [8], Н.В. Симоновой [9] и Т.П. Колпаковой [10], а также отдельные научные статьи и монографии И.В. Бочарникова [11], В.Я. Суворовой [12; 13], В.Л. Толстых [14], Г.В. Игнатенко [15], Ю.И. Федорова [16] и В.В. Пустогарова [17]).

Вопросы, связанные с проблематикой исследования международных и внешнеэкономических связей именно органов местного самоуправления, достаточно редко становятся предметом изучения в юридической науке. При этом в основном предметом научного исследования становятся только вопросы приграничного сотрудничества муниципальных образований и только в приграничных субъектах Российской Федерации (диссертационное исследование Ю.А. Семакиной [18], а также отдельные научные статьи И.Л. Абухба [19] и Л.А. Быковой [20]) или полномочий органов местного самоуправления на приграничных территориях (научные статьи И.В. Зыковой [21] и А.В. Можарова [22; 23]). Исключительно вопросам исследования международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления любых муниципальных образований посвящены только научные статьи А.Ф. Москаленко [24], А.М. Тесленко, Ю.В. Бересневой [25] и Т.Н. Трошкиной [26]. Вместе с тем указанные работы были подготовлены до внесения новейших изменений в федеральное законодательство и в связи с этим частично утратили свою актуальность.

Таким образом, научные юридические работы, направленные на изучение международных и внеш-

неэкономических связей органов местного самоуправления, в юридической литературе в настоящее время отсутствуют. Этим определяется актуальность и новизна настоящей работы.

2. Проблема определения понятия «международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления»

Прежде всего необходимо отметить главный недостаток гл. 9.1 «Международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления» Федерального закона № 131 – в ней отсутствует легальное определение понятия «международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления». Для этого приходится обращаться к использованию аналогичного понятия в ст. 1 Федерального закона от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации».

Если провести анализ ст. 69.3 Федерального закона № 131 о полномочиях органов местного самоуправления в сфере международных и внешнеэкономических связей, то можно прийти к следующим выводам, необходимым для формулировки отсутствующего понятия и характеризующим его признаки:

- 1) международные и внешнеэкономические связи осуществляются органами местного самоуправления в целях решения вопросов местного значения;
- 2) международные и внешнеэкономические связи осуществляются органами местного самоуправления по согласованию с органами государственной власти субъекта федерации;
- 3) международные и внешнеэкономические связи осуществляются органами местного самоуправления со следующими субъектами: с представителями государственно-территориальных, административно-территориальных и муниципальных образований иностранных государств; с органами местного самоуправления иностранных государств;
- 4) международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления предполагают также участие в деятельности международных организаций в сфере межмуниципального сотрудничества.

На основании изложенного под международными и внешнеэкономическими связями органов местного самоуправления следует понимать осуществляемые органами местного самоуправления в целях решения вопросов местного значения и по согласованию с органами государственной власти субъекта Российской Федерации связи с представителями

государственно-территориальных, административно-территориальных и муниципальных образований иностранных государств, с органами местного самоуправления иностранных государств, в том числе в целях участия в деятельности международных организаций в сфере межмуниципального сотрудничества.

3. Полномочия федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления

Глава 9.1 «Международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления» Федерального закона № 131 устанавливает прежде всего разграничение компетенции между органами трех уровней публичной власти в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления, а также порядок заключения соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления. Нужно отметить, что в основу содержания гл. 9.1 Федерального закона № 131 положены аналогичные нормы, регулирующие схожие общественные отношения и закрепленные в настоящее время федеральными законами от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» и от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества». Между тремя федеральными законами очень много общего в части их содержания в отношении правового регулирования полномочий органов публичной власти трех уровней в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления

Статьей 69.1 Федерального закона № 131 определены полномочия федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления. Указанными полномочиями Правительством РФ изначально предлагалось наделить Минэкономразвития России, поскольку именно этот федеральный орган исполнительной власти осуществляет сегодня аналогичные полномочия в сфере приграничного сотрудничества органов местного самоуправления согласно Федеральному закону от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества». Постановле-

нием Правительства РФ от 9 ноября 2023 г. № 1882 «О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 года № 437» в развитие ст. 69.1 и 69.5 Федерального закона № 131 в Положение о Министерстве экономического развития РФ внесены изменения, которые наделяют Минэкономразвития России статусом уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления.

Так, к полномочиям Минэкономразвития России отнесены:

- 1) разработка, реализация и обеспечение проведения единой государственной политики в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления;
- 2) определение приоритетных направлений международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления;
- 3) представление интересов Российской Федерации в отношениях с иностранными государствами и международными организациями по вопросам международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления;
- 4) предоставление субъектам федерации правовой, организационной и методической поддержки по вопросам международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления;
- 5) формирование и ведение перечня соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления с органами местного самоуправления иностранных государств;

6) иные полномочия в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления в соответствии с международными договорами Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Кроме того, во исполнение ст. 69.5 Федерального закона № 131 принят приказ Минэкономразвития России от 25 декабря 2023 г. № 911 «Об утверждении Порядка ежегодного информирования Министерства экономического развития Российской Федерации высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления и о результатах осуществления таких связей в предыдущем году».

Вместе с тем осуществление органами местного самоуправления международных и внешнеэкономических связей по логике предполагает необходимость координации их деятельности не только со стороны Минэкономразвития России, но и со стороны иных специализированных федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих полномочия в сфере иностранных дел. Например, не понятно, почему в указанной координации не участвуют такие органы, как:

1) Министерство иностранных дел РФ как уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере международных отношений Российской Федерации;

2) Россотрудничество как федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по оказанию государственных услуг в сфере обеспечения и развития международных отношений Российской Федерации с государствами – участниками Содружества Независимых Государств, другими государствами, а также в сфере международного гуманитарного сотрудничества и содействия международному развитию.

О данных федеральных органах исполнительной власти в гл. 9.1 Федерального закона № 131 нет ни слова. Кроме того, в федеральном законодательстве отсутствуют положения о том, что Минэкономразвития России должно организовать взаимодействие с указанными органами в целях эффективной реализации полномочий в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления. В связи с чем указанный пробел нуждается в дополнительном правовом регулировании.

4. Полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления

Статьей 69.2 Федерального закона № 131 достаточно кратко определяются полномочия органов государственной власти субъекта федерации в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления. Так, к указанным полномочиям относятся:

1) правовое регулирование осуществления органами местного самоуправления международных и внешнеэкономических связей;

2) предоставление органам местного самоуправления правовой, организационной и методической поддержки при осуществлении ими международных и внешнеэкономических связей;

3) иные полномочия, установленные Федеральным законом № 131, другими федеральными законами.

При анализе ст. 69.3–69.6 Федерального закона № 131 можно увидеть некоторую хаотичность при определении видов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, посредством принятия которых должно быть осуществлено правовое регулирование отдельных вопросов осуществления органами местного самоуправления международных и внешнеэкономических связей:

1) законом субъекта федерации должны быть урегулированы:

а) порядок согласования органами государственной власти субъекта федерации осуществления органами местного самоуправления международных и внешнеэкономических связей;

б) иные полномочия органов местного самоуправления в сфере международных и внешнеэкономических связей;

в) порядок регистрации органами государственной власти субъекта федерации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления данного субъекта Российской Федерации;

2) нормативным правовым актом высшего исполнительного органа субъекта федерации должен быть урегулирован порядок формирования муниципальным образованием перечня соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления данного муниципального образования;

3) нормативным правовым актом субъекта федерации неопределенного вида (в порядке, определенном субъектом Российской Федерации: законом субъекта федерации или нормативным правовым актом высшего исполнительного органа субъекта федерации) должен быть урегулирован порядок согласования высшим исполнительным органом субъекта федерации заключения органами местного самоуправления соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей с органами местного самоуправления иностранных государств;

4) нормативным правовым актом уполномоченного органа государственной власти субъекта федерации должен быть урегулирован порядок информирования указанного органа главой муниципального образования об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления данного муниципального образования и о результатах осуществления таких связей в предыдущем году.

В связи с такой правовой неопределенностью при проведении Общественной палатой РФ 25 мая 2023 г. общественной экспертизы по проекту соответствующего федерального закона № 1164301-7 было высказано предложение о целесообразности подготовки типового закона субъекта Российской Федерации о международных и внешнеэкономических связях органов местного самоуправления⁴. К настоящему времени в развитие гл. 9.1 Федерального закона № 131 соответствующие отдельные региональные законы в сфере международных и внешнеэкономических связях органов местного самоуправления приняли более 30 субъектов федерации, больше всего в Центральном (8) и Северо-Западном (6) федеральных округах. Некоторые субъекты Российской Федерации, например Архангельская и Омская области, ограничились дополнением имеющихся общих законов о местном самоуправлении отдельными главами или статьями о международных и внешнеэкономических связях органов местного самоуправления.

В целях координации международных и внешнеэкономических связей региона и входящих в его состав муниципальных образований во всех субъектах федерации уже созданы и функционируют структурные подразделения исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. При этом в ряде регионов, например во Владимирской, Нижегородской, Свердловской, Тверской, Ярославской областях, Пермском крае, в региональных нормативных правовых актах содержатся рекомендации органам местного самоуправления при осуществлении ими международных и внешнеэкономических связей. Например, последние информируют органы государственной власти субъектов федерации о визитах иностранных делегаций, о переговорах с зарубежными партнерами, в том числе по заключению соглашений.

5. Полномочия органов местного самоуправления в сфере международных и внешнеэкономических связей

Частью 2 ст. 69.3 Федерального закона № 131 установлены полномочия органов местного самоуправления в сфере международных и внешнеэкономических связей:

1) проведение встреч, консультаций и иных мероприятий в сфере международных и внешнеэкономических связей с представителями государственно-территориальных, административно-территориальных и муниципальных образований иностранных государств;

2) заключение соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления с органами местного самоуправления иностранных государств;

3) участие в деятельности международных организаций в сфере межмуниципального сотрудничества в рамках полномочий органов, созданных специально для этой цели;

4) участие в разработке и реализации проектов международных программ межмуниципального сотрудничества;

5) иные полномочия в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления в соответствии с международными договорами Российской Федерации, федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и законами субъекта Российской Федерации.

Более подробно полномочия органов местного самоуправления в сфере международных и внешнеэкономических связей регламентируются в нормативных муниципальных правовых актах, принятых гораздо раньше гл. 9.1 Федерального закона № 131⁵. Указанные нормативные муниципальные правовые акты должны применяться в части, не противоречащей гл. 9.1 Федерального закона № 131.

6. Правовые пробелы в определении полномочий органов местного самоуправления в сфере международных и внешнеэкономических связей

Специалисты в сфере муниципального права отмечают наличие правовых пробелов в гл. 9.1 Федерального закона № 131 в части некоторых проблем в определении полномочий органов местного самоуправления в сфере международных и внешнеэкономических связей:

1. В гл. 9.1 Федерального закона № 131 ничего не говорится о существовании и необходимости правового регулирования такого распространенного явле-

⁴ Местному самоуправлению разрешат международные связи // Общественная палата Российской Федерации. 2023. 29 мая. URL: https://www.oprf.ru/live_stream/1818 (дата обращения: 25.06.2024).

⁵ См., напр., постановление Главы города Екатеринбурга от 22 декабря 2000 г. № 1354 «О координирующей роли ко-

митета по внешним связям Администрации города Екатеринбурга», решение Совета депутатов городского округа Троицк Московской области от 5 апреля 2007 г. № 332/53 «Об утверждении Положения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления города Троицка».

ния, как города-побратимы. По сведениям Комитета Совета Федерации по международным делам, по состоянию на 29 января 2019 г. более 330 российских городов имели побратимские связи с более чем 1 600 зарубежными муниципальными образованиями⁶. Городами-побратимами или породненными городами по факту являются города, между которыми установлены постоянные дружественные связи для взаимного ознакомления с их жизнью, историей, культурой и т. п. Российские города являются членами таких международных организаций, как Всемирная организация «Объединенные города и местные власти» и Международная ассоциация «Породненные города», в которой принимают участие более 180 городов России и стран СНГ⁷. Вместе с тем определение «городов-побратимов» и их правового статуса в настоящее время в федеральном законодательстве отсутствует.

2. В гл. 9.1 Федерального закона № 131 ничего не говорится о возможности участия в международных и внешнеэкономических связях не только органов местного самоуправления, но и организаций межмуниципального сотрудничества (советов муниципальных образований субъектов Российской Федерации, общероссийского объединения муниципальных образований и т. д.). Вместе с тем, по мнению Всероссийской ассоциации развития местного самоуправления и Союза российских городов, в гл. 9.1 Федерального закона № 131 необходимо определить роль федеральных и региональных объединений муниципальных образований в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления, поскольку указанные ассоциации и союзы по факту реально эффективно занимаются проектами в сфере международных отношений⁸. Например, Союз российских городов активно развивает сотрудничество с государствами – участниками СНГ, ШОС и БРИКС. Они подписали соглашения о сотрудничестве и активно взаимодействуют с Союзом общин Армении, Союзом местных самоуправлений Кыргызской Республики,

Конгрессом местных властей Молдовы, Советом по взаимодействию органов местного самоуправления при Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь, Международной китайской ассоциацией дружбы городов (CIFCA), Союзом муниципалитетов Тюркского Мира, Международной Ассоциацией Городов – Посланцев Мира, Альянсом городов Шелкового пути и мн. др.⁹

В связи с этим следует рассмотреть вопрос о необходимости включения в гл. 9.1 Федерального закона № 131 новых положений, определяющих особенности правового статуса «городов-побратимов», а также включающих федеральные и региональные организации межмуниципального сотрудничества в число субъектов международных и внешнеэкономических связей.

7. Выводы

Подводя итог, следует сказать, что появление в Федеральном законе № 131 гл. 9.1 безусловно стало новым этапом для стимулирования развития и наведения порядка в указанных отношениях. Вместе с тем реализация новых положений Федерального закона № 131 выявила определенные правовые проблемы, которые требуют своего разрешения. В связи с чем в статье дается определение понятия «международные и внешнеэкономические связи органов местного самоуправления» и указываются его признаки; рассмотрены полномочия органов трех уровней публичной власти в сфере международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления и проблемные вопросы, связанные с их реализацией; проводится анализ нормативных правовых актов, необходимых к принятию на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в данной сфере. Делаются выводы о необходимости включения в федеральное законодательство новых положений, определяющих особенности правового статуса «городов-побратимов», а также дополняющих федеральные и региональные организации межмуниципального сотрудничества в число субъектов международных и внешнеэкономических связей.

⁶ Сотрудничество российских органов МСУ с зарубежными муниципальными образованиями активно развивается – К. Косачев // Совет Федерации Федерального Собрания РФ: офиц. сайт. 2019. 29 янв. URL: <http://council.gov.ru/events/news/100957/> (дата обращения: 25.06.2024).

⁷ История возникновения Международной ассоциации «Породненные города» // Международная ассоциация «Породненные города» (МАПГ): офиц. сайт. URL: <http://goroda-pobratimy.ru/about/istoriya-vozniknoveniya-mapg>

goroda-pobratimy.ru/about/istoriya-vozniknoveniya-mapg (дата обращения: 25.06.2024).

⁸ Местному самоуправлению разрешат международные связи.

⁹ Международные отношения // Союз российских городов: офиц. сайт. URL: <https://www.urc.ru/project-offices/mezhdunarodnye-otnosheniya/> (дата обращения: 25.06.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рагозина Н. А. Конституционно-правовое регулирование внешнеэкономических связей субъекта РФ: на примере Санкт-Петербурга : дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Рагозина. – СПб., 2014. – 264 с.
2. Нурутдинова Р. И. Институт межпарламентского сотрудничества субъектов РФ: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Р. И. Нурутдинова. – Казань, 2013. – 218 с.
3. Бадалина М. Б. Правовые основы участия в международных отношениях субъектов федеративного государства : дис. ... канд. юрид. наук / М. Б. Бадалина. – М., 2011. – 247 с.
4. Колесник А. А. Конституционно-правовое регулирование внешнеэкономических связей субъектов РФ: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Колесник. – Челябинск, 2006. – 175 с.
5. Доронина П. Е. Правовое регулирование приграничного сотрудничества в Российской Федерации: На примере сотрудничества в рамках Баренцева / Евро-Арктического региона : дис. ... канд. юрид. наук / П. Е. Доронина. – Архангельск, 2005. – 195 с.
6. Ксенофонтова М. В. Правовые проблемы участия субъектов РФ в международном экономическом сотрудничестве : дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Ксенофонтова. – М., 2004. – 255 с.
7. Изотова Л. М. Конституционно-правовые основы международных связей субъектов РФ : дис. ... канд. юрид. наук / Л. М. Изотова. – Уфа, 2003. – 202 с.
8. Лукьянченко Э. Н. Взаимодействие международных и внутригосударственного права и проблемы регулирования международных связей субъектов РФ (1991–1999 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук / Э. Н. Лукьянченко. – М., 2003. – 165 с.
9. Симонова Н. В. Взаимодействие органов публичной власти на территории приграничного субъекта РФ: Конституционно-правовые аспекты; на анализе материалов Западного регионального пограничного управления ФСБ РФ : дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Симонова. – Воронеж, 2003. – 255 с.
10. Колпакова Т. П. Правовые основы разграничения полномочий в сфере международных и внешнеэкономических связей между Российской Федерацией и ее субъектами : дис. ... канд. юрид. наук / Т. П. Колпакова. – Казань, 2001. – 178 с.
11. Бочарников И. В. Приграничное сотрудничество как фактор обеспечения безопасности России в пограничном пространстве // Аналитический вестник Совета Федерации. – 2009. – № 12 (379). – С. 43–60.
12. Суворова В. Я. Международно-правовое регулирование участия субъектов РФ в международных и внешнеэкономических связях / В. Я. Суворова // Российский юридический журнал. – 2006. – № 3. – С. 28–36.
13. Суворова В. Я. Федеральный закон о координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ / В. Я. Суворова // Российский юридический журнал. – 1999. – № 3. – С. 30–42.
14. Толстых В. Л. Международная деятельность субъектов РФ / В. Л. Толстых. – М., 2004. – 173 с.
15. Игнатенко Г. В. Международно-правовой статус субъектов РФ / Г. В. Игнатенко // Российский юридический журнал. – 1995. – № 1. – С. 3–20.
16. Федоров Ю. И. О правосубъектности членов федерации в международном праве / Ю. И. Федоров // Московский журнал международного права. – 1994. – № 4. – С. 108–114.
17. Пустогаров В. В. Международная деятельность субъектов федерации / В. В. Пустогаров // Московский журнал международного права. – 1992. – № 2. – С. 3–18.
18. Семакина Ю. А. Приграничное сотрудничество муниципальных образований: муниципально-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. А. Семакина. – Омск, 2014. – 234 с.
19. Абухба И. Л. Приграничное сотрудничество как фактор развития муниципальных образований / И. Л. Абухба // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2010. – № 4. – С. 17–20.
20. Быкова Л. А. Муниципальные образования как субъекты приграничного сотрудничества / Л. А. Быкова // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2009. – № 1. – С. 32–37.
21. Зыкова И. В. Полномочия органов местного самоуправления в сфере обеспечения безопасности в пределах приграничных территорий / И. В. Зыкова // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2009. – № 4. – С. 7–11.
22. Можаров А. В. Актуальные вопросы реализации полномочий органов местного самоуправления в сфере обеспечения безопасности России в пределах приграничных территорий / А. В. Можаров // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 5. – С. 29–33.

23. Можаров А. В. Полномочия органов местного самоуправления в сфере обеспечения безопасности России в пределах приграничных территорий / А. В. Можаров // Законодательство и экономика. – 2008. – № 3. – С. 40–45.

24. Москаленко А. Ф. Правовое регулирование межмуниципального сотрудничества: международно-правовой аспект и российское законодательство / А. Ф. Москаленко // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 12. – С. 39–44.

25. Тесленко А. М. О некоторых проблемах правового регулирования международных связей муниципальных образований в РФ / А. М. Тесленко, Ю. В. Береснева // Российский юридический журнал. – 2011. – № 2. – С. 71–77.

26. Трошкина Т. Н. Организационные основы государственного регулирования внешнеторговой деятельности / Т. Н. Трошкина. – Подгот. для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – 2005.

REFERENCES

1. Ragozina N.A. *Constitutional and legal regulation of foreign economic relations of the subject of the Russian Federation: on the example of St. Petersburg*, Cand. Diss. St. Petersburg, 2014. 264 p. (In Russ.).
2. Nurutdinova R.I. *Institute of Interparliamentary Cooperation of subjects of the Russian Federation: constitutional and legal research*, Cand. Diss. Kazan, 2013. 218 p. (In Russ.).
3. Badalina M.B. *Legal bases of participation in international relations of subjects of a federal state*, Cand. Diss. Moscow, 2011. 247 p. (In Russ.).
4. Kolesnik A.A. *Constitutional and legal regulation of foreign economic relations of the subjects of the Russian Federation: issues of theory and practice*, Cand. Diss. Chelyabinsk, 2006. 175 p. (In Russ.).
5. Doronina P.E. *Legal regulation of cross-border cooperation in the Russian Federation: An example of cooperation within the Barents / Euro-Arctic region*, Cand. Diss. Arkhangelsk, 2005. 195 p. (In Russ.).
6. Ksenofontova M.V. *Legal problems of participation of subjects of the Russian Federation in international economic cooperation*, Cand. Diss. Moscow, 2004. 255 p. (In Russ.).
7. Izotova L.M. *Constitutional and legal foundations of international relations of the subjects of the Russian Federation*, Cand. Diss. Ufa, 2003. 202 p. (In Russ.).
8. Luk'yanchenko E.N. *Interaction of international and domestic law and problems of regulation of international relations of subjects of the Russian Federation (1991–1999)*, Cand. Diss. Moscow, 2003. 165 p. (In Russ.).
9. Simonova N.V. *Interaction of public authorities on the territory of a border subject of the Russian Federation: Constitutional and legal aspects; based on the analysis of materials from the Western Regional Border Department of the Federal Security Service of the Russian Federation*, Cand. Diss. Thesis. Voronezh, 2003. 255 p. (In Russ.).
10. Kolpakova T.P. *The legal basis for the delimitation of powers in the field of international and foreign economic relations between the Russian Federation and its subjects*, Cand. Diss. Kazan, 2001. 178 p. (In Russ.).
11. Bocharnikov I.V. Cross-border cooperation as a factor of ensuring Russia's security in the border area. *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii = Analytical Bulletin of the Federation Council*, 2009, no. 12 (379), pp. 43–60. (In Russ.).
12. Suvorova V.Ya. International legal regulation of the participation of subjects of the Russian Federation in international and foreign economic relations. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2006, no. 3, pp. 28–36. (In Russ.).
13. Suvorova V.Ya. Federal Law on the coordination of International and foreign economic relations of the subjects of the Russian Federation. *Russian Law Journal = Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 1999, no. 3, pp. 30–42. (In Russ.).
14. Tolstykh V.L. *International activity of the subjects of the Russian Federation*. Moscow, 2004. 173 p. (In Russ.).
15. Ignatenko G.V. The international legal status of the subjects of the Russian Federation. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 1995, no. 1, pp. 3–20. (In Russ.).
16. Fedorov Yu.I. On the legal personality of federation members in international law. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 1994, no. 4, pp. 108–114. (In Russ.).
17. Pustogarov V.V. International activity of the subjects of the Federation. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 1992, no. 2, pp. 3–18. (In Russ.).

18. Semakina Yu.A. *Cross-border cooperation of municipalities: municipal legal research*, Cand. Diss. Omsk, 2014. 234 p. (In Russ.).
19. Abukhba I.L. Cross-border cooperation as a factor in the development of municipalities. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: legal issues*, 2010, no. 4, pp. 17–20. (In Russ.).
20. Bykova L.A. Municipalities as subjects of cross-border cooperation. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: legal issues*, 2009, no. 1, pp. 32–37. (In Russ.).
21. Zyкова I.V. Powers of local self-government bodies in the field of security within border territories. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: legal issues*, 2009, no. 4, pp. 7–11. (In Russ.).
22. Mozharov A.V. Topical issues of the implementation of the powers of local self-government bodies in the field of ensuring the security of Russia within the border territories. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2008, no. 5, pp. 29–33. (In Russ.).
23. Mozharov A.V. The powers of local self-government bodies in the field of ensuring the security of Russia within the border territories. *Zakonodatel'stvo i ekonomika = Legislation and economics*, 2008, no. 3, pp. 40–45. (In Russ.).
24. Moskalenko A.F. Legal regulation of inter-municipal cooperation: international legal aspect and Russian legislation. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2013, no. 12, pp. 39–44. (In Russ.).
25. Teslenko A.M., Beresneva Yu.V. On some problems of legal regulation of international relations of municipalities in the Russian Federation. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2011, no. 2, pp. 71–77. (In Russ.).
26. Troshkina T.N. *Organizational foundations of state regulation of foreign trade activities*, Prepared for the ConsultantPlus system. 2005. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дитятковский Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, доцент, ¹профессор кафедры конституционного и муниципального права, ²профессор кафедры государственного и муниципального права

¹ Московский государственный юридический университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

¹ 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

² 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: ditmihur@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7318-212X

ResearcherID: W-2788-2019

SPIN-код РИНЦ: 3935-0431

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Mikhail Yu. Dityatkovsky – Doctor of Law, Associate Professor; ¹Professor, Department of Constitutional and Municipal Law; ² Professor, Department of State and Municipal Law

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

² Dostoevsky Omsk State University

¹ 9, Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russia

² 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: ditmihur@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7318-212X

ResearcherID: W-2788-2019

RSCI SPIN-code: 3935-0431

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дитятковский М.Ю. Об отдельных аспектах международных и внешнеэкономических связей органов местного самоуправления / М.Ю. Дитятковский // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 83–92. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).83-92.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dityatkovsky M.Yu. On certain aspects of international and foreign economic relations of local self-government bodies. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 83–92. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).83-92. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE ADMINISTRATIVE JURISDICTION BODIES

УДК 342.9+343.2

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(4).93-102

ФОРМИРОВАНИЕ ДОКТРИНАЛЬНОГО ПОДХОДА К ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ КАК ПРИЗНАКУ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

А.Н. Александров, О.А. Дизер, Т.А. Недоступенко

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

18 апреля 2024 г.

Дата принятия в печать –

10 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

На основе анализа понятия и сущности общественной опасности предлагаются научно обоснованные выводы, связанные с пониманием того, следует ли разграничивать деяния по признакам «вредность» и «опасность» на административные правонарушения и преступления. Определяются ключевые характеристики общественной опасности противоправных деяний. Анализируется взаимосвязь общественной опасности и ее степени при рецидиве, приготовлении или покушении на преступление, сроков давности.

Ключевые слова

Общественная вредность, деликт, общественная опасность, преступление, административное правонарушение, сроки давности, административная преюдиция, степень общественной опасности, категории преступлений

FORMATION OF A DOCTRINAL APPROACH TO PUBLIC DANGER AS A SIGN OF CRIMES AND ADMINISTRATIVE OFFENSES

Alexey N. Alexandrov, Oleg A. Dizer, Tatyana A. Nedostypenko

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

Article info

Received –

2024 April 18

Accepted –

2024 September 10

Available online –

2024 December 20

The subject of the study is the current norms of administrative and criminal legislation, covering and providing an understanding of such a feature as a public danger.

The purpose of the scientific article is to, based on an analysis of the concept and essence of public danger, offer scientifically based conclusions related to the understanding of whether acts should be differentiated on the grounds of “nuisance” and “danger” into administrative offenses and crimes. The achievement of the formulated goal was made possible by solving the following scientific problems: defining the concept and essence of the social danger of an act; disclosure of the content of concepts of the nature and degree of social danger of an act, clarification of their criminal legal and social functions; clarification of the influence of public danger on the criminalization of an act and the categorization of crimes.

The methodological basis was the universal principles of scientific knowledge: objectivity, the relationship of phenomena and their characteristics, the unity of theory and practice. In solving the identified problems, the work also used other general scientific and special scientific methods of cognition, successfully tested by legal doctrine, including analysis and synthesis, deduction and induction.

Keywords

Social nuisance, administrative tort, public danger, crime, administrative offense, statute of limitations, administrative prejudice, degree of public danger, categories of crimes

This article analyzes its concept as distinguishing an administrative offense from a crime. The essence and criteria for forming the degree of public danger are determined. Conditions are established that influence the formation of this characteristic for certain types of administrative offenses. The relationship between social danger and its degree in case of recidivism, preparation or attempted crime, and statute of limitations is analyzed.

1. Введение

В юридической литературе существует достаточно длительная дискуссия относительно «общественной опасности» либо «общественной вредности» как признака, свойственного, соответственно, преступлениям и административным правонарушениям. Тезис одной группы авторов состоит в том, что и административные правонарушения, и преступления опасны в своем проявлении. Данная позиция представлена в противовес иным мнениям, что правонарушение следует оценивать исключительно с позиции общественно вредного деяния, не обладающего опасностью.

Для разрешения спорности вопроса, в первую очередь, следует определить значение общественной опасности, вредности и условий их проявления.

В пользу того, что правонарушение – это общественно вредное, а преступление – общественно опасное деяние, высказался Д.Н. Бахрах, определив, что антиобщественный характер преступлений настолько велик, что они признаются общественно опасными, а степень вредоносности большинства административных правонарушений невелика, они не являются общественно опасными [1, с. 545].

Существуют представления о том, что правонарушение – это деяние, направленное на причинение вреда, однако в силу своих особенностей имеют общественную вредность и причиняют, чаще всего, несущественный вред субъекту, обществу, государству либо ставят под угрозу его причинения [2, с. 55].

В.П. Алехин и Д.М. Коржов отметили, что административное правонарушение обладает потенциальной возможностью к распространению. Оно – не единично, а массово. Отсюда следует, что правонарушения вредны своей типичной распространенностью, чем и разрушают привычный уклад общества [3, с. 62].

В настоящее время правовая наука не предложила универсального подхода к определению природы общественной опасности.

Полагаем, что для определения сущности понятия следует учитывать не только научные представления, но и правовое употребление данного критерия, что позволит прийти к ряду аргументированных выводов о том, что следует понимать под обще-

ственной опасностью и характерна ли она исключительно для преступлений.

2. Сущность и критерии формирования степени общественной опасности

Рассматриваемая категория легла в основу отдельных норм Уголовного кодекса (далее – УК) РФ. Законодатель относит общественную опасность к признакам преступления согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ. Вместе с тем подобный или синонимичный признак в Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) отсутствует. Это косвенно указывает на основное отличие преступления от административного деликта. Полное отсутствие подобного признака определяет и главную проблематику в понимании того, можно ли считать административный деликт опасным или вредным. Об этом упоминал А.Б. Агапов, указывая на то, что административные правонарушения (проступки) отличаются от преступлений, предусмотренных УК РФ, признаком общественной опасности (приводится по: [4, с. 1597]). Подобного понимания придерживается А.М. Николаев, отметивший, что общественная опасность остается одним из важнейших отличительных признаков преступления от иных правонарушений [5, с. 162].

В свою очередь, П.А. Фефелов считал, что общественная опасность преступного деяния раскрывается через «социальный прецедент», иными словами, опасность в угрозе повторения преступного поведения [6, с. 8–9].

Продолжая анализ понятия через изучение уголовно-правовых норм, отметим, что в соответствии с ч. 1 ст. 15 УК РФ общественная опасность обладает характером и степенью, что позволяет подразделить преступления на небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие. Часть 6 этой же нормы указывает на то, что «...при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну». Это позволяет прийти к выводу о том, что степень общественной опасности напрямую зависит не только от опасности наступивших последствий для охраняемых общественных отношений, но и от смягчающих обстоятельств.

В то же время положения ч. 5 ст. 18 УК РФ закрепляют то, что рецидив влечет более строгое наказание, а значит, совершенное умышленно преступление обладает большей степенью общественной опасности, если лицо, его совершившее, имеет судимость за ранее совершенное умышленное преступление. В пользу подобной оценки степени общественной опасности повторно совершенных преступлений высказался Б.В. Волженкин, указав, что после совершения преступления, как правило, существует реальная возможность совершения этим же лицом нового преступления, в чем и заключается общественная опасность преступника. Особенно показательными в отношении стойкости антисоциальных преступных мотивов являются повторное совершение преступления индивидом и рецидив [7, с. 95].

А.Н. Соловьев под общественно опасным поведением предлагал понимать действия, причинившие значимый вред или создавшие угрозу причинения такого вреда охраняемым в уголовно-правовом порядке социальным объектам [8, с. 14]. Однако при таком условии разумнее было бы говорить о том, что не само повторное деяние стало опаснее, а поведение лица, его совершившего.

3. Анализ правоприменительной практики

Анализируя существующие подходы представленных отраслей права, можно заметить, что правоприменительная практика заставляет усомниться в однозначности указанных подходов и в оценке степени тяжести преступления при совокупности с общественно опасными последствиями.

Согласно материалам уголовного дела № 1-396/2021 обвиняемое лицо было осуждено по ч. 1 ст. 161 УК РФ судьей Ленинского районного суда г. Томска. Преступное деяние заключалось в завладении открытым способом имуществом (продуктами питания) общей стоимостью 646 руб.¹

В сравнении с данным составом следует рассмотреть деяние, целью которого выступило аналогичное стремление завладеть чужим имуществом, однако реализованное тайным способом. Так, согласно приговору № 1-331/2023 от 29 сентября 2023 г., вынесенному судьей Фрунзенского районного суда г. Ярославля по уголовному делу № 1-331/2023, установлено, что из торгового зала магазина была совершена кража имущества (продуктов питания) на общую сумму 5 791 руб. 17 коп. Деяние было квалифицировано по ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Несмотря на то, что совершены практически тождественные действия, направленные на завладение чужим имуществом (продуктами питания), способ совершения указывает на то, что открытое хищение опаснее, чем тайное. При этом в обоих представленных ситуациях выбранный способ не влияет на возникновение опасных негативных последствий, но сумма реально причиненного ущерба в данном вопросе уходит на второй план, и как вывод – не влияет на степень опасности.

Судебная практика свидетельствует о том, что способ совершения определяет степень опасности деяния, несмотря на отсутствие фактически наступивших негативных последствий. Это означает, что опасным считается механизм совершенного деяния, а не общественный вред от наступивших последствий.

Еще одним примером этому служит приговор № 1-473/2018 1-68/2019 от 4 февраля 2019 г., вынесенный судьей Московского районного суда г. Казани по уголовному делу № 1-473/2018. Обвиняемый из корыстных побуждений, с умыслом, направленным на хищение чужого имущества, тайным способом совершил хищение сумки. Похищенное имущество было оценено на общую сумму 54 400 руб., что являлось значительным ущербом для потерпевшего. Действия виновного лица были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ².

При этом виновное лицо на момент совершения хищения не осознавало, какой именно суммой оно сможет завладеть, имея лишь корыстный умысел. В случае причинения ущерба менее 2 500 руб. деяние было бы лишено признака общественной опасности, так как являлось бы административным правонарушением.

Это также позволяет сделать вывод, что отсутствие опасных последствий для потерпевшего не имеет определяющего значения, ведь наличие общественной опасности и ее степень зависят от самого деяния, так как оно первично.

Простыми словами обозначил данную позицию В.М. Коган: «общественная опасность как бы содержится в обозначенности. Раз обозначено в законе в качестве преступления, значит – общественно опасно» [9, с. 77].

4. Общественная опасность как единый признак правонарушения

Сравнительный анализ правоприменительной практики позволяет поставить под сомнение признание деликта исключительно общественно вредным.

¹ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eDxw3By0KKYE/> (дата обращения: 27.03.2024).

² URL: <https://sudact.ru/regular/doc/inuhf82SEXbV/> (дата обращения: 27.03.2024).

В отдельных случаях законодатель определил, что повторно совершенное аналогичное административное правонарушение приобретает рассматриваемый признак – общественной опасности. Речь идет о ст. 6.1.1, 7.27 и др. КоАП РФ. Это позволяет определить условие, влияющее на формирование общественной опасности, но в контексте административного законодательства. Лицо, подвергнутое административному наказанию до истечения одного года, может быть привлечено к уголовной ответственности при совершении аналогичного административного деликта (ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ). Иными словами, общественная опасность зависит от частоты совершения административного правонарушения, но лишь в отдельных случаях.

А.Г. Безверхов указывает, что административная преюдиция появилась как один из репрессивных юридических инструментов, средство криминализации деяний [10, с. 41].

Существуют и противники подобного подхода. Так, А.Н. Тарбагаев утверждает, что повторное административное правонарушение не может образовывать новое качество и перерасти в преступление, т. е. менять характер и степень общественной опасности, а основанием уголовной ответственности может быть только преступление [11, с. 66].

Также основным аргументом противников административной преюдиции является и то, что признание проступков преступными и уголовно наказуемыми деяниями в силу их повторности противоречит принципу уголовного права, согласно которому преступлением считается только такое общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все признаки состава преступления, независимо от иных обстоятельств, в частности от того, было ли лицо подвергнуто мерам административно-правового характера за совершенный ранее проступок [12, с. 71].

О спорности существующих представлений возможно судить на примере административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ.

КоАП РФ не содержит такого признака, как общественная опасность или вредность. Однако в частном случае, связанном со ст. 6.1.1 КоАП РФ, это обстоятельство можно поставить под некоторое сомнение. Объясняется это тем, что повторный факт причинения побоев может быть квалифицирован по ст. 116.1 УК РФ. Вместе с тем КоАП РФ содержит в ч. 2 ст. 4.3 указание на то, что повторное совершение административного правонарушения, а именно в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, выступаетотягчающим обстоятельством,

однако в ситуациях, связанных с причинением побоев, законодатель отдает предпочтение тому, что относит это деяние к категории преступных.

Иными словами, приведенный пример ярко свидетельствует о том, что рассматриваемая административно-правовая норма является «особой» наряду с остальными правонарушениями, повторность совершения которых регламентирована ст. 4.3 КоАП РФ.

Представленные позиции могут свидетельствовать о том, что побои как административный деликт возможно рассматривать как деяние, обладающее потенциальной общественной опасностью.

Кроме того, юридическая конструкция составов административных правонарушений и уголовных преступлений зачастую до выяснения всех обстоятельств не дает возможности квалифицировать деяние как административное или уголовное, что довольно ярко подтверждает пример, связанный с причинением побоев. До момента установления наличия или отсутствия вреда, причиненного здоровью потерпевшего, нанесенные побои фактически имеют неопределенную степень опасности, а значит, основываясь на приведенном примере, первично деяние.

Ранее упоминалось о том, что побои являются преступлением только в случае, пока лицо считается подвергнутым наказанию, из этого следует, что до моментов выяснения сроков привлечения лица к ответственности деяние снова обладает неопределенной степенью опасности.

Значит, не лишено смысла утверждение, что данный вид правонарушения обладает признаком общественной опасности.

Невозможно обойти вниманием и факт существования мнений о том, что отдельные правонарушения также по своей сути обладают общественной опасностью. К числу таковых можно отнести высказывание о том, что «анализ отдельных административных правонарушений в сферах оборота оружия, наркотических средств и психотропных веществ, а также в сфере общественной нравственности позволяет сделать вывод о том, что некоторые из них обладают качеством общественной опасности» [13, с. 319].

Подобный подход может усложнить понимание общественной опасности и ее границ, что приводит к смешению уголовной и административной ответственности, а также ставит под сомнение справедливость отсутствия данного критерия для административного правонарушения.

Возможно ли утверждать, что существуют определенные уровни общественной опасности и в контексте административного законодательства он ниже?

В поддержку предложенного вывода следует обратить внимание на мнение, высказанное Л.Л. Поповым, который указывает на то, что «для административных правонарушений присуща именно общественная опасность, как материальный признак любого правонарушения... единственная особенность такого признака, это степень общественной опасности, которая отличается по видам правонарушений...» (цит. по: [14, с. 33]).

А.И. Марцев определил иную градацию, указав на то, что высокая степень вредности порождает новое качество – общественную опасность, лежащую, однако, за пределами общественной вредности как таковой, поскольку сама вредность при этом выступает только предпосылкой появления общественной опасности [15, с. 155].

Подобного рода неопределенность свидетельствует о том, что институт административной преюдиции в отечественном уголовном законодательстве выступает шагом не совсем оправданным, а механизм его реализации не разработан. Фактически, как было справедливо отмечено, он противоречит главному принципу привлечения к уголовной ответственности. Наличие в уголовном законодательстве составов с административной преюдицией ведет к смешению представлений о сущности преступлений и административных правонарушений.

Законодателем определено и то, что общественная опасность зависит от сроков привлечения к ответственности, на что указывает УК РФ, который содержит норму, устанавливающую сроки давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78). Они фактически свидетельствуют о том, что через установленный кодексом промежуток времени деяние можно считать не опасным. При этом до истечения указанного периода степень опасности фактически не уменьшается, а просто прекращает существовать фактически.

Справедливости ради необходимо упомянуть, что существуют отдельные составы, сроки давности на которые не распространяются (ст. 205, 205.1, 205.3 и др.). Но и тут нет четкой системы, согласно которой преступления, относящиеся к одной категории, наделены разной степенью опасности.

Например, ст. 205 УК РФ отнесена к данному исключению согласно ч. 5 ст. 78 УК РФ. При этом преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205 УК РФ, в соответствии со ст. 15 УК РФ является особо тяжким, а зна-

чит, в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 78 УК РФ следовало бы считать, что лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения особо тяжкого преступления прошло 15 лет. Это может указывать лишь на то, что определенные УК РФ категории преступлений не охватывают в полной мере степень общественной опасности, которая варьируется и одновременно с этим является абстрактным понятием.

Н.Н. Вопленко также указывает на то, что понятие «общественная опасность» является чрезмерно расплывчатым, не конкретным, как принято говорить, «каучуковым» и оценочным термином [16, с. 11].

Отсутствие правовой регламентации данного критерия, границ распространения ее степени лишь усложняет понимание рассматриваемого признака преступления.

В.А. Хохлов отметил, что никакого ясного критерия, который бы существовал объективно, за все годы исследований пограничной зоны между преступлениями и проступками обнаружить не удалось. Используемые для квалификации уголовного деяния термины «характер», «общественная опасность», «значимость» без всяких сомнений субъективны в том смысле, что представляют собой лишь реакцию политической власти на актуальность соответствующих нарушений (приводится по: [17, с. 33]).

В.Е. Жеребкин также справедливо отмечает, что у самого понятия общественной опасности нет никаких признаков, законодатель не наделил его определением, которое бы позволило строго обозначить признаки общественной опасности и его границы, в связи с чем непонятно, что же понимается под общественной опасностью [18, с. 144].

Сложность определения понятия рассматриваемого признака еще и в том, что преступления в своем сравнении не всегда одинаково опасны по своей сути, хотя и могут иметь одинаковую степень опасности, при этом характерные для них общественно-опасные последствия могут отсутствовать.

Подобная ситуация противоречит законодательству, где определено, что «степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий»³.

Речь идет о преступлениях, которые были пресечены на этапе приготовления или покушения. Фактически в таких ситуациях вред общественным отношениям

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Рос-

сийской Федерации уголовного наказания» // Российская газета. 2015. 29 дек.

так и не был причинен, вместе с тем деяние по своей сути всё равно не теряет общественной опасности.

Примером этому служит существующая правоприменительная практика, указывающая на те обстоятельства, при которых деяние, не обладающее первичными признаками, свидетельствующими об общественной опасности, не повлекшее каких-либо вредных последствий и фактически не доведенное до конечного результата, приобретает статус преступления.

Согласно приговору № 1-321/2023 от 3 ноября 2023 г., вынесенному судьей Советского районного суда г. Новосибирска по уголовному делу № 1-321/2023, лицо было признано виновным по факту покушения на совершение мелкого хищения, являясь при этом подвергнутым административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ⁴. Вместе с тем при условии истечения срока привлечения к административной ответственности за ранее совершенное правонарушение хотя бы на день расследуемый факт не может быть признан противоправным, так как административное законодательство не предусматривает покушения на совершение правонарушения.

Приведенный пример свидетельствует о том, что существующая грань между преступлением, деликтом и непротивоправным деянием так тонка, что фактически результатом оценки деяния выступает не его общественная опасность, не причиняемый правоотношениям вред, а установленные законодателям условия применения нормы.

Одновременно с этим пресечение деяния на этапе приготовления может быть расценено как преступление, но при условии, что было запланировано совершение тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 30 УК РФ). Это выступает дополнительным свидетельством того, что такой признак преступления, как общественная опасность, является непостоянным.

Возникает вопрос о целесообразности использования данного признака при разграничении преступления и административного правонарушения.

Научные представления относительно сущности административного правонарушения указывают на то, что деликт обладает таким признаком, как вредность, что по сути своей эквивалентно понятию опасности.

Для подтверждения сделанного вывода следует обратить внимание на значение самого слова «опасность». Так, под опасностью понимают наличие в ком/чём-либо способности, возможности причинить вред, несчастье⁵.

Ранее нами указывалось на то, что опасность можно охарактеризовать как потенциальную возможность причинения вреда различным охраняемым административно-правовым отношениям [19, с. 31].

Еще одним вариантом толкования слова является «возможность нанесения материального ущерба, физического или морального вреда»⁶.

Ю.П. Шевченко и И.А. Косицин указывают на то, что административное правонарушение и уголовное преступление – это явления одного порядка, а термины «преступление» и «правонарушение» синонимичны [20, с. 43].

Л.В. Ковал, анализируя характер правоотношений, справедливо отмечает, что неправильно отделять и рассматривать отдельно такие признаки, как «общественная опасность» и «вредность» административных правонарушений. Иными словами, каждое неправомерное действие несет в себе опасность и фактическое причинение ущерба (приводится по: [14, с. 33]).

На единообразное понимание опасности и вредности указывает А.-Б.С. Ондар, считая, что под общественной опасностью необходимо понимать способность деяния причинить вред общественным отношениям или поставить их под угрозу причинения такого вреда. Признаком общественной опасности деяния считается его вредоносность, способность причинить вред [21, с. 87].

Г.А. Кузьмичева и Л.А. Калинина отмечают необходимость признать общественно опасными и преступления, и административные проступки, но для их разграничения необходимо учитывать степень общественной опасности, которая выражается в наличии или отсутствии тяжких последствий, размере реально причиненного ущерба, способе и месте совершения (приводится по: [22, с. 103]).

Одновременно с этим существуют авторские позиции, позволяющие в определенной степени охарактеризовать и разграничить рассматриваемые критерии общественной опасности и вреда. Так, А.Г. Антонов отметил, что категория вреда отлича-

⁴ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ghUBmZIUXyWv/> (дата обращения: 27.03.2024).

⁵ Русский орфографический словарь / под ред. В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=опасность&mode=slovari&dicts\[\]=71](https://gramota.ru/poisk?query=опасность&mode=slovari&dicts[]=71) (дата обращения: 20.03.2024).

⁶ Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов (общ. ред.). URL: [https://gramota.ru/poisk?query=опасность&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=опасность&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 20.03.2024).

ется от категории опасности. Вред – это явление, состоявшееся в сущности, а опасность – вероятность наступления вреда в будущем. Опасность – понятие, однопорядковое с категорией «угроза» [23, с. 126].

Н.Ф. Кузнецовой была озвучена идея о том, что общественная опасность выражается не только в причинении вреда, но и в создании угрозы причинения вреда тем ценностям, которые поставлены под охрану уголовного закона (приводится по: [24 с. 97]).

Сказанное в полной мере позволяет отметить, что с позиций реализуемого посягательства на интересы личности, общества и государства административный деликт причиняет вред общественным отношениям, что в свою очередь позволяет говорить о его общественной опасности. При этом градация общественной опасности, закрепленная УК РФ, вполне разграничивает преступление от правонарушения. Учитывая представленное разнообразие научных подходов и правоприменительной практики, усматривается необходимость переоценки понятий, определяющих сущность преступления и административного правонарушения.

5. Заключение

Таким образом, административный деликт следует рассматривать с позиции того, что деяние посягает на общественные отношения, причиняя им вред, а значит, несет тем самым общественную опасность.

А.И. Мурзинов придерживался аналогичного подхода, указывая на то, что все правонарушения обладают общественной опасностью. Это подтверждается родовым сходством принадлежности рассматриваемых противоправных деяний к категории «правонарушение» [25, с. 9].

Однако, градация степени общественной опасности, представленная в УК РФ, вполне позволяет разграничить правонарушение от преступления.

Содержательный анализ норм уголовного и административного законодательства и доказательственных подходов позволяет сделать ряд выводов относительно характеристик общественной опасности противоправных деяний и определения ее сущности:

1. Наличие или отсутствие общественной опасности определяется фактом совершения конкретного противоправного деяния. Влияние на это оказывает то законодательство, в котором закреплена соответствующая норма.

2. Отдельные административные правонарушения могут приобретать признак общественной опасности, не обладая таковым изначально.

3. Общественная опасность как признак противоправного деяния не обладает постоянством ввиду его зависимости от рецидива, отягчающих и смягчающих обстоятельств, а также сроков давности.

4. Закрепленный законодательством в настоящее время подход к определению степени опасности не является универсальным в силу невозможности его применения к отдельным видам преступлений. Так, преступление согласно ч. 1 ст. 205 УК РФ не обладает сроками давности, в отличие от других преступлений (ч. 1 ст. 105 УК РФ, ч. 3 ст. 131 УК РФ), также отнесенных к особо тяжким.

По нашему мнению, представленный критерий ввиду его субъективности и абстрактности следует считать неотъемлемым признаком как для административного правонарушения, так и для преступления. Иными словами, исключение из норм законодательства рассматриваемого признака будет способствовать формированию единообразного подхода к определению и пониманию сущности общественной опасности как признака, характерного для всех противоправных деяний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахрах Д. Н. Административное право : учеб. для студентов высш. учеб. заведений, обуч. по специальности «Юриспруденция» / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма, 2008. – 815 с.
2. Малуша В. А. Соотношение общественной опасности преступления и вредности правонарушения / В. А. Малуша // Наука, техника и образование. – 2021. – № 5 (80). – С. 54–56.
3. Алехин В. П. К вопросу об общественной опасности административного правонарушения / В. П. Алехин, Д. М. Коржов // StudNet. – 2021. – № 2. – С. 58–66.
4. Гогин А. А. К вопросу о признаках правонарушений / А. А. Гогин // Право и политика. – 2008. – № 7. – С. 1595–1600.
5. Николаев А. М. Общественная опасность деяний как отличительный признак их преступности / А. М. Николаев // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 5. – С. 160–162.

6. Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны: основные методологические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. / П. А. Фефелов. – Екатеринбург, 1993. – 50 с.
7. Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности / Б. В. Волженкин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1963. – № 3. – С. 90–98.
8. Соловьев А. Н. Понятие преступления (Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук / А. Н. Соловьев. – Волгоград, 2000. – 235 с.
9. Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия : моногр. / В. М. Коган ; отв. ред. чл.-кор. АН СССР В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1983. – 183 с.
10. Безверхов А. Г. Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы / А. Г. Безверхов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2011. – № 2. – С. 39–52.
11. Тарбагаев А. Н. Административная ответственность в уголовном праве / А. Н. Тарбагаев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 62–68.
12. Ямашева Е. В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России / Е. В. Ямашева // Журнал российского права. – 2009. – № 10. – С. 69–79.
13. Дизер О. А. Об общественной опасности отдельных административных правонарушений / О. А. Дизер, В. И. Сургутсков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4. – С. 319–320.
14. Ахтанина Н. А. Общественная опасность как признак административного правонарушения / Н. А. Ахтанина // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2019. – № 6. – С. 30–36. – DOI: 10.7256/2306-9945.2019.6.32494.
15. Марцев А. И. Общественная вредность и общественная опасность преступления / А. И. Марцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4 (237). – С. 148–155.
16. Вопленко Н. Н. Понятие, основные признаки и виды правонарушения / Н. Н. Вопленко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2005. – № 7. – С. 6–17.
17. Гогин А. А. Критерии классификации противоправных деяний в сферах экономических, антимонопольных и экологических отношений / А. А. Гогин // Государственное и муниципальное право: теория и практика : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 10 нояб. 2016 г. – Пермь : Аэтерна, 2016. – С. 32–41.
18. Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права / В. Е. Жеребкин. – Киев : Вища школа, 1976. – 150 с.
19. Дизер О. А. Административно-правовая защита общественной нравственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. А. Дизер. – Омск, 2019. – 59 с.
20. Шевченко Ю. П. Административное правонарушение и преступление: в чем отличие? / Ю. П. Шевченко, И. А. Косицин // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 40–44. – DOI: 10.19073/2306-1340-2017-14-4-40-44.
21. Ондар А.-Б. С. Общественная опасность: проблемы определения / А.-Б. С. Ондар // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 6. – С. 85–94. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.151.6.085-094.
22. Гогин А. А. Соотношение понятий общественной опасности и социальной вредности правонарушений / А. А. Гогин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1. – С. 102–107. – DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10114.
23. Антонов А. Г. О соотношении категорий «общественная опасность преступления» и «личность преступника» / А. Г. Антонов // Государство и право. – 2019. – № 11. – С. 125–129. – DOI: 10.31857/S013207690007479-8.
24. Гузеева О. С. Общественная опасность преступления: конституционно-правовой и уголовно-правовой анализ / О. С. Гузеева // Lex russica. – 2021. – Т. 74, № 3. – С. 95–106. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.172.3.095-106.
25. Мурзинов А. И. Преступление и административное правонарушение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Мурзинов. – М., 1983. – 24 с.

REFERENCES

1. Bakhrakh D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. *Administrative law*, Textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Jurisprudence", 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2008. 815 p. (In Russ.).

2. Malusha V.A. Correlation between the social danger of crime and the harmfulness of the offense. *Nauka, tekhnika i obrazovanie = Science, technology and education*, 2021, no. 5 (80), pp. 54–56. (In Russ.).
3. Alekhin V.P., Korzhov D.M. On the issue of the social danger of an administrative offense. *StudNet*, 2021, no. 2, pp. 58–66. (In Russ.).
4. Gogin A.A. On the issue of signs of offenses. *Pravo i politika = Law and politics*, 2008, no. 7, pp. 1595–1600. (In Russ.).
5. Nikolaev A.M. Social danger of acts as a distinctive feature of their criminality. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2011, no. 5, pp. 160–162. (In Russ.).
6. Fefelov P.A. *Mechanism of criminal legal protection: main methodological problems*, Doct. Diss. Yekaterinburg, 1993. 50 p. (In Russ.).
7. Volzhenkin B.V. The social danger of the criminal and the basis of criminal liability. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 1963, no. 3, pp. 90–98. (In Russ.).
8. Solov'ev A.N. *The concept of crime (Theoretical, legislative and law enforcement aspects)*, Cand. Diss. Volgograd, 2000. 235 p. (In Russ.).
9. Kogan V.M. *Social mechanism of criminal legal influence*, Monograph, ed. by V.N. Kudryavtsev. Moscow, Nauka Publ., 1983. 183 p. (In Russ.).
10. Bezverkhov A.G. Administrative prejudice in the criminal legislation of Russia: origins, realities, prospects. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo = Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law*, 2011, no. 2, pp. 39–52. (In Russ.).
11. Tarbagaev A.N. Administrative responsibility in criminal law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 1992, no. 2, pp. 62–68. (In Russ.).
12. Yamasheva E.V. On the issue of restoring the institution of administrative prejudice in the criminal law of Russia. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 10, pp. 69–79. (In Russ.).
13. Dizer O.A., Surgutskov V.I. On the public danger of certain administrative offenses. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 4, pp. 319–320. (In Russ.).
14. Akhtanina N.A. Social danger as a sign of an administrative offense. *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya = NB: Administrative law and administration practice*, 2019, no. 6, pp. 30–36. DOI: 10.7256/2306-9945.2019.6.32494. (In Russ.).
15. Martsev A.I. Social harmfulness and social danger of crime. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2001, no. 4 (237), pp. 148–155. (In Russ.).
16. Voplenko N.N. Concept, main signs and types of offense. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya = Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence*, 2005, no. 7, pp. 6–17. (In Russ.).
17. Gogin A.A. Criteria for the classification of illegal acts in the spheres of economic, antimonopoly and environmental relations, in: *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe pravo: teoriya i praktika*, Collection of articles of the international scientific and practical conference, Perm, November 10, 2016, Perm, Aeterna Publ., 2016, pp. 32–41. (In Russ.).
18. Zherebkin V.E. *Logical analysis of the concepts of law*. Kyiv, Vishcha shkola, 1976. 150 p. (In Russ.).
19. Dizer O.A. *Administrative and legal protection of public morality*, Doct. Diss. Thesis. Omsk, 2019. 59 p. (In Russ.).
20. Shevchenko Yu.P., Kositsin I.A. Administrative offense and crime: what is the difference?. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii = Bulletin of the Omsk Law Academy*, 2017, vol. 14, no. 4, pp. 40–44. DOI: 10.19073/2306-1340-2017-14-4-40-44. (In Russ.).
21. Ondar A.-B.S. Public Danger: Problems of Definition. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2023, vol. 18, no. 6, pp. 85–94. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.151.6.085-094. (In Russ.).
22. Gogin A.A. Correlation of the concepts of social danger and social harmfulness of offenses. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1, pp. 102–107. DOI: 10.24411/2078-5356-2019-10114. (In Russ.).

23. Antonov A.G. On the relationship between the categories “social danger of crime” and “personality of the criminal”. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 11, pp. 125–129. DOI: 10.31857/S013207690007479-8. (In Russ.).

24. Guzeeva O.S. Public danger of crime: constitutional, legal and criminal legal analysis. *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 3, pp. 95–106. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.172.3.095-106. (In Russ.).

25. Murzinov A.I. *Crime and administrative offence*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 1983. 24 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александров Алексей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: rio.belui@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 7792-6184; AuthorID: 691376

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: rio.belui@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 5636-8259; AuthorID: 312006

Недоступенко Татьяна Александровна – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: nedostupenko-12@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 2298-1422; AuthorID: 1059820

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Александров А.Н. Формирование доктринального подхода к общественной опасности как признаку преступлений и административных правонарушений / А.Н. Александров, О.А. Дизер, Т.А. Недоступенко // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 93–102. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).93-102.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alexey N. Alexandrov – PhD in Law, Associate Professor, Head
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
71, Gor’kogo ul., Belgorod, 308024, Russia
E-mail: rio.belui@mail.ru
RSCI SPIN-code: 7792-6184; AuthorID: 691376

Oleg A. Dizer – Doctor of Law, Associate Professor; Deputy Head for Scientific Work.
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
71, Gor’kogo ul., Belgorod, 308024, Russia
E-mail: rio.belui@mail.ru
RSCI SPIN-code: 5636-8259; AuthorID: 312006

Tatyana A. Nedostypenko – Senior Lecturer, Department of Criminal Law
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
71, Gor’kogo ul., Belgorod, 308024, Russia
E-mail: nedostupenko-12@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 2298-1422; AuthorID: 1059820

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Alexandrov A.N., Dizer O.A., Nedostypenko T.A. Formation of a doctrinal approach to public danger as a sign of crimes and administrative offenses. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 93–102. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).93-102. (In Russ.).

ПРАВО БЫТЬ ВЫСЛУШАНЫМ: НА ПУТИ К ОБЩЕМУ ПРИНЦИПУ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА*

П.А. Курындин

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

20 марта 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Общие принципы административного права, административная процедура, надлежащая процедура, естественная справедливость, право быть выслушанным, право на участие

Нормативное закрепление и реализация слушаний в рамках административной процедуры – это особый вопрос для любого правопорядка. Право быть выслушанным в зарубежных государствах появлялось и «настраивалось» в судебной практике. В первую очередь речь идет об англо-американской правовой семье, где всегда был особый уклон на процессуальные аспекты. Исключением не стало и французское административное право, где возможность быть выслушанным выведено Государственным советом. В российском праве право быть выслушанным предусматривается в отдельных федеральных законах. При этом данный принцип пока не нашел свое отражение в каком-либо акте высших инстанций, определяющем практику. Представленные в исследовании решения кассационных инстанций показывают недостатки правового регулирования и расхождения «обычных» и экономических споров, что может быть преодолено через восприятие сравнительно-правовых подходов.

THE RIGHT TO BE HEARD: TOWARDS A GENERAL PRINCIPLE OF ADMINISTRATIVE LAW**

Pavel A. Kuryndin

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2024 March 20

Accepted –

2024 September 20

Available online –

2024 December 20

Keywords

General principles of administrative law, administrative procedure, due process, natural justice, opportunity (right) to be heard, right to participation

The subject of the article is related to the analysis of Russian legislation formation of opportunities for an individual to be heard, reflected in judicial practice.

Methods. This analysis is based on the right to be heard as a general principle of administrative law, taken from foreign legal orders through the comparative legal method. In addition, the article used formal-dogmatic, historical methods. Initially, the guarantee in question is of a judicial nature, that is, it appeared and was further clarified in judicial practice. The lead in substantiating the right to be heard belongs to the Anglo-American legal family, since there has always been a special emphasis on procedural aspects. Along with this, French administrative law was not an exception, where the opportunity to be heard was also introduced by the State Council, but enshrined much later in the Code on regulating relations between the population and the administration. It should also be noted that the presence of a legislative act does not prevent the development of judicial doctrines.

The purpose of this observation is to study the possible role of Russian judicial practice in the development of the right to be heard as a general principle of administrative law. To do this, it is necessary to determine the historical background for the emergence of this right, the development features in various legal traditions, to identify the features of Russian judicial practice, correlating them with foreign doctrines and associated concepts (primarily, with the right of participation).

Main results. In Russian law, the right to be heard is provided by some federal laws. However, this principle has not yet been reflected in any act of higher judicial authorities, which could affect the level of protection by consolidated uniform approaches. The court deci-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01729, <https://rscf.ru/project/23-28-01729/>.

** The research was carried out at the expense of a grant by Russian Science Foundation No. 23-28-01729, <https://rscf.ru/project/23-28-01729/>.

sions of the cassation instances presented in the study, on the contrary, show he discrepancies and shortcomings of legal regulation in disputes with citizens and in economic affairs. In the latter case, the legislation is more detailed; the courts apply it more readily, siding with private individuals. Whereas, within the framework of a personal reception of citizens, restoring rights is much longer and more difficult, because the administrative bodies themselves create various obstacles.

Conclusion. These problems can be overcome through the perception of comparative legal approaches in understanding the right to be heard as a general principle of administrative law. Indeed, a private person should be able to present his point of view and evidence, especially when it comes to interference with his freedom.

1. Введение

Вопросы, обсуждаемые в настоящей статье, связаны с административными процедурами, где невластным субъектам предоставлена возможность быть выслушанными¹. Пальма первенства в разработке процессуальных принципов принадлежит англосаксонской правовой системе. Одной из таких гарантий является право быть выслушанным. Она входит в более общие концепции: в британском праве чаще используется понятие естественной справедливости (англ. *Natural justice*)² [3; 4], а в американском – надлежащей процедуры (англ. *Due process*) [5; 6]. Другими словами, достаточно абстрактная теория находит в конкретной возможности невластного субъекта обосновать, что итоговое решение по его делу принято без учета его позиции [7]. Так, § 556 Закона об административных процедурах США (*The Administrative Procedure Act, APA*) определяет общие правила проведения слушаний при подзаконном нормотворчестве и разрешении административных дел³, если нет исключений в законе.

При этом России как государству, принадлежащему к континентальной правовой традиции, следует обратить внимание на схожий опыт судебного развития принципа при отсутствии единого нормативного подхода в национальной системе. Релевантной представляется практика Франции, поскольку общие принципы административного права – это результат работы Государственного Совета [8]⁴. Вместе с этим судебный характер административного права не исключает кодификации. Так, в 2015 г. появился Кодекс о регулировании отношений населения и администрации⁵ (далее – Кодекс о регулировании отношений), он пришел на смену Закону от 12 апреля 2000 г. № 2000-321 «О правах граждан в их отношениях с администрацией»⁶. При этом даже принятие законодательных актов вовсе не препятствует Государственному совету продолжать оказывать влияние на административное право и выявлять общие принципы [9, p. 139] (например, административный суд может проверять решения органов, не являющиеся формально административными актами)⁷.

¹ Грамматически верным представляется использование слова «выслушанный», а не «заслушанный». Первое значение глагола «выслушать» в Толковом словаре С.И. Ожегова связано с прослушиванием, тогда как «заслушать» – выслушать что-либо, публично оглашаемое, до конца (Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 сл., терминов и фразеол. выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: АСТ: Мир и образование, 2014. С. 189, 339). В научной литературе также используется первый термин [1; 2]. И Верховный Суд РФ в своих документах использует глагол «заслушать» применительно к выступлению на судебных заседаниях, см., напр., Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 10 (2021) или Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2022). (Здесь и далее нормативные правовые и судебные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».)

² Здесь и далее перевод с английского автора статьи.

³ URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2022-title5/html/USCODE-2022-title5-partI-chap5-subchapII-sec556.htm> (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ Здесь и далее перевод с французского автора статьи.

⁵ Code des relations entre le public et l'administration, du 23 octobre 2015 №2015-1341 (CRPA). URL: [https://codes.droit.org/PDF/Code des relations entre le public et l'administration.pdf](https://codes.droit.org/PDF/Code%20des%20relations%20entre%20le%20public%20et%20l%27administration.pdf) (дата обращения: 20.03.2024).

⁶ Loi n° 2000-321 du 12 avril 2000 relative aux droits des citoyens dans leurs relations avec les administrations. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000005629288> (дата обращения: 20.03.2024).

⁷ В одном из дел Государственный совет признал возможным контролировать пресс-релиз административного органа с предупреждением в отношении одной компании-инвестора, см.: Conseil d'État, Assemblée, du 21 mars 2016, № 368082 // Publié au recueil Lebon. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000007670561> (дата обращения: 20.03.2024).

В Кодексе о регулировании отношений закреплены нормы, гарантирующие право быть выслушанным, например при обязательной предварительной состязательной процедуре в случае применения санкций, отмены положительного решения, ограничения прав и др. (ст. L. 121-1).

В российском законодательстве есть правила, определяющие схожие требования. В силу ст. 13 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ о рассмотрении обращений) установлен порядок личного приема. Кроме того, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – ФЗ о КНД) в целом построен на обеспечении возможности участия невластного субъекта в различных контрольных процедурах: право знакомиться с результатами контрольных (надзорных) мероприятий или действий, сообщать контрольному органу о своем согласии или несогласии с ним (ст. 36); взаимодействие с контролируемым лицом осуществляется при проведении контрольных (надзорных) мероприятий (ст. 56); право подать возражения в отношении акта контрольного (надзорного) мероприятия (ст. 89).

Настоящее исследование строится на гипотезе о возможной роли российской судебной практики в развитии права быть выслушанным как общего принципа административного права. Для того чтобы подтвердить данную гипотезу, необходимо определить исторические предпосылки появления данного права, особенности его развития в различных правовых традициях, выявить особенности российской судебной практики, соотнести их с зарубежными доктринами и смежными понятиями.

2. История становления права быть выслушанным в зарубежных правовых системах

Процедурные гарантии особенно хорошо изучены в англо-американской правовой семье. Право быть выслушанным в этом смысле – не исключение, а основное требование к административной процедуре в праве Великобритании и США. Суды прове-

ряют соблюдение прав невластного субъекта не только с точки зрения формальных требований, но и по существу.

В Великобритании впервые право быть выслушанным в рамках административной процедуры обсуждалось в деле 1863 г. «Купер против Комитета по работам Уондсворта»⁸ в связи с уведомлением о начале строительства за пять дней, а не за семь. Комитет по работам из-за просрочки принял решение о сносе, не выслушав застройщика. Суд подтвердил, что требуется обращение к «универсально применимому принципу естественной справедливости», чтобы и в рамках административной процедуры лицо было выслушано, хотя закон об этом прямо не говорит.

В дальнейшем в деле «Ридж против Болдуина», рассмотренном Палатой лордов⁹, расширена доктрина естественной справедливости не только на право собственности, но и на репутацию или средства к существованию. По обстоятельствам дела полицейское управление Брайтона уволило своего главного констебля (Ч. Риджа), не предоставив ему возможности защитить свои права. Главный констебль подал апелляцию, утверждая, что Брайтонский наблюдательный комитет (глава Дж. Болдуин) действовал незаконно, отстранив его от должности в 1958 г. после уголовного разбирательства против него, не дав ему участвовать и выступить по всем обстоятельствам. Лорд Рид предложил рассмотреть понятие «судебная власть» расширительно. По его мнению, сам факт того, что власть затрагивает права или интересы, делает ее «судебной» и, таким образом, подчиняющейся процедурам, требуемым естественной справедливостью. Поэтому действует правило, выраженное латинской максимой: *Audi alteram partem* (выслушанной должна быть и другая сторона), распространяясь и на административные процедуры [4, p. 571 et plus].

В американской правовой системе право быть выслушанным в рамках административной процедуры имеет свои особенности, поскольку проистекает из пятой и четырнадцатой поправок к Конституции США¹⁰. Так, в одном из первых дел, посвящен-

⁸ The Court of Common Pleas, 21 April 1863, «Cooper v Wandsworth Board of Works» (1863) // 14 CB (NS) 180 (CP) (1863) 143 ER 414. URL: <http://www.worldlii.org/int/cases/EngR/1863/424.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

⁹ United Kingdom House of Lords Decisions, 14 March 1963, «Ridge v Baldwin» // The Law Reports (Appeal Cases). 1964.

P. 40. URL: <https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1963/2.html> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁰ Билль о правах от 15 декабря 1791 г. [первые 10 поправок] // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты: пер. с англ. / сост. В.И. Лафитский; под ред. О.А. Жидкова. М.: Прогресс: Универс, 1993. С. 139.

ных слушаниям¹¹, после рассмотрения жалобы компании *Opp Cotton Mills* Верховный Суд США указал, что требования надлежащей процедуры не предусматривают какой-то определенный момент, когда невластный субъект может быть выслушан тем или иным способом.

Позже Верховный Суд США указал: «[некоторая] форма слушания необходима, прежде чем человек будет окончательно лишен имущества [или свободы]»¹². По обстоятельствам работнику была прекращена выплата по инвалидности. В силу законодательных норм именно на нем лежала обязанность доказать, что выздоровление еще не наступило, а административный орган проводит постоянную оценку права на пособие, получая информацию от работника и больницы. В случае прекращения выплаты пособий у получателя было шесть месяцев на обжалование такого решения. Однако работник вместо этого стал оспаривать конституционность данной процедуры. И суд первой инстанции, частично опираясь на дело Голдберг против Келли¹³, постановил, что процедуры прекращения выплаты нарушили надлежащую процессуальную процедуру, получателя должны были выслушать.

Во Франции право быть выслушанным обосновано в решении Государственного совета в 1913 г.¹⁴ по дисциплинарному разбирательству заведующего кафедрой философии. Заявитель был профессором в лицее Лаона. Государственный совет отметил: «в решениях [Высшего совета народного образования] от 7 и 18 июля не упоминаются имена членов, присутствовавших на слушаниях и принявших участие в указанных решениях, нельзя установить, что все, кто участвовал в решении от 18 июля, слышали замечания, представленные г-ном X. и его защитником в предыдущем заседании 7 числа».

Позднее, в 1963 г., Жан Риверо указывал, что административный акт может быть принят либо по

результатам обсуждения, как в судопроизводстве, либо властным решением руководителя, как в случае с единоначалием в армии [10, р. 813]. В самом деле, судебная процедура строится на принципах обеспечения состязательности (обмена правовыми позициями). С учетом этого судебная система может использовать такие подходы и при проверке административных актов.

В 2014 г. Государственный совет по разбирательству о выдаче вида на жительство отметил: «...право быть выслушанным подразумевает, что власти... предоставляют заинтересованному лицу возможность представить свои письменные замечания и позволяют ему, по его просьбе, делать устные замечания, чтобы он мог положительным и эффективным образом изложить свою точку зрения на предусмотренную меру до того, как она вступит в силу...»¹⁵ При этом заявитель настаивал, что его должны были выслушать, когда принималось требование покинуть Францию. Государственный совет указал, что это право было реализовано при принятии отказа в выдаче вида на жительство, а обязанность уехать – это следствие такого отказа, поэтому двойных слушаний быть не может.

3. Терминологические подходы к определению права быть выслушанным

Право быть выслушанным является базовой категорией для англо-американской правовой семьи [11, р. 1093]. В любом случае данная гарантия означает, что частный субъект общается с ответственным должностным лицом, подает документы, представляет иные аргументы, что-то обсуждается устно. Кроме того, может быть отдельное заседание, по результатам которого выносится решение, либо просто даются ответы на вопросник, определяющий фактические обстоятельства по делу, также это может подразумевать иные формы участия заявителя. Таким образом, право быть выслушанным в админи-

¹¹ *Opp Cotton Mills, Inc. v. Administrator*: Decided February 3, 1941, No. 330 // *United States Supreme Court Reports*. 1941. Vol. 312. Art. 126. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/312/126/> (дата обращения: 20.03.2024).

¹² *Mathews v. Eldridge*: Decided February 24, 1976, No. 74-204 // *United States Supreme Court Reports*. 1976. Vol. 424. Art. 319. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/424/319/> (дата обращения: 20.03.2024).

¹³ В отношении жителя Нью-Йорка городские власти отменили решение о государственном пособии без должного уведомления, а Верховный Суд США, в частности, отметил, что должно быть слушание, лицо, принимающее решение, должно быть беспристрастным, указывать мотивы, см.: *Goldberg v. Kelly*: Decided March 23, 1970, No. 62 // *United*

States Supreme Court Reports. 1970. Vol. 397. Art. 254. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/397/254/> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁴ *Conseil d'Etat, du 20 juin 1913, № 41854* // *Recueil Lebon*. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriAdmin.do?idTexte=CETATEXT000007631577&dateTexte> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁵ *Conseil d'État, 2ème / 7ème Sous-sections réunies, 04.06.2014, № 370515* // *Recueil Lebon*. URL: http://www.legifrance.gouv.fr/affichJuriAdmin.do;jsessionid=04B7DFAC2B46EC87959E1BBF1BC90494.tpdjo15v_2?oldAction=rechExpJuriAdmin&idTexte=CETATEXT000029046224&fastReqId=75840008&fastPos=16 (дата обращения: 20.03.2024).

стративных процедурах определяет, что формат может быть гибридным и зависит от фактических обстоятельств и степени вмешательства административного акта в индивидуальную свободу [11, р. 1115; 12, р. 349 et plus; 13].

Континентальная традиция имеет иной взгляд: Рекомендация Комитета Министров Совета Европы от 20 июня 2007 г. № CM/Rec(2007)7 «О хорошем управлении»¹⁶ в ст. 8 говорит об участии невластного субъекта в принятии и исполнении административных решений, которые затрагивают его права или интересы, если иного не требуют срочные обстоятельства. При этом под слушаниями понимается непосредственное выступление (см. ст. 14 и 15). С другой стороны, Хартия ЕС об основных правах¹⁷, наоборот, использует право быть выслушанным (ч. 2 ст. 41), тогда как участие упоминается в контексте инклюзивности пожилых людей и инвалидов, т. е. в социальной сфере.

Кодекс о регулировании отношений в ст. L132-1 закрепляет принцип участия в обязательных консультациях, предусмотренных нормативными актами и проводимых независимыми административными органами. В иных статьях данного кодекса также употребляется термин «участие» в различных вариантах взаимодействия частных лиц с административными органами, а «выслушать» (и иные однокоренные слова) — только в узком смысле: в контексте заседания.

В любом случае, применительно ко Франции ученые говорят о существенном изменении прав невластных субъектов. Так, Ж.-Б. Оби называет среди достижений административной демократии «прогресс в процедурах участия» [14, р. 915]. С ним соглашается Г. Аидан и говорит об административной демократии как об «участии (в разной степени) заинтересованных людей в принятии административных решений, которые их касаются» [15, р. 141].

При этом для российской теории и практики ввиду отсутствия точного законодательного регулирования следует обратиться к истокам гарантии, которая разрабатывалась в судопроизводстве, т. е. о праве быть выслушанным и услышанным судом. Это означает, что истец может давать пояснения и возражать, заявлять ходатайства и представлять иные процессуальные документы, а суд должен создать условия для этого и отразить доводы стороны в мотиви-

рованном решении [16; 17]. В самом деле, если стороны направили лишь письменные позиции, то это всё равно означает, что они были выслушаны. Аналогичным образом это право предлагают рассматривать в научной литературе и в административной сфере [18].

Таким образом, для России право быть выслушанным следует рассматривать как более широкую категорию, охватывающую различные формы взаимодействия: непосредственное выступление частного лица, представление письменной позиции, участие в сборе доказательств и т. п.

4. Право быть выслушанным в российской судебной практике

В России право быть выслушанным отдельно не рассматривалось высшими судебными инстанциями. Вместе с тем в практике судов общей юрисдикции и арбитражных судов на уровне кассации есть дела, в которых по существу обсуждается право быть выслушанным и которые затрагивают различные формы его реализации.

4.1. Личный прием граждан как возможная гарантия быть выслушанным

Личный прием в административных органах руководителем или уполномоченными лицами урегулирован ст. 13 ФЗ о рассмотрении обращений, но важно его судебное преломление.

В кассационном определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16 мая 2023 г. № 88а-15532/2023 по делу № 2а-3453/2022 отмечено, что на личном приеме «начальник ОМВД России по Белгородскому району давая заявителю устный ответ о том, что по обращениям Х. будет произведен анализ, и в случае выявления фактов неполучения им ответов на какие-либо обращения данное нарушение подлежит устранению...». Однако отсутствие ответа заявителю в действительности означает и отсутствие проверки, хоть гражданин и был выслушан. На этом основании тремя инстанциями признано незаконным бездействие этого начальника и возложена обязанность направить письменный ответ после личного приема.

В другом деле¹⁸ частное лицо, среди прочих вопросов о налоговых вычетах, требовало признать незаконным бездействие начальника ИФНС по г. Тамбову, который не дал ответа после личного приема.

¹⁶ URL: <https://rm.coe.int/16807096b9> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁷ URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁸ См. кассационные определения Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 октября 2022 г. № 88а-22924/2022 и от 26 апреля 2023 г. № 88а-11499/2023 по делу № 2а-254/2022.

Само дело дважды доходило до кассационной инстанции, так как направлялось на новое рассмотрение в апелляцию. При этом кассация дважды ссылается на решение суда первой инстанции: «...установлено, что на обращение административного истца на личном приеме даны разъяснения, данных о том, что изложенные в устном обращении факты и обстоятельства требовали дополнительной проверки, не приведено, таким образом препятствия к осуществлению прав, свобод и реализации законных интересов административному истцу не созданы». Также кассационный суд в первом определении приводит и поддерживает позицию представителя ИНФС: «Не соглашаясь с такими выводами суда апелляционной инстанции, представитель ИНФС России по г. Тамбову в кассационной жалобе приводит доводы о том, что решение в указанной части не исполнимо, поскольку содержание устного обращения в личную карточку не вносилось, не представляется возможность установить вопросы, с которыми обращался административный истец». Получается, что риск нарушения процедуры личного приема несет невластный субъект, если данные не внесены, поэтому ответа и не должно быть. С таким подходом нельзя согласиться, частное лицо не может и не должно нести такие юридические последствия. Иначе получается, что невластный субъект должен вести аудио- или видеозапись, чтобы доказать свою позицию, что тоже может вызвать проблемы¹⁹.

Вместе с этим другому невластному субъекту пришлось дойти до кассационной инстанции с оспариванием отказа в проведении личного приема в связи с тем, что он не согласился выложить телефон перед личным приемом. В кассационном определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2021 г. № 88а-6506/2021 по делу № 2а-2860/2020 такие действия сотрудников следствия по Республике Татарстан признаны незаконными. Суд отметил, что в ФЗ о рассмотрении обращений такого основания отказа нет и нельзя применять подзаконный акт данного органа: «[Довод кас-

сационной жалобы, что] требования пункта 3.3. Порядка²⁰ направлены на защиту информации конфиденциального характера подлежит отклонению, поскольку таких выводов, а также ссылок на Указ Президента РФ от 6 марта 1997 года № 188 “Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера” рассматриваемый Порядок не содержит». Иными словами, не должно быть равного подхода, когда речь идет о расследовании преступлений и охране соответствующей тайны, а в других обстоятельствах – о деятельности вне уголовного процесса. В последнем случае граждане могут обсуждать не сами следственные действия, а степень вовлеченности следователя и качество его работы. Если у них есть вопросы по обжалованию его действий, то руководство, принимающее граждан, обязано разъяснить специальный порядок такого обжалования.

В этой части получается, что право быть выслушанным работает не так эффективно, как могло бы, поэтому зачастую невластные субъекты должны обращаться в суды за восстановлением своих прав с различными требованиями.

4.2. Право быть выслушанным в экономических спорах

Одна из идей объединения высших судебных инстанций связана с формированием единообразной судебной практики. В этой части также следует оценить результаты разрешения экономических споров в сравнении с судебными делами, возбужденными гражданами. Также это позволит проследить, каким образом реализуется принцип равенства в разных видах судопроизводства по отношению одной и той же гарантии.

Первым примером может служить постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 мая 2023 г. № Ф04-2134/2023 по делу № А03-12825/2022 и Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17 ноября 2022 г. № Ф02-5525/2022 по делу № А33-29313/2021²¹. В них предписания контрольных органов признаны незаконными.

¹⁹ В новостном сюжете НТН24 (URL: https://www.youtube.com/watch?v=pRb2vrL-o7o&ab_channel=НТН24 (дата обращения: 20.03.2024)) сообщили, что одного из граждан, пришедших на личный прием к руководителю управления ГИБДД по Новосибирской области, привлекли к административной ответственности (пять суток ареста) за неповиновение законному требованию сотруднику полиции. Гражданин осуществлял видеосъемку во время личного приема, но ему запретили, сославшись на внутренние акты. Хотя на столе у должностного лица стояла табличка с надписью «Ведется аудио и видео запись».

²⁰ Речь идет о приказе СУ СК России по Республике Татарстан от 25 сентября 2017 г. № 86 «Об организации личного приема граждан в следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан».

²¹ Определением Верховного Суда РФ от 9 марта 2023 г. № 302-ЭС23-943 отказано в передаче дела № А33-29313/2021 в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления.

В рамках контрольных мероприятий проводилась комплексная проверка, включающая несколько контрольных действий, в частности осмотр и отбор проб, потому что оценивалась производственная деятельность и использование земельного участка. В обоих актах отмечено, что по «смыслу и содержанию указанных норм права, а также положений статей 37, 76 Закона № 248-ФЗ» следует фиксировать на видео мероприятие, если контролируемое лицо не присутствует (непосредственно закрепленного такого требования в ч. 2 ст. 81 ФЗ о КНД нет).

Однако в этих проверках невластный субъект не участвовал и не мог представить возражения. Частичная видеозапись была сделана только во втором деле, причем из четырех проб, как указал суд, съемка была сделана только одной фоновой пробы. С учетом этого суды специально отметили нарушение такого принципа, как охрана прав и законных интересов контролируемых лиц. Из него можно вывести право быть выслушанным, ведь законность мероприятия по отбору проб и указание на несоответствия и на другие существенные нарушения – это и есть по сути охрана прав и законных интересов частного лица.

В двух других арбитражных спорах²² невластные субъекты ссылались, что инспекционный визит осуществлен без их участия, а это не соответствует требованиям ФЗ о КНД. Однако этот довод судом не принят, так как административный орган своевременно загружал все документы на единый (региональный) портал государственных и муниципальных услуг, а частные лица согласились их получать в электронном виде.

Также несвоевременность уведомления о внеплановой проверке не всегда приводит к ее аннулированию, поскольку невластный субъект все равно принял в ней участие. Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 9 марта 2023 г. № 13АП-1948/2023 по делу № А42-6920/2022 учел, что само по себе уведомление осуществлено, хоть и за 23 часа до проверки. В целом можно спорить, действительно ли это не такое существенное нарушение. В ч. 2 ст. 91 ФЗ о КНД содержится список грубых нарушений, влекущих недействительность результатов контрольного мероприятия, куда входит нарушение требований об уведомлении, но невластного субъекта явно подвело его участие в проверке.

Получается, в рамках экономической деятельности право быть выслушанным лучше работает, нежели чем в спорах с рядовыми гражданами.

5. Заключение

Определение порядка реализации права быть выслушанным в рамках административных процедур, пожалуй, является одним из сложных для данной отрасли не только в России, но и в зарубежных порядках.

В самом деле, административная процедура не должна полностью становиться или, по крайней мере, стремиться в большинстве аспектов повторять судопроизводство. Другими словами, чем больше невластный субъект будет участвовать в административной процедуре, тем дольше и затратнее она будет для всех сторон. С другой стороны, очевидно, что административная процедура значительнее подчиняется принципу процессуальной экономии, чем судебный процесс. Однако именно оперативность административной процедуры – это ее отличительная черта. В связи с этим законодатель в любом государстве при предоставлении права быть выслушанным должен искать баланс между скоростью и объективностью с всесторонностью, гарантируя напрямую это право, а в отдельных случаях оно обеспечивается судебной практикой.

Иначе получается, как в российской правовой действительности – разные последствия в зависимости от вида судопроизводства.

Механизм реализации права быть выслушанным в ФЗ о рассмотрении обращений закреплен недостаточно ясно и точно. Это приводит к тому, что невластные субъекты вынуждены идти в суд за защитой, но суды не всегда эффективно защищают права: либо не могут вторгаться в административную сферу, либо констатируют незаконное бездействие административного органа, но тот всё равно надлежащим образом не восстанавливает права в силу разных обстоятельств.

Относительным критерием привлечения невластного субъекта к административной процедуре могут быть обстоятельства, когда важна личность обратившегося с точки зрения его поведения или целей получения публичной услуги либо прояснение обстоятельств возможно только при взаимодействии с частным лицом, как показывает зарубежный опыт. Собственно, именно на последнем построена процедура участия контролируемого лица, как указали арбитражные суды. Важна не сама процедура, но «обратная связь» контролируемого лица для представления возражений.

²² См. постановления Второго арбитражного апелляционного суда от 5 декабря 2023 № 02АП-8164/2023 по делу

№ А82-5914/2023 и от 11 декабря 2023 г. № 02АП-8162/2023 по делу № А82-5883/2023.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Опалев Р. О. К вопросу о соотношении административного судопроизводства и административных процедур / Р. О. Опалев // Вестник гражданского процесса. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 66–79. – DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-2-66-79.
2. Лукьянова И. Н. Право быть выслушанным как основополагающая идея современного российского гражданского и арбитражного судопроизводства / И. Н. Лукьянова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 12. – С. 133–139. – DOI: 10.17803/2311-5998.2021.88.12.133-139.
3. Jackson P. Administrative Law and Natural Justice / P. Jackson // The Modern Law Review. – 1972. – Vol. 35, No. 1. – P. 94–96.
4. De Smith S. A. The Right to a Hearing in English Administrative Law / S. A. De Smith // Harvard Law Review. – 1955. – Vol. 68, No. 4. – P. 569–599.
5. Mott R. L. Due Process of Law: A Historical and Analytical Treatise of the Principles and Methods Followed by the Courts in the Application of the Concept of the «Law of the Land» / R. L. Mott. – New York : Da Capo Press, 1973. – 721 p.
6. Nathanson L. N. The right to fair hearing in Indian, English and American administrative law / L. N. Nathanson // Journal of the Indian Law Institute. – 1959. – Vol. 1, No. 4. – P. 493–522.
7. Ильин А. В. К вопросу о принципе справедливости административного судопроизводства / А. В. Ильин // Закон. – 2019. – № 1. – С. 95–101.
8. Vedel G. Le droit administratif peut-il demeurer indéfiniment jurisprudentiel ? / G. Vedel // Etudes et documents du Conseil d'État. – 1979–1980. – No. 31. – P. 31–46.
9. Costa D. Codification of Administrative Law: A French Oxymoron / D. Costa // Codification of Administrative Law: a comparative study on the legal basis of administrative law / ed. F. Uhlmann. – Oxford : Hart, 2023. – P. 127–146.
10. Rivero J. Le système français de protection des citoyens contre l'arbitraire administratif à l'épreuve des faits / J. Rivero // Mélanges en l'honneur de Jean Dabin : en 2 volumes. – Bruxelles : Bruylant ; Paris : Sirey, 1963. – Tome II. – P. 813–836.
11. Davis K. C. The Requirement of Opportunity to Be Heard in the Administrative Process / K. C. Davis // Yale Law Journal. – 1942. – Vol. 51, no. 7. – P. 1093–1142.
12. Galligan D. J. Due Process and Fair Procedures: A Study of Administrative Procedures / D. J. Galligan. – Oxford University Press, 1996. – 513 p.
13. Давыдов К. В. Право на участие в рассмотрении административного дела как основное право участников административной процедуры: сравнительно-правовой анализ / К. В. Давыдов // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 10. – С. 11–19. – DOI: 10.17803/1994-1471.2019.107.10.011-019.
14. Auby J.-B. La bataille de San Romano: réflexions sur les évolutions récentes du droit administratif / J.-B. Auby // L'Actualité juridique. Droit administrative. – 2001. – № 11. – P. 912–926.
15. Aïdan G. De la démocratie administrative à la démocratie sanitaire dans le secteur public de la santé / G. Aïdan // Revue française d'administration publique. – 2001. – № 137–138. – P. 139–153. – DOI: 10.3917/rfap.137.0139.
16. Шерстюк В. М. Сомнения относительно существования принципа «право быть выслушанным и быть услышанным» в гражданском процессуальном праве должны быть развеяны / В. М. Шерстюк // Современное право. – 2020. – № 6. – С. 66–70. – DOI: 10.25799/NI.2020.10.43.014.
17. Лукьянова И. Н. Право быть выслушанным и услышанным в первой и проверочных инстанциях гражданского судопроизводства / И. Н. Лукьянова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 9. – С. 50–55.
18. Султанов А. Р. Правовые последствия немотивированности ненормативных правовых актов при их оспаривании в судах / А. Р. Султанов // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 4. – С. 221–231.

REFERENCES

1. Opalev R.O. On the question of the correlation of administrative proceedings and administrative procedures. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Bulletin of civil procedure*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 66–79. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-2-66-79. (In Russ.).
2. Lukianova I.N. The right to be heard as a fundamental idea of modern Russian civil proceeding. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2021, no. 12, pp. 133–139. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.88.12.133-139. (In Russ.).
3. Jackson P. Administrative Law and Natural Justice. *The Modern Law Review*, 1972, vol. 35, no. 1, pp. 94–96.
4. De Smith S.A. The Right to a Hearing in English Administrative Law. *Harvard Law Review*, 1955, vol. 68, no. 4, pp. 569–599.
5. Mott R.L. *Due Process of Law: A Historical and Analytical Treatise of the Principles and Methods Followed by the Courts in the Application of the Concept of the «Law of the Land»*. New York, Da Capo Press, 1973. 721 p.
6. Nathanson L.N. The right to fair hearing in Indian, English and American administrative law. *Journal of the Indian Law Institute*, 1959, vol. 1, no. 4, pp. 493–522.
7. Ilyin A.V. On the principle of fairness of administrative proceedings. *Zakon = Law*, 2019, no. 1, pp. 95–101. (In Russ.).
8. Vedel G. Le droit administratif peut-il demeurer indéfiniment jurisprudentiel?. *Etudes et documents du Conseil d'État*, 1979–1980, no. 31, pp. 31–46. (In French).
9. Costa D. Codification of Administrative Law: A French Oxymoron, in: Uhlmann F. (ed.). *Codification of Administrative Law: a comparative study on the legal basis of administrative law*, Oxford, Hart Publ., 2023, pp. 127–146.
10. Rivero J. Le système français de protection des citoyens contre l'arbitraire administratif à l'épreuve des faits, in: *Mélanges en l'honneur de Jean Dabin*, in 2 volumes, Bruxelles, Bruylant Publ.; Paris, Sirey Publ., 1963, vol. II, pp. 813–836. (In French).
11. Davis K.C. The Requirement of Opportunity to Be Heard in the Administrative Process. *Yale Law Journal*, 1942, vol. 51, no. 7, pp. 1093–1142.
12. Galligan D.J. *Due Process and Fair Procedures: A Study of Administrative Procedures*. Oxford University Press, 1996. 513 p.
13. Davydov K.V. The Right to Participate in Consideration of Administrative Matters as a Fundamental Right of Administrative Procedure Participants: Comparative Legal Analysis. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 10, pp. 11–19. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.107.10.011-019. (In Russ.).
14. Auby J.-B. La bataille de San Romano: réflexions sur les évolutions récentes du droit administratif. *L'Actualité juridique. Droit administratif*, 2001, no. 11, pp. 912–926. (In French).
15. Aïdan G. De la démocratie administrative à la démocratie sanitaire dans le secteur public de la santé. *Revue française d'administration publique*, 2001, no. 137–138, pp. 139–153. DOI: 10.3917/rfap.137.0139. (In French).
16. Sherstyuk V.M. Doubts about the existence of the principle of "the right to be heard and to be heard" in civil procedural law should be dispelled. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2020, no. 6, pp. 66–70. DOI: 10.25799/NI.2020.10.43.014. (In Russ.).
17. Lukyanova I.N. The right to be heard and heard in the first and verification instances of civil proceedings. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2022, no. 9, pp. 50–55. (In Russ.).
18. Sultanov A.R. The legal consequences of the lack of motivation of non-normative legal acts when challenged in courts. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Bulletin of civil procedure*, 2014, no. 4, pp. 221–231. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курындин Павел Александрович – кандидат юридических наук, ассистент кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургский государственный университет

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Pavel A. Kuryndin – PhD in Law, Assistant, Department of Administrative and Financial Law
St. Petersburg University
7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университет-
ская наб., 7–9

E-mail: p.kuryndin@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-0133-3953

SPIN-код РИНЦ: 4659-1914; AuthorID: 1079485

E-mail: p.kuryndin@spbu.ru

ORCID: 0000-0002-0133-3953

RSCI SPIN-code: 4659-1914; AuthorID: 1079485

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Курындин П.А. Право быть выслушанным: на пути
к общему принципу административного права /
П.А. Курындин // Правоприменение. – 2024. – Т. 8,
№ 4. – С. 103–112. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.
8(4).103-112.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kuryndin P.A. The right to be heard: towards
a general principle of administrative law.
Pravoprimenenie = Law Enforcement Review, 2024,
vol. 8, no. 4, pp. 103–112. DOI: 10.52468/2542-
1514.2024.8(4).103-112. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

УДК 343

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(4).113-122

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ ЕГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА*

С.В. Шевелева, Н.Р. Шевелев

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

13 февраля 2024 г.

Дата принятия в печать –

10 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Трансформация, потерпевший, жертва преступления, свобода воли, вовлечение в совершение преступления, склонение, аморальное поведение, согласие потерпевшего

Рассматривается вопрос юридической значимости согласия потерпевшего на причинение вреда и влияния данного обстоятельства на его уголовно-процессуальный статус. Авторы отстаивают позицию юридической нейтральности воли потерпевшего, за исключением случаев, прямо определенных уголовным законом. Утверждается, что в свете принятия Постановления Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П должна быть пересмотрена следственно-судебная практика непризнания потерпевшим несовершеннолетнего, совершившего преступление или аморальное (либо противоправное) действие под воздействием взрослого. Предложен алгоритм определения уголовно-процессуального статуса лица при совершении им преступления или аморального деяния под воздействием третьих лиц.

THE CRIMINAL LEGAL SIGNIFICANCE OF THE VICTIM'S WILL FOR THE RECOGNITION OF HIS CRIMINAL PROCEDURAL STATUS**

Svetlana V. Sheveleva, Nikolai R. Shevelev

Southwest State University, Kursk, Russia

Article info

Received –

2024 February 13

Accepted –

2024 September 10

Available online –

2024 December 20

Keywords

Transformation, victim, victim of a crime, free will, involvement in the commission of a crime, persuasion, immoral behavior, consent of the victim

Subject. The article is devoted to the issue of the legal significance of the victim's consent to harm and the impact of this circumstance on his criminal procedural status.

The purpose of the article is to propose an algorithm for determining the signs of the victim's free will to recognize his criminal procedural status.

The methodology. The authors used the axiological, dogmatic, comparative legal method, as well as the method of induction, deduction, and analogy.

The main results. A victim is a person whose rights and legitimate interests have been affected as a result of a crime committed. However, there is a long-term discussion in the scientific literature regarding the issue of recognizing the victim's consent to harm as a sign characterizing the victim, on which the criminal legal consequences and the criminal procedural recognition of a person as a victim depend. The Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 25, 2023 No. 26-P updated this issue. The essence of the decision is that a minor involved in the commission of a crime by an adult must be recognized as a victim under Article 150 of the Criminal Code of the Russian

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства».

** The publication was prepared as part of the fulfillment of state assignment No. 085102020-0033 "Transformation of private and public law in the context of evolving personality, society and the state".

Federation. Currently, investigative and judicial practice is following the path of recognizing such persons as witnesses with appropriate "curtailed" criminal procedural rights.

Conclusions. The freedom of will of the victim, being legally neutral for the criminal legal assessment of the actions of the perpetrator, nevertheless has a number of legislative exceptions that affect the recognition of the act as criminal, on the qualification, on the amount of punishment. The participation of a minor in a crime or the commission of antisocial acts under the influence of an adult should be the basis for recognizing a minor as a victim, regardless of the intensity of the adult's influence. The commission of similar actions by an adult under the influence of third parties must be assessed based on the intensity of such exposure.

1. Введение

Поводом к написанию статьи послужило Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П¹, которое должно трансформировать практику в вопросе уголовно-правовой охраны прав потерпевших. Суть решения заключается в том, что несовершеннолетний, вовлеченный в совершение преступления взрослым, должен признаваться потерпевшим по ст. 150 Уголовного кодекса (далее – УК) РФ. В настоящее время следственно-судебная практика идет по пути признания таких лиц свидетелями с соответствующими «урезанными» уголовно-процессуальными правами. Данный вопрос актуализирует более масштабную дискуссию о признании согласия потерпевшего на причинение вреда в качестве обязательного признака [1–3]. Именно с анализа данного признака считаем целесообразным начать исследование.

2. Согласие потерпевшего на причинение вреда и его уголовно-правовое значение

П.С. Дагель писал, что если имеется согласие на причинение вреда, то ни в уголовно-правовом, ни в уголовно-процессуальном смысле говорить о фигуре потерпевшего нельзя [4]. Есть и современные последователи подобной позиции [5–7]. Так, А.В. Сумачев считает, что вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, не может считаться пострадавшим, если уголовно-значимый вред причиняется с его добровольного согласия [8, с. 39]. С.В. Пархоменко рассуждает о добровольном предварительном согласии лица «в отношении лишения его жизни, причинения вреда его здоровью, имуществу и другим охраняемым интересам в пределах полномочий лица» [9, с. 171]. Под пределами полномочий автор понимает лицо, достигшее возраста

уголовной ответственности, обладающего законными правами личного или имущественного характера [9, с. 171]. В качестве обязательного признака потерпевшего А.Г. Коргулев называет отсутствие согласия на причинение вреда преступлением [10, с. 165].

С подобным подходом согласиться можно отчасти. Согласие на причинение вреда не имеет уголовно-правового значения, за исключением случаев, прямо предусмотренных уголовным законом либо проистекающих из его смысла. В частности, примечание к ст. 122 УК РФ указывает на добровольность поставления в опасность заражения ВИЧ-инфекцией, выраженное в согласии совершения действий, создающих опасность, как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность больного ВИЧ-инфекцией. Отсутствие согласия на собирание или распространение информации, касающейся личной жизни лица, является основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 137 УК РФ, аналогично отсутствие согласия автора или заявителя о сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца на размещение в публичном пространстве выступает криминообразующим признаком по ст. 147 УК РФ, разглашение коммерческой, налоговой или банковской тайны без согласия владельца оценивается по признакам ч. 2 ст. 183 УК РФ, тайны усыновления – по ст. 155 УК РФ, уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ) возможна при отсутствии согласия проживающих в нем лиц. Не имеет значения согласие спортсмена на использование запрещенных субстанций и методов для привлечения тренера, спортивного медика или иного специалиста в обла-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 23 (ч. II). Ст. 4272.

сти физической культуры и спорта к уголовной ответственности по ст. 230² УК РФ.

Согласие потерпевшего на причинение вреда в ряде случаев имеет значение при разграничении составов преступлений. Так, незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 123 УК РФ) отличается от ст. 111 УК РФ с аналогичным криминальным результатом именно согласием жертвы на проведение подобной манипуляции с ее организмом. Квалификация действий виновного как изнасилование лица, не достигшего совершеннолетия (п. «а» ч.3 ст. 131 УК РФ), и (или) насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего (п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ) будут в случае отсутствия согласия жертвы на указанные сексуальные контакты, тогда как подобные контакты с лицом до 16 лет с его согласия квалифицируются по ст. 134 УК РФ, старше 16 лет – не являются преступлением. Попытка передачи взятки при отсутствии согласия получателя взятки должна квалифицироваться как провокация (ст. 304 УК РФ), тогда как согласие «трансформирует» данный деликт в покушение на дачу взятки. Подобные вопросы были предметом пристального внимания ученых [11–16].

Согласие жертвы влияет и на наказание, что учтено либо в санкциях Особенной части УК РФ (опять же пример с сексуальными отношениями с несовершеннолетними: изнасилование лица, не достигшего 14 лет, – от 12 до 20 лет лишения свободы (п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ), сексуальный контакт по взаимному согласию с потерпевшей аналогичного возраста – от 3 до 10 лет лишения свободы (ч. 3 ст. 134 УК РФ)), либо проистекает из практики применения обстоятельств, отягчающих или смягчающих наказание (ст. 61, 63 УК РФ). Наиболее ярким примером является эвтаназия. Традиционно убийство из сострадания к физическим мучениям безнадежно больного человека по его просьбе (эвтаназия) оценивается с учетом п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ по ч.1 ст. 105 УК РФ², несмотря на то, что безнадежно больной человек, как правило, является беспомощным, что должно влечь ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Лишь исключение мотива сострадания является основанием переквалификации. Иными словами, мотив сострадания вступает в противоречие с отягчающим обстоятельством, предусмотренном п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ³.

² См., напр., апелляционное определение Тюменского областного суда от 18 декабря 2014 г. по уголовному делу № 22-3569/2014. Здесь и далее судебные акты, если не указано иное, приводятся по базе «Судебные и нормативные акты РФ» (<https://sudact.ru>).

3. Свобода воли потерпевшего в уголовно-правовом значении

Свобода воли потерпевшего в уголовно-правовом значении может быть обсуждаема с позиций обстоятельств, исключающих преступность деяния при соблюдении ряда условий [17; 18, с. 139]. Так, Э.Л. Сидоренко предлагает не считать преступлением «причинение вреда законным и находящимся в свободном распоряжении лица личным имуществом или неимущественным правам другим лицом при условиях добровольного, конкретного, истинного и предварительного согласия их обладателя» [19, с. 365–366] (см. также: [20]).

В качестве таких условий можно обозначить следующие: «а) предмет согласия, т. е. группа условий, связанных с тем, к чему оно относится. Здесь обычно говорится о принадлежности прав соглашающемуся, недопустимости посягать согласием на государственные или общественные интересы и т. д.; б) определенность согласия, т. е. группа условий, связанных с описанием разрешенного посягательства, временем дачи согласия, его формой и т. д.; в) действительность согласия, т. е. группа условий, связанных с задействованием свободы воли соглашающегося» [18, с. 193].

Иными словами, свобода воли потерпевшего на причинение вреда должна обладать способностью человека принимать такое решение (следовательно, исключаются лица, не способные принимать решения в силу заболевания психики, малолетства, престарелого возраста в условиях деменции, глубокой степени опьянения и т. д.); лицо должно действовать в условиях знания всего спектра возможных вариантов действия (информированность, отсутствие пассивного обмана); решение не должно носить вынужденный характер ввиду принуждения со стороны третьих лиц.

При всей простоте конструкции, добровольность причинения вреда потерпевшему как обстоятельство, исключающее преступность деяния, имеет больше вопросов, чем ответов. Какой возраст потерпевшего может определять добровольность согласия? Какова степень обмана? Должен ли при этом потерпевший действовать с должной осмотрительностью, и, например, проверить в иных источниках

³ См, напр., приговор Забайкальского краевого суда № 2-26/2019 от 27 декабря 2019 г. по уголовному делу № 2-26/2019.

достоверность информации? Какова интенсивность принуждения? и т. д.

Практика идет по пути непризнания воли потерпевшего как уголовно-значимого обстоятельства даже при соблюдении указанных выше критериев. Например, суд не признал доводы защиты о том, что купля-продажа девушек для дальнейшего занятия ими проституцией осуществлялась с их согласия, исключаящими квалификацию по ст. 127¹ УК РФ⁴. Стоит отметить, что в контексте вербовки имеют место наибольшие дискуссии о значимости свободы воли потерпевшего, суть которых сводится к возможности исключения уголовной ответственности [18, с. 197; 21–25]. Позволим не согласиться с подобным подходом. В отношении вербуемого осуществляется психологическое, а в отдельных случаях и физическое воздействие. Следовательно, если воля потерпевшего находится под влиянием принуждения, говорить о ее свободном характере не приходится.

Тем не менее свобода воли потерпевшего на причинение вреда в отдельных случаях должна иметь решающее значение. И данный вопрос определен через идиому видов уголовного преследования. В соответствии со ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РФ дела частного и частно-публичного обвинения возбуждаются только при наличии заявления потерпевшего (или его законного представителя). Исключение обозначено в ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Это означает, что только пострадавшее лицо может «варьировать» своей свободой на этапе подачи заявления о совершенном против него преступлении. Как представляется, не имеет смысла вводить новое обстоятельство, исключающее преступность деяния, ввиду согласия потерпевшего на причинение вреда. Выход видится в расширении круга преступлений, относящихся к группе частного обвинения. Подобный вывод созвучен с позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой публичный характер уголовного права и складывающихся на его основе отношений не исключает, что при установлении общественной опасности дея-

ния, посягающего на права и законные интересы конкретного лица, следует учитывать как существенность нарушения этих прав и законных интересов для самого потерпевшего, так и оценку им самим тяжести причиненного ему вреда и адекватности подлежащих применению к виновному мер правового воздействия⁵.

4. Пределы свободы воли потерпевшего для признания его уголовно-процессуального статуса

Коль скоро мы исходим из посыла о некой общей юридической нейтральности свободы воли потерпевшего, представляется, что вовлеченное в совершение преступления или антиобщественные действия (употребление наркотиков, алкоголя, занятие проституцией и т. д.) лицо должно признаваться потерпевшим при отсутствии должной волевой составляющей отказать от данного деяния (поступка). Какова должна быть степень распоряжения своей волей? Очевидно, что несовершеннолетний в меньшей степени способен противостоять «соблазну» употребления наркотиков, алкоголя или легкого заработка, нежели взрослый. По этой причине законодатель устанавливает уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) или совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ) либо усиливает ответственность, когда «специальное подстрекательство»⁶ совершается в отношении несовершеннолетнего (п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ, ч. 3 ст. 240 УК РФ и др.). Следовательно, первый аспект: *интеллектуально-волевой*.

Вовлечь можно в преступление или антиобщественное поведение (поступок). То есть, второй аспект: *вид деяния (преступление или правонарушение, антиобщественные действия)*. Не вызывает сомнения непризнание потерпевшими лиц, вовлеченных в совершение террористических преступлений (ст. 205¹ УК РФ). В этом вопросе практика единообразна⁷. В случаях вовлечения в массовые беспорядки лица, согласившиеся принять участие в подобных действиях, признаются виновными по ч. 2 ст. 212

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 1 августа 2012 г. по делу № 22-9962/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Респуб-

лики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска» // Российская газета. 2005. 8 июля.

⁶ Имеются в виду ситуации, когда подстрекательские действия представляют собой самостоятельный состав преступления: склонение к потреблению наркотиков (ст. 230 УК РФ), употреблению алкоголя (ст. 151 УК РФ), занятие проституцией (ст. 240 УК РФ) и т. д.

⁷ См., напр., приговоры Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 29 апреля 2014 г. по уголовному делу № 1-8/2014 г., Сибайского городского

УК РФ, лица, отказавшиеся принимать участие, признаются свидетелями⁸.

Наиболее сложный вопрос заключается в том, может ли несовершеннолетие быть «оправданием» непризнания потерпевшим того, кто совершил преступление? При совершении преступления в группе с несовершеннолетним последний является таким же соучастником, как и остальные члены (либо свидетелем при недостижении возраста уголовной ответственности). Что касается «специального подстрекательства», в этом смысле показательна судебная практика по ст. 150 УК РФ. *Несовершеннолетний не признаётся потерпевшим, а является свидетелем*. Типичный пример: ФИО4 была вовлечена в кражу из магазина своей двоюродной сестрой. В приговоре в отношении данной родственницы ФИО4 проходила свидетелем. Интересы ее представляла сотрудник органов опеки и попечительства, так как мать несовершеннолетней умерла, а отец работал в другом районе и не мог своевременно являться на судебные заседания⁹.

Однако, ст. 150 УК РФ нацелена на охрану интересов развития и воспитания несовершеннолетних, которые не могут рассматриваться отстраненно от самой личности ребенка, его прав и свобод. Постановление Конституционного Суда РФ, о котором мы упомянули в начале исследования, должно изменить повсеместную порочную следственно-судебную практику непризнания потерпевшим несовершеннолетнего по ст. 150 УК РФ.

5. Позиция Конституционного Суда РФ

В данном постановлении указано: «По смыслу статьи 150 УК Российской Федерации с учетом ее места в данном Кодексе несовершеннолетний, вовлекаемый в совершение преступления любым способом, в том числе не связанным с применением к нему физического или психического принуждения, во всяком случае становится жертвой (потерпевшим в уголовно-правовом смысле) самостоятельного преступного посягательства со стороны взрослого, оказываясь под его пагубным влиянием, способным сформировать (упрочить) ложное представление о допусти-

мости противозаконного поведения, пренебрежительного или негативного отношения к правам и свободам других лиц, к ценностям общества и государства»¹⁰. Предметом рассмотрения был вопрос непризнания потерпевшим несовершеннолетнего по ч. 4 ст. 150 УК РФ. Совершеннолетний Б. установил З. на телефон приложение, с помощью которого она могла связываться с поставщиком наркотиков для дальнейшего их распространения. Следователь не признал несовершеннолетнюю З. потерпевшей, указав, что объектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ, является не личность несовершеннолетнего, а «совокупность общественных отношений в сфере государственной политики по реализации прав и законных интересов семьи и ребенка, по воспитанию подрастающего поколения»¹¹, а так как в отношении З. физического или психического насилия не осуществлялось, а преступление, связанное с оборотом наркотиков, она совершила по собственной воле, потерпевшей она признана быть не может. Данная позиция следователя была поддержана судами при обжаловании его решения¹². В итоге, по ч. 4 ст. 150 УК РФ Б. был оправдан и осужден по ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, а несовершеннолетняя З., осужденная по ч. 1 ст. 228¹ УК РФ, не могла рассчитывать на применение смягчающего наказания обстоятельства, предусмотренного п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Конституционный Суд РФ отметил, что приоритеты государственной защиты прав несовершеннолетних **не могут меняться даже тогда, когда несовершеннолетний совершил преступление**, а также не может быть оставлен без внимания фактор влияния третьих лиц на принятие несовершеннолетним решения совершить преступление. «Общественная опасность преступления, предусмотренного статьей 150 УК Российской Федерации, обуславливается в ряду прочего тем, что до совершеннолетия формирование личности считается незавершенным. Детская и подростковая психика отличается подвижностью, незрелостью и неустойчивостью к внешнему влиянию (внушаемостью), ввиду чего такое негативное воздействие со стороны взрослого, как вовлече-

суда Республики Башкортостан от 17 февраля 2015 г. по уголовному делу № 1-21/2015.

⁸ См. напр., приговор Краснокаменского городского суда Забайкальского края от 25 августа 2015 г. по уголовному делу № 1-19/2015, апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 10 марта 2017 г. по уголовному делу № 22-1221/2017.

⁹ Приговор Шарангского районного суда Нижегородской области от 22 февраля 2022 г. по делу № 1-1/2022 1-53/2021.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П.

¹¹ Там же.

¹² Апелляционное постановление Московского городского суда от 2 декабря 2021 г. по делу № 10-23709/2021; Кассационное определение СК по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 июня 2022 г. по делу № 7У-5028/2022[77-2137/2022] // СПС «Гарант».

ние в совершение преступления, не только подталкивает ребенка к противоправному поведению, но и нарушает процессы его нормальной социализации и нравственно-психического развития (созревания) личности. Устанавливая ответственность взрослого за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, законодатель дал оценку опасности такого рода деяния, учитывая в том числе посягательство на нормальное физическое, психическое и нравственное развитие и воспитание несовершеннолетнего и особенности восприятия ребенком социального значения своих поступков, степень внушаемости и податливости внешнему воздействию, пусть не достигающему типичных характеристик физического или психического насилия, но способному причинить вред складывающейся личности»¹³.

6. Вовлечение потерпевшего в противоправные или аморальные действия

Другое дело, когда общественная опасность совершенного вовлеченным поступка не является преступлением. Полагаем, в данном случае, привлекая вовлечателя к уголовной ответственности за подобное деяние (например, по ст. 151, 230, 240 и т. д. УК РФ), вовлекаемый может признаваться потерпевшим с учетом интеллектуально-волевого аспекта. Иными словами, если к употреблению алкоголя, наркотиков или занятию проституцией и т. п. склонили взрослого лицо, признавать потерпевшим его нельзя, тогда как при склонении к подобным действиям несовершеннолетнего его следует признавать потерпевшим.

Анализ практики показал следующее. В случае вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий (ст. 151 УК РФ) *несовершеннолетний всегда признаётся потерпевшим*. Так, Ш. неоднократно предлагал несовершеннолетнему П. употреблять алкогольные напитки, за что в разное время привлекался к административной ответственности по ч. 1 ст. 6.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Не сделав для себя должных выводов и имея умысел на вовлечение

несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, в очередной раз вовлек его в употребление спиртного. Потерпевший и его представитель возражений в суде не представили и просили рассмотреть дело в их отсутствие¹⁴. Подобная практика непротиворечива¹⁵.

Однако практика по ст. 230 УК РФ, когда вовлеченные в употребление наркотиков в одних случаях признаются потерпевшими¹⁶, в других – не признаются¹⁷, крайне непоследовательна. Анализ приговоров по рассматриваемому составу не позволил выявить какую-либо корреляцию обстоятельств дела с признанием или непризнанием вовлеченного в употребление наркотиков потерпевшим.

ФИО6 вовлек несовершеннолетнюю в потребление наркотических средств. Будучи сам наркозависимым и проживая с несовершеннолетней ФИО2, систематически употреблял в ее присутствии наркотики, рассказывал, какие ощущения при этом испытывает, и уверял, что в малых дозах наркозависимость не возникает. Приблизительно через год после начала их совместного проживания несовершеннолетняя ФИО2 согласилась, и ФИО6 неоднократно сам вводил ей инъекции с наркотиком. ФИО6 осужден по п. «в» ч. 2 ст. 230 УК РФ к трем годам лишения свободы. В данном приговоре странными выглядят два обстоятельства: п. «в» ч. 2 ст. 230 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение двух и более лиц, и санкция по данной части предусматривает лишение свободы от пяти до десяти лет. При этом в приговоре указано: «...исправление и перевоспитание подсудимого ФИО6 возможно только в местах лишения свободы и при назначении наказания суд не находит оснований применить к нему ст. 73 УК РФ или ст. 64 УК РФ»¹⁸. Несовершеннолетняя по данному уголовному делу проходила в качестве свидетеля.

При вовлечении в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ) лица, давшие согласие *на незаконные предложения заняться проституцией, всегда при-*

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П.

¹⁴ Приговор Наро-Фоминского городского суда Московской области от 11 апреля 2018 г. по уголовному делу № 1-100/2018.

¹⁵ См., напр., приговоры Донецкого городского суда Ростовской области от 30 марта 2017 г. по уголовному делу № 1-71/2017, от 6 июня 2017 г. по уголовному делу № 1-108/2017.

¹⁶ См., напр., приговор от 2 сентября 2022 г. Октябрьского районного суда г. Самары по уголовному делу № 1-345/2022, апелляционное постановление Самарского областного суда от 10 августа 2022 г. по делу № 22-4322/2022, приговор Свердловского районного суда от 8 августа 2022 г. по делу № 59RS0N-12.

¹⁷ См., напр., приговор Пыть-Яхского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 22 сентября 2022 г. по уголовному делу № 1-120/2022.

¹⁸ Приговор Ступинского городского суда Московской области от 5 февраля 2009 г. № 1-23/2009.

знаются потерпевшими. На это не влияет наличие либо отсутствие какого-либо насилия. Даже «по собственной воле покинув притон», такие лица признаются потерпевшими¹⁹.

В отдельных случаях выносимые решения, формально являясь законными, вступают в противоречие с принципом справедливости и разумности. Так, прокурор обратился с гражданским иском в пользу несовершеннолетней К. о взыскании морального вреда. Несовершеннолетняя К. являлась потерпевшей по ч. 3 ст. 240 УК РФ. Родители как законные представители гражданский иск не заявили. Суд поддержал позицию прокурора, указав: «Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При делении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоя-

тельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего». *С осужденной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 240 УК РФ, в пользу несовершеннолетней К. был взыскан моральный вред в размере 5000 руб. (!)*²⁰

7. Заключение

Свобода воли потерпевшего, будучи юридически нейтральной для уголовно-правовой оценки действий виновного, тем не менее имеет ряд законодательных исключений, влияющих на признание деяния преступным, на квалификацию, на размер наказания.

Участие несовершеннолетнего в преступлении или совершении антиобщественных действий под влиянием совершеннолетнего должно являться основанием для признания несовершеннолетнего потерпевшим независимо от интенсивности воздействия со стороны взрослого. Совершение аналогичных действий совершеннолетним под воздействием третьих лиц необходимо оценивать исходя из интенсивности такого воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степашин В. М. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности / В. М. Степашин, И. А. Шеховцов // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 116–125. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).116-125.
2. Гостькова Д. Ж. Беспомощность потерпевшего: теоретические воззрения и правоприменительная практика / Д. Ж. Гостькова // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 2. – С. 125–134. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).125-134.
3. Шевелева С. В. Юридическое значение свободы воли потерпевшего / С. В. Шевелева // Гуманитарные исследования. – 2015. – № 4 (56). – С. 243–251.
4. Дагель П. С. Имеет ли «согласие потерпевшего» уголовно-правовое значение? / П. С. Дагель // Советская юстиция. – 1972. – № 3. – С. 25–27.
5. Сафиуллин И. Ф. Согласие потерпевшего на причинение вреда как основание для освобождения от уголовной ответственности / И. Ф. Сафиуллин // Правовая система и вызовы современности : материалы XVII Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых в рамках V Междунар. юрид. молодеж. форума, Уфа, 10–12 дек. 2020 г. : в 2 ч. – Уфа : Башкир. гос. ун-т, 2020. – Ч. I. – С. 211–213.
6. Грибков А. В. Согласие потерпевшего как условие освобождения от уголовной ответственности и наказания / А. В. Грибков, О. С. Воронова // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2019. – № 1–2. – С. 64–70.
7. Вахтель Э. Ф. Этаназия, проблемы квалификации, отграничения от смежных составов / Э. Ф. Вахтель // Интерактивная наука. – 2021. – № 9 (64). – С. 83–86.
8. Сумачев А. В. Пострадавший как субъект уголовного правоотношения : учеб. пособие / А. В. Сумачев. – Тюмень : Тюм. юрид. ин-т МВД России, 1999. – 117 с.
9. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости / С. В. Пархоменко. – СПб. : Юридический центр, 2004. – 370 с.

¹⁹ См., напр., приговор Калининского районного суда г. Новосибирска от 9 июля 2020 г. по делу № 1-117/2020.

²⁰ Решение Октябрьского районного суда г. Ставрополя от 26 мая 2020 г. по делу № 2-759/2019.

10. Кургулев А. Г. Предмет преступления в современном уголовном праве: понятие, признаки, вопросы квалификации и законодательной регламентации : дис. ... канд. юрид. наук / А. Г. Кургулев. – Краснодар, 2021. – 220 с.
11. Кауфман М. А. Возрастные признаки потерпевшего: дискуссионные аспекты уголовно-правовой регламентации / М. А. Кауфман // Уголовное право. – 2015. – № 4. – С. 19–26.
12. Шарапов Р. Д. Новые основания уголовной ответственности за вовлечение в самоубийство и иное опасное для жизни поведение / Р. Д. Шарапов, Е. В. Смахтин // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 3. – С. 349–357. – DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).349-357.
13. Терещенко В. С. Уголовно-правовые последствия согласия потерпевшего на причинение вреда / В. С. Терещенко // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2020. – № 8. – С. 112–116. – DOI: 10.37882/2223-2974.2020.08.21.
14. Гостькова Д. Ж. Насилие в спорте: преступление или обстоятельство, исключающее преступность деяния / Д. Ж. Гостькова, А. А. Дмитриева // Человек. Спорт. Медицина. – 2021. – Т. 21, № S2. – С. 149–153. – DOI: 10.14529/hsm21s221.
15. Куликов А. С. Уголовная ответственность за нарушение тайны переписки и телефонных переговоров работника / А. С. Куликов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 6 (56). – С. 99–104.
16. Плешаков А. М. Освобождение от уголовной ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией: теоретические и прикладные аспекты / А. М. Плешаков, М. В. Панов // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 6. – С. 171–176.
17. Пархоменко С. В. О согласии потерпевшего на причинение вреда / С. В. Пархоменко, Е. В. Рогова // Вестник Российской правовой академии. – 2017. – № 2. – С. 53–58.
18. Шевелева С. В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве : дис. ... д-ра юрид. наук / С. В. Шевелева. – М., 2017. – 403 с.
19. Сидоренко Э. Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 495 с.
20. Сидоренко Э. Л. Согласие потерпевшего на причинение вреда: философские и правовые аспекты / Э. Л. Сидоренко // Философия права. – 2011. – № 4 (47). – С. 60–64.
21. Алихаджиева И. С. О повышении эффективности нормы УК РФ об ответственности за торговлю людьми / И. С. Алихаджиева // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2006. – № 1. – С. 312–316.
22. Стукалов В. В. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее преступность торговли людьми, в международном, зарубежном и российском уголовном законодательстве / В. В. Стукалов // Общество и право. – 2010. – № 5. – С. 142–144.
23. Писарев Ю. А. Дискуссия об объективной стороне торговли людьми / Ю. А. Писарев // Общество и право. – 2009. – № 3. – С. 133–135.
24. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за торговлю людьми по российскому уголовному праву / Ю. Е. Пудовочкин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 3. – С. 98–106.
25. Долголенко Т. В. Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное статьей 1271 УК РФ, – торговлю людьми – и соотношение состава этого преступления с другими преступлениями / Т. В. Долголенко // Современное право. – 2010. – № 1. – С. 95–99.

REFERENCES

1. Stepashin V.M., Shekhovtsov I.A. Qualification of joint commission of a crime with a person not subject to criminal liability. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 116–125. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).116-125.
2. Gostkova D.J. Helplessness of the victim: theoretical views and law enforcement practice. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 125–134. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).125-134.
3. Sheveleva S.V. The legal significance of the victim's freedom of will. *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian studies*, 2015, no. 4 (56), pp. 243–251. (In Russ.).

4. Dageľ P.S. Does “consent of the victim” have a criminal legal meaning?. *Sovetskaya yustitsiya*, 1972, no. 3, pp. 25–27. (In Russ.).
5. Safiullin I.F. Consent of the victim to harm as a basis for exemption from criminal liability, in: *Pravovaya sistema i vyzovy sovremennosti*, Proceeding of the XVII International Scientific Conference of students, postgraduates and young scientists within the framework of the V International Legal Youth Forum, Ufa, December 10–12, 2020, in 2 parts, Ufa, Bashkir State University Publ., 2020, pt. 1, pp. 211–213. (In Russ.).
6. Gribkov A.V., Voronova O.S. Consent of the victim as a condition for exemption from criminal liability and punishment. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences*, 2019, no. 1–2, pp. 64–70. (In Russ.).
7. Vakhtel E.F. Euthanasia, problems of qualification, differentiation from related compounds. *Interaktivnaya nauka = Interactive science*, 2021, no. 9 (64), pp. 83–86. (In Russ.).
8. Sumachev A.V. *The victim as a subject of criminal legal relations*, Teaching aid. Tyumen, Tyumen Juridical Institute of the MIA, 1999. 117 p. (In Russ.).
9. Parkhomenko S.V. *Acts whose criminality is excluded due to social usefulness and necessity*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Publ., 2004. 370 p. (In Russ.).
10. Kurgulev A.G. *The subject of crime in modern criminal law: concept, signs, issues of qualification and legislative regulation*, Cand. Diss. Krasnodar, 2021. 220 p. (In Russ.).
11. Kaufman M.A. Age characteristics of the victim: debatable aspects of criminal law regulation. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2015, no. 4, pp. 19–26. (In Russ.).
12. Sharapov R.D., Smakhtin E.V. New grounds for criminal liability for involvement in suicide and other life-threatening behavior. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = All-Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 3, pp. 349–357. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(3).349-357. (In Russ.).
13. Tereshchenko V.S. Criminal and legal consequences of the victim's consent to harm. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo = Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law*, 2020, no. 8, pp. 112–116. DOI: 10.37882/2223-2974.2020.08.21. (In Russ.).
14. Gostkova D.J., Dmitrieva A.A. Violence in sports: a crime or a circumstance excluding the criminality of an act. *Chelovek. Sport. Meditsina = Human. Sport. Medicine*, 2021, vol. 21, no. S2, pp. 149–153. DOI: 10.14529/hsm21s221. (In Russ.).
15. Kulikov A.S. Criminal liability for violation of the secrecy of correspondence and telephone conversations of an employee. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*, 2016, no. 6 (56), pp. 99–104. (In Russ.).
16. Pleshakov A.M., Panov M.V. Exemption from criminal liability for HIV infection: theoretical and applied aspects. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 6, pp. 171–176. (In Russ.).
17. Parkhomenko S.V., Rogova E.V. On the victim's consent to harm. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2017, no. 2, pp. 53–58. (In Russ.).
18. Sheveleva S.V. *Freedom of will and coercion in criminal law*, Doct. Diss. Moscow, 2017. 403 p. (In Russ.).
19. Sidorenko E.L. *Dispositive regime of criminal law regulation*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 495 p. (In Russ.).
20. Sidorenko E.L. Consent of the victim to harm: philosophical and legal aspects. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2011, no. 4 (47), pp. 60–64. (In Russ.).
21. Alikhajeva I.S. On improving the effectiveness of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on responsibility for human trafficking. *«Chernye dyry» v rossiiskom zakonodatel'stve = “Black holes” in Russian legislation*, 2006, no. 1, pp. 312–316. (In Russ.).
22. Stukalov V.V. The consent of the victim as a circumstance excluding the criminality of human trafficking in international, foreign and Russian criminal legislation. *Obshchestvo i pravo = Society and law*, 2010, no. 5, pp. 142–144. (In Russ.).
23. Pisarev Yu.A. Discussion on the objective side of human trafficking. *Obshchestvo i pravo = Society and law*, 2009, no. 3, pp. 133–135. (In Russ.).
24. Pudovochkin Yu.E. Responsibility for human trafficking in Russian criminal law. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2007, no. 3, pp. 98–106. (In Russ.).

25. Dolgolenko T.V. Criminal liability for the crime provided for in Article 1271 of the Criminal Code of the Russian Federation – human trafficking – and the ratio of the composition of this crime with other crimes. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2010, no. 1, pp. 95–99. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевелева Светлана Викторовна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета

Юго-Западный государственный университет
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

E-mail: decan46@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8358-8924

Scopus AuthorID: 56451310300

ResearcherID: AAC-6622-2019

SPIN-код РИНЦ: 5495-5730; AuthorID: 664315

Шевелев Николай Романович – аспирант кафедры уголовного права

Юго-Западный государственный университет
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94

E-mail: jikod46@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шевелева С.В. Уголовно-правовое значение воли потерпевшего для признания его уголовно-процессуального статуса / С.В. Шевелева, Н.Р. Шевелев // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 113–122. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4). 113-122.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Svetlana V. Sheveleva – Doctor of Law, Professor; Dean, Faculty of Law

Southwest State University

94, 50 let Oktyabrya ul., Kursk, 305040, Russia

E-mail: decan46@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8358-8924

Scopus AuthorID: 56451310300

ResearcherID: AAC-6622-2019

RSCI SPIN-code: 5495-5730; AuthorID: 664315

Nikolai R. Shevelev – Postgraduate Student, Department of Criminal Law

Southwest State University

94, 50 let Oktyabrya ul., Kursk, 305040, Russia

E-mail: jikod46@yandex.ru

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Sheveleva S.V., Shevelev N.R. The criminal legal significance of the victim's will for the recognition of his criminal procedural status. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 113–122. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4). 113-122. (In Russ.).

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN INTERNATIONAL LAW

УДК 341

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(4).123-132

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ И ПРАВО ВТО

Р.А. Шепенко, И.В. Рыжкова

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

28 февраля 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

Исследуются правовые основания и перспективы оспаривания экономических санкций в рамках системы урегулирования споров ГАТТ и ВТО, проводится анализ практики, в том числе дел, рассмотренных третейскими группами на основании исключений в целях защиты национальной безопасности.

Ключевые слова

Экономические санкции,
принудительные меры,
односторонние
ограничительные меры,
оспаривание ограничительных
мер, ГАТТ, ВТО, многосторонняя
торговая система,
Апелляционный орган,
исключения по вопросам
национальной безопасности,
Российская Федерация, США

ECONOMIC SANCTIONS AND WTO LAW

Roman A. Shepenko, Irina V. Ryzhkova

MGIMO University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2024 February 28

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 December 20

The subject. Restrictive measures have become one of the prevailing methods of foreign policy of particular states. Their main objectives are to change the political course of target states, to exert economic pressure on specific governments, companies or individuals. Traditionally, the majority of such measures are referred to the concept of “economic sanctions”. Despite the widespread use of the term, the international practice of challenging economic sanctions is not characterized by uniformity of approaches. The subject of this study is to analyze the existing WTO practice on disputes arising from the imposition of economic sanctions. Particular attention is paid to disputes where national security exceptions have been used as a defense argument. The hypothesis of the possibility of challenging economic sanctions through WTO mechanisms is investigated.

Purpose of the study. The article represents an attempt to verify possible options for challenging economic sanctions in the WTO framework. The objective of this study is to analyze the existing practice of consideration of disputes arising from the imposition of economic sanctions at the WTO level in order to identify prospects for their resolution.

Methodology. The research was conducted using general scientific methods – systematicity and logical analysis, which allowed to identify the main regularities of the studied object. Also, in this work were used special scientific methods of cognition, such as formal-dogmatic, historical, generalization method and method of hermeneutics.

Keywords

Economic sanctions, coercive
measures, unilateral restrictive
measures, challenging restrictive
measures, GATT, WTO,
multilateral trading system,
Appellate Body, national security
exceptions, Russian Federation,
United States

The main results. The practice of dispute settlement on the legality of economic sanctions is not fully developed. In the past, economic sanctions have only exceptionally been the subject of WTO proceedings. There have been cases in WTO practice where attempts by states to challenge unilateral restrictive measures have failed not as a result of dispute settlement, but because the parties were able to reach an agreement. Until 2019, Panels practically did not use Article XXI (b) (iii) of the GATT as an argument to justify economic sanctions for fear that it might cause an abuse of right. Recently, the invocation of this Article has become more common. Conclusions. Article XXI (b) (iii) of the GATT can be used as a basis for challenging economic sanctions imposed against the Russian Federation by certain states that are not in a state of armed conflict with it.

1. Введение

В последние годы экономические санкции, используемые отдельными государствами в одностороннем порядке, стали нормой внешней политики. Их широкое применение и пагубные последствия ставят под сомнение законность таких мер, а их оспаривание на международном уровне, в том числе на площадках Всемирной торговой организации (далее – ВТО), становится актуальной задачей.

ВТО представляется надлежащим международным форумом для тщательного изучения законности односторонних санкций не только потому, что большинство из них влечет за собой экономические ограничения, но и потому, что альтернативные форумы для государств чаще всего недоступны. Поскольку решение о введении односторонних санкций принимается государством на основе национального законодательства, то у государства, против которого они вводятся, должно быть право на оспаривание таких мер в независимой инстанции, в качестве которой может быть выбран Орган урегулирования споров в составе ВТО.

Практика ВТО дает примеры рассмотрения вопросов введения экономических санкций. До 1995 г. количество споров в этой сфере невелико, но после наблюдается тенденция постепенного их увеличения. При этом сторонами по делу выступают не только государства, которые являются конкурентами на уровне международной торговли (к примеру, дело *United States – Measures on Certain Semiconductor and other Products, and Related Services and Technologies* (DS615)¹), но и исторически сложившиеся партнеры, такие как США – Евросоюз, Япония – Южная Корея и т. д.²

Задачей настоящего исследования является анализ существующей на уровне ВТО практики рас-

смотрения споров, возникающих по факту введения односторонних ограничительных мер экономического характера, с целью выявления перспектив их разрешения.

Исследование проводилось с использованием общенаучных методов – системности и логического анализа, которые позволили выявить основные закономерности развития изучаемого вопроса. Также в данной работе использовались специально-научные методы познания, такие как формально-догматический, исторический, метод обобщения и метод герменевтики.

Структура настоящего исследования представляет собой три раздела, в рамках которых рассматриваются понятие экономических санкций; практика ВТО по делам об оспаривании таких мер; особое внимание уделяется спорам, в рамках которых стороны ссылаются на исключения в целях национальной безопасности в соответствии со ст. XXI Генерального соглашения по тарифам и торговле (далее – ГАТТ), исследуются вопросы юрисдикционных полномочий третейских групп по таким спорам.

2. Понятие экономических санкций

Использование термина «санкции» для обозначения односторонних ограничительных мер экономического характера (например, торговых эмбарго), которые вводятся в действие государствами в отсутствие разрешения Совета Безопасности ООН, является спорным.

В отечественной юридической литературе превалирует мнение о том, что санкции, с точки зрения международного права, это принудительные меры, которые применяются по решению Совета Безопасности на основании ст. 41 Устава ООН³. В отношении так называемых санкций, вводимых государствами

¹ WT/DS615/1/Rev.1/Add.1, G/L/1471/Rev.1/Add.1, S/L/438/Rev.1/Add.1, G/TRIMS/D/46/Rev.1/Add.1, IP/D/44/Rev.1/Add.1

² WT/DS38/5, 1997, 25 April; WT/DS526/1, G/L/1180 S/L/415, IP/D/35, 2017, 4 Aug.

³ Устав ООН // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 08.02.2024).

самостоятельно, т. е. без получения резолюции со стороны Совета Безопасности ООН, более корректно использовать термин «односторонние ограничительные меры» [1, с. 172; 2 с. 128].

Аналогичной позиции придерживаются и некоторые западные ученые-правоведы. К примеру, А. Пелле в своих ранних публикациях утверждает, что термин «санкции» должен использоваться только в отношении мер, принятых Советом Безопасности в соответствии с гл. VII Устава ООН [3, р. 11].

Практика применения данного термина в различных государствах не отличается последовательностью: США прямо называют свои односторонние ограничительные меры «экономическими санкциями»⁴, Европейский Союз использует термин «ограничительные меры»⁵, а Канада обозначает такие ограничения как «специальные экономические меры»⁶.

Представляется возможным использование в данной статье термина «экономические санкции», понимая под ним односторонние ограничительные меры экономического характера, введенные на основании положений национального законодательства одним государством против другого государства, а также его юридических и физических лиц.

Законность экономических санкций анализируется с разных точек зрения [4, с. 95; 5, р. 3; 6, р. 59; 7, р. 724]. Одним из таких аспектов является их соответствие Уставу ООН. В ходе дискуссий на площадках ООН неоднократно заявлялось, что односторонние санкции противоречат международному праву, международному гуманитарному праву, Уставу ООН, а также нормам и принципам, регулирующим мирные отношения между государствами⁷. В 2014 г. был учрежден мандат Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека.

С практической точки зрения дебаты о законности экономических санкций вращаются вокруг воз-

можности оспорить такие меры и добиться их отмены [8, с. 72; 9, р. 173]. В связи с этим в литературе часто рассматривается вопрос о соответствии экономических санкций международному инвестиционному праву [10, р. 208; 11] и праву ВТО [12, р. 165; 13, р. 237].

На сегодня рассматриваемая тема характеризуется значительным количеством различных по уровню академических наработок. Однако констатировать, что относящиеся к ней вопросы всесторонне или надлежащим образом раскрыты, а сама тема исчерпана, пока нельзя.

Интерес представляет, в частности, практика в рамках системы урегулирования споров ГАТТ и ВТО. В силу политической составляющей вопроса в качестве гипотезы можно предположить, что некоторые споры удастся урегулировать до рассмотрения по существу.

3. Практика ВТО

Экономические санкции несовместимы с ВТО, которая основана на принципе многосторонности и вытекающих из него принципах консенсуса и сотрудничества. Кроме того, экономические санкции нарушают режим свободной торговли и противоречат принципу недискриминационности [14, с. 33]. Основа многосторонней торговой системы заключается в соблюдении государствами-членами международных правил, включая те, которые предусмотрены ГАТТ (Женева, 1947 г.; Марракеш, 1994 г.)⁸ и процедурами урегулирования споров. Споры должны разрешаться с помощью имеющихся процедур, а не односторонними мерами.

В подтверждение этих принципов в п. 7 (iii) Министерской декларации 1982 г. члены ГАТТ приняли на себя обязательство воздерживаться от использования в международной торговле ограничительных мер по причинам неэкономического характера, противоречащим ГАТТ⁹.

⁴ Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA), Pub. L. No. 115–144, 131 Stat. 886 (2018) // OFAC. URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information/countering-americas-adversaries-through-sanctions-act-related-sanctions> (дата обращения: 08.02.2024).

⁵ Restrictive measures (sanctions) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/restrictive-measures-sanctions.html> (дата обращения: 08.02.2024).

⁶ Special Economic Measures Act, S.C. 1992, с. 17. // Justice Law Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/s-14.5/page-1.html> (дата обращения: 08.02.2024).

⁷ Односторонние принудительные меры: понятие, виды и квалификация. Доклад Специального докладчика по во-

просу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Е. Довгань // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G21/175/88/PDF/G2117588.pdf?OpenElement> (дата обращения: 09.02.2024).

⁸ General Agreement on Tariffs and Trade 1994 // WTO: official site. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/06-gatt_e.htm (дата обращения: 10.02.2024).

⁹ Министерская декларация от 29 ноября 1982 года, документ ГАТТ: L/5424, L/5426 (30.11.1982), BISD 29th Suppl. 9. P. 11 (1983).

В прошлом экономические санкции лишь в исключительных случаях становились предметом разбирательства в формате ВТО. Наиболее яркими из них являются несколько дел.

В 1983 г. в деле *United States – Imports of Sugar from Nicaragua* (GD/142) оспаривалась законность введения американских экономических санкций с целью государственного переворота и смены власти¹⁰.

Возражения Никарагуа были основаны на положениях ст. XIII (2) ГАТТ о недискриминации, а также ст. II, XI и ч. IV ГАТТ. Никарагуа заявляла, что на основании экспортных показателей прошлых лет ей должна была быть выделена квота в размере 2,1 % от общего объема импорта сахара в США, или 61,95 тыс. т. Фактически Никарагуа было выделено 6 тыс. т, т. е. менее 10 % от квоты, на которую государство имело право.

Никарагуа этот спор выиграло, что тем не менее никак не повлияло на отмену санкций США. Более того, в 1985 г. США ввели полное эмбарго на торговлю с Никарагуа, чем спровоцировали подачу еще одной жалобы со стороны Никарагуа – дело *United States – Trade Measures Affecting Nicaragua* (GD/158)¹¹.

В процессе рассмотрения данного спора США использовали в качестве аргумента ст. XXI (b) (iii) об угрозе национальной безопасности как основания введения ограничительных мер. Представитель Никарагуа заявлял о том, что его государство не представляет угрозу для США, а введенные меры являются не чем иным, как принуждением. В итоге третейская группа постановила, что эмбарго, введенное со стороны США, противоречит базовым целям ГАТТ.

Еще одним разбирательством на уровне ВТО по вопросам экономических санкций стало дело *United States – The Cuban Liberty and Democratic Solidarity Act* (DS38) 1996 г., в рамках которого Европейскими сообществами была предпринята попытка оспорить Акт США «О свободе Кубы и демократической солидарности», более известного как Закон Хелмса–Бёртона, который позволил ввести экстерриториальные экономические санкции против Кубы¹².

Несмотря на очевидный односторонний характер мер, в разд. I акта указано, что он был направлен на усиление «международных санкций» против правительства Ф. Кастро. Основной целью принятия акта было сдерживание торговли между предпринимателями из других стран (отличных от США) и Кубой. В случае, если они незаконно вывозили с Кубы имущество, изъятые в результате революции у граждан США, предпринимателям грозил штраф¹³. Помимо прочего Акт США «О свободе Кубы и демократической солидарности» предусматривал внесение поправок в Акт США «О кубинской демократии»¹⁴ касемо санкций против государства, оказывающего помощь Кубе, включив в состав такой помощи любой обмен, сокращение или прощение кубинского долга перед государством в обмен на предоставление доли в праве государственной собственности Кубы.

Принятие этого закона вызвало волну негодования за пределами США и спровоцировало подачу Европейскими сообществами жалобы о нарушении ст. I, III, V, XI и XIII ГАТТ, а также ст. I, III, VI, XVI и XVII Генерального соглашения по торговле услугами (далее – ГАТС) [15, р. 509]. Разбирательство не получило продолжения, поскольку после создания третейской группы стороны подписали меморандум о взаимопонимании¹⁵, по условиям которого США обязались отказаться от разд. III Закона Хелмса–Бёртона (об имущественной ответственности за торговлю имуществом, конфискованным кубинским правительством после революции 1959 г.), а Европейские сообщества приостановили рассмотрение дела в ВТО.

В последние годы сохраняется тенденция по увеличению количества дел в рамках ВТО, связанных с оспариванием экономических санкций. Большинство таких споров заканчивалось на стадии создания третейской группы, без рассмотрения спора по существу ввиду его урегулирования.

Одним из примеров является дело *Japan – Measures Related to the Exportation of Products and Technology to Korea* (DS590)¹⁶.

¹⁰ GATT/L/5607, 1984, 2 March.

¹¹ GATT/L/6053, 1986, 13 October.

¹² WT/DS38/5, 1997, 25 April.

¹³ Cuban Liberty and Democratic Solidarity (LIBERTAD) Act of 1996 // Congress: official site. URL: <https://www.congress.gov/bill/104th-congress/house-bill/927> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁴ Cuban Democracy Act of 1992 // Congress: official site. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/5323> (дата обращения: 12.02.2024).

¹⁵ European Union–United States: Memorandum of Understanding Concerning the U.S. Helms-Burton Act and the U.S. Iran and Libya Sanctions Act // International Legal Materials. 1997. Vol. 36, iss. 3. P. 529–530. DOI: 10.1017/S0020782900016132.

¹⁶ WT/DS590/1, G/L/1325, G/TFA/D3/1, G/TRIMS/D/45, S/L/431, IP/D/42. 2019, 16 September.

В сентябре 2019 г. Республика Корея запросила консультации для проверки на соответствие правилам ВТО экспортных ограничений, введенных Японией. Ограничения вступили в силу на фоне растущей политической напряженности между двумя странами¹⁷. Япония ввела ограничения на экспорт химикатов и других материалов, которые необходимы Республике Корея для производства полупроводников и экранов смартфонов [16, р. 376]. Японские официальные лица заявили, что материалы были незаконно отправлены в Северную Корею, где их можно было использовать для изготовления оружия.

Кроме того, Япония заявила об исключении Республики Корея из списка надежных торговых партнеров, что повлекло за собой невозможность торговли между государствами. В своем запросе на консультации Республика Корея отметила, что эти ограничения представляют собой «политически мотивированные замаскированные ограничения торговли». К консультациям также присоединились Тайвань и Европейский Союз.

Третьей группой была создана в июле 2020 г., а в марте 2023 г. Республика Корея решила отозвать свой запрос, поскольку сторонам удалось достичь договоренности о частичном снятии ограничений на экспорт.

Еще одним примером, в котором спор не был разрешен в рамках консультаций, но в итоге завершился подписанием соглашения в процессе его рассмотрения третьей группой, является дело *United States – Measures relating to trade in goods and services* (DS574)¹⁸.

В конце декабря 2018 г. Венесуэла запросила консультации относительно мер, введенных США в отношении товаров венесуэльского происхождения, импорта золота из Венесуэлы, ликвидности государственного долга Венесуэлы, операций с венесуэльской цифровой валютой и др. В своем запросе представители Венесуэлы заявляли, что США ввели принудительные меры и торговые ограничения с целью экономической изоляции Венесуэлы. США проигнорировали запрос и отказались проводить консультации, о чем в феврале 2019 г. официально уведомили правительство Венесуэлы. В марте 2019 г., а затем повторно в марте 2021 г. Венесуэла подавала обращение на формирование третьей группы и запросила, чтобы этот вопрос был включен в по-

вестку дня следующего заседания Органа по урегулированию споров, но США отказались утвердить повестку. Заседание было отменено, а просьба о создании группы так и не была рассмотрена. В итоге Венесуэла была вынуждена отозвать свой запрос.

Игнорирование надлежащего порядка урегулирования споров, переходящее в некоторых случаях в противодействие, стало обычной практикой для представителей США.

Начиная с 2017 г. США последовательно не дают согласие на замену членов Апелляционного органа. В декабре 2019 г., когда количество членов, ранее назначенных для участия в работе, стало меньше трех, орган прекратил свою работу. Впервые с момента создания ВТО в 1995 г. Апелляционный орган не может принимать новые апелляции, и это оказывает косвенное воздействие на всю глобальную систему разрешения торговых споров. Отсутствие Апелляционного органа означает, что члены ВТО теперь могут эффективно блокировать процедуру урегулирования споров с помощью так называемых апелляций «в никуда» [17, с. 239].

Вышеупомянутые примеры иллюстрируют растущую тенденцию использования государствами односторонних ограничительных мер для достижения геополитических целей, а также желание сторон их оспорить с помощью механизмов ВТО. При этом ни одно из указанных дел не дошло до рассмотрения Апелляционным органом, большинство из них завершилось подписанием соглашений.

4. Исключения в целях защиты национальной безопасности

Еще классики политэкономии указывали, что торговлю иногда необходимо ограничивать, не в последнюю очередь потому, что «защита имеет гораздо большее значение, чем богатство». Бесполезно быть процветающим, если ты не свободен, и поэтому угрозы безопасности являются вескими причинами для отказа от экономических возможностей. Было совершенно оправдано обременять иностранных торговцев пошлинами, когда это было необходимо для национальной обороны [18, с. 107].

Некоторые из этих идей легли в основу положений ГАТТ. К примеру, в ст. XXI (b) (iii) предусмотрено, что ничто не должно быть истолковано как препятствующее любой договаривающейся стороне предпринимать такие действия, которые она считает

¹⁷ Maizland L. The Japan-South Korea Trade Dispute: What to Know, Council on Foreign Relations // Council on Foreign Relations. August 5, 2019. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/>

japan-south-korea-trade-dispute-what-know (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁸ WT/DS574/2/Rev.1, 2021, 16 March.

необходимыми для защиты существенных интересов своей безопасности, если они принимаются в военное время или в других чрезвычайных обстоятельствах в международных отношениях.

Аналогичные положения встречаются и в других соглашениях ВТО, а именно в ст. XIV bis ГАТС (Марракеш, 1994 г.)¹⁹ и в ст. 73 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности²⁰ (далее – ТРИПС).

Ранее положения ст. XXI ГАТТ о действиях государства в целях защиты национальной безопасности не были предметом споров. Причины такой осторожности вполне объяснимы – активное применение указанной статьи без достаточных на то оснований могло бы стать злоупотреблением правом и поставить под угрозу всю мировую торговую систему [19, р. 122].

Период отсутствия разбирательств в рамках ВТО на основании ст. XXI ГАТТ, по всей видимости, подходит к концу. Одним из важных с точки зрения толкования данной статьи споров был инициирован Украиной после введения Российской Федерацией и Украиной экономических санкций в отношении друг друга.

В 2016 г. Украина обратилась в Орган урегулирования споров ВТО с целью оспаривания ограничений на транзитные перевозки из Украины через территорию Российской Федерации в третьи страны²¹. В деле *Russia – Measures Concerning Traffic in Transit* (DS512) Украина заявила, что действия России несовместимы с ее обязательствами по ст. V ГАТТ, которая требует свободы транзита для торговли товарами. Кроме того, было заявлено, что российские меры не соответствуют ст. X ГАТТ, которая требует прозрачности правил и положений, а также ряду положений соглашения о присоединении России к ВТО.

Россия в свою очередь сослалась на исключения, основанные на положениях ст. XXI (b) (iii) и связанные с действиями государства в целях защиты национальной безопасности.

В апреле 2019 г. был опубликован доклад третейской группы, в котором признано право России на защиту национальной безопасности ввиду фактических обстоятельств дела²².

Из п. 8.1 доклада по делу *Russia – Measures Concerning Traffic in Transit* (DS512) следует, что тре-

тейская группа, пришла, в частности, к следующим выводам:

а) По вопросу о наличии или отсутствии у нее полномочий на рассмотрение спора в рамках ст. XXI (b) (iii) ГАТТ третейская группа считает, что она компетентна разрешить спор в этой части требований;

б) По вопросу о том, соблюдены ли Россией все требования для обращения в рамках ст. XXI (b) (iii) ГАТТ, третейская группа считает, что:

i. начиная с 2014 г. в отношениях между Российской Федерацией и Украиной существовала ситуация, которая представляет собой чрезвычайную в международных отношениях ситуацию по смыслу ст. XXI (b) (iii) ГАТТ;

ii. каждая из рассматриваемых мер была принята во время этой чрезвычайной ситуации в международных отношениях в значении ст. XXI (b) (iii) ГАТТ;

iii. Российская Федерация выполнила условия вводной части ст. XXI (b) (iii) ГАТТ.

Таким образом, Россия выполнила требования, необходимые по ст. XXI (b) (iii) ГАТТ в отношении рассматриваемых мер.

По итогам рассмотрения указанного спора третейская группа впервые в истории ВТО привела расширенное толкование ст. XXI ГАТТ [20, с. 9]. Возможно, самым важным вопросом, который был решен по данному делу, был пороговый вопрос о том, имеет ли третейская группа юридические полномочия рассматривать спор, а также давать оценку ситуации в части наличия или отсутствия угрозы национальной безопасности. Россия в ходе разбирательства заявляла, что третейская группа не наделена полномочиями по разрешению данного спора и что исключение в целях национальной безопасности применяется стороной на основании собственной оценки ситуации, и третейская группа не вправе сомневаться в члене ВТО, когда он утверждает, что действует в защиту своей национальной безопасности.

Рассматривая вопрос о законности введения односторонних санкций государством со ссылкой на положения ст. XXI (b) (iii) ГАТТ, следует отметить, что такие односторонние меры являются легитимными, если они применяются для защиты существенных интересов национальной безопасности в

¹⁹ General Agreement on Trade in Services // WTO: official site. URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/26-gats_01_e.htm (дата обращения: 16.02.2024).

²⁰ Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights // WTO: official site. URL: <https://www.wto.org/>

[english/docs_e/legal_e/31bis_trips_01_e.htm](https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/31bis_trips_01_e.htm) (дата обращения: 16.02.2024).

²¹ WT/DS512/7/ 2016, 14 Sept.

²² WT/DS512/R, 2019, 5 April.

военное время или в других чрезвычайных ситуациях в международных отношениях.

Основываясь на формулировках ст. XXI (b) (iii) ГАТТ, третейская группа по делу *Russia – Measures Concerning Traffic in Transit* (DS512) пришла к выводу, что фраза из п. b «действия, которые она считает необходимыми» подтверждает, что член ВТО обладает исключительной свободой усмотрения в «принятии любых мер... для защиты национальных интересов безопасности». Однако эта исключительная свобода усмотрения не распространяется на определение обстоятельств в пп. iii о том, будет ли такая мера «принята во время войны или другой чрезвычайной ситуации в международных отношениях». Это вопрос подлежит правовой оценке третейской группой, когда он поднимается в рамках урегулирования спора.

Так, третейская группа в рассматриваемом деле пришла к выводу, что российские меры были оправданы в соответствии со ст. XXI (b) (iii) ГАТТ, поскольку были «приняты во время чрезвычайной ситуации в международных отношениях между Украиной и Россией»²³.

Очевидно, что такой подход не будет применим в спорах между государствами, вводящими экономические санкции, но не являющимися стороной военного конфликта или иных чрезвычайных обстоятельств.

В то же время третейская группа не согласилась с доводами об отсутствии у нее полномочий рассматривать данный спор. Признав, что члены ВТО обладают весьма широкой свободой действий при применении ст. XXI, третейская группа постановила, что такие вопросы находятся в ее компетенции. В противном случае может быть нарушен баланс, установленный в тексте ст. XXI, что в дальнейшем не исключает злоупотребления правом со стороны государств в части использования указанных исключений.

Таким образом, бремя доказывания наличия угрозы национальной безопасности в условиях войны или иных чрезвычайных обстоятельств лежит на стороне, которая в своей правовой позиции ссылается на исключения, установленные ст. XXI (b) (iii) ГАТТ.

Своим решением по делу *Russia – Measures Concerning Traffic in Transit* (DS512) третейская группа технически не создала прецедент, такое решение не рассматривается ВТО в качестве источника права.

Тем не менее в соответствии с обязательством ВТО по урегулированию споров обеспечить «безопасность и предсказуемости многосторонней торговой системы» третейские группы обычно стараются поддерживать последовательность в разъяснении тех или иных правовых положений. В противном случае неопределенность в отношении смысла торговых правил или противоречивые их толкования препятствовали бы развитию мировой торговли.

5. Заключение

Понятные торговые правила, наличие и работоспособность апелляционного органа, а также его последовательность в принятии решений являются основными причинами для вступления членов в состав ВТО. Форум ВТО, несмотря на кризисные моменты, связанные с приостановлением деятельности Апелляционного органа, остается подходящей площадкой для тщательного изучения и оспаривания законности экономических санкций. При этом система урегулирования споров ВТО имеет в ближайшем будущем перспективы реформирования, поскольку большинство членов заинтересованы в ее использовании.

Представляется, что вектор международных отношений, сместившийся в последнее время в сторону экономического национализма и антиглобалистского унитаризма, сохранит свое направление.

Многие из членов ВТО принимали и принимают ограничительные меры в торговле, которые они пытаются оправдать соображениями национальной безопасности. Практика разрешения подобных споров не отличалась однообразием. Третейские группы были достаточно осторожны в своих формулировках, когда речь шла о применении ст. XXI (b) (iii) ГАТТ в качестве аргумента для оправдания экономических санкций, опасаясь, что расширенное толкование может стать причиной злоупотребления правом со стороны государств. Однако после 70 лет сдержанного подхода ссылка на указанную статью становится всё более распространенным явлением.

Поворотным моментом стало решение, принятое третейской группой по делу *Russia – Measures Concerning Traffic in Transit* (DS512), в рамках которого впервые в истории многосторонней торговой системы было дано подробное толкование ст. XXI (b) (iii) ГАТТ. Кроме того, третейская группа отдельно подчеркнула, что обладает полномочиями рассматривать

²³ Пункт 8.1 Итогового доклада третейской группы по делу *Russia – Measures Concerning Traffic in Transit* (DS512) // WTO: official site. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/>

<SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/512R.pdf&Open=True> (дата обращения: 01.02.2024).

спор и давать оценку ситуации в части наличия или отсутствия угрозы национальной безопасности.

Законность введения односторонних санкций государством со ссылкой на положения ст. XXI (b) (iii) ГАТТ можно рассматривать только в том случае, если меры применяются для защиты существенных интересов национальной безопасности в условиях войны или иных чрезвычайных обстоятельства в международных отношениях.

Государства, вводящие экономические санкции против другого государства, но не являющиеся

при этом стороной военного конфликта или иных чрезвычайных ситуаций, не могут ссылаться на ст. XXI (b) (iii) ГАТТ в качестве аргумента для оправдания таких ограничительных мер.

Представляется целесообразным рассмотреть возможность использования указанной статьи в делах об оспаривании законности экономических санкций, введенных против России отдельными государствами, не находящимися с ней в состоянии вооруженного конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахин С. В. Односторонние экономические «санкции» и международное право / С. В. Бахин, И. Ю. Еременко // Закон. – 2017. – № 11. – С. 162–175.
2. Старженецкий В. Экономические санкции глазами российских судей: между защитой публичного порядка и интересов бизнеса / В. Старженецкий, В. Бутырина, Ю. Драгунова // Международное правосудие. – 2018. – № 4. – С. 126–141. – DOI: 10.21128/2226-2059-2018-4-126-139.
3. Pellet A. Sanctions / A. Pellet, A. Miron // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. – Oxford University Press, 2012. – Vol. IX. – P. 1–15.
4. Геворгян К. «Односторонние санкции» и международное право / К. Геворгян // Международная жизнь. – 2012. – № 8. – С. 92–97.
5. Ruys T. Sanctions, Retorsions and Countermeasures: Concepts and International Legal Framework / T. Ruys // Research Handbook on UN Sanctions and International Law / ed. by L. van den Herik. – Edward Elgar, 2017. – P. 19–51.
6. Bogdanova I. Unilateral Sanctions in International Law and the Enforcement of Human Rights / I. Bogdanova. – Brill, 2022. – 361 p. – (World Trade Institute Advanced Studies; Vol. 9). – DOI: 10.1163/9789004507890.
7. Pellet A. Unilateral Sanctions and International Law / A. Pellet // Yearbook of Institute of International Law. – 2015. – Vol. 76. – P. 720–735.
8. Кадышева О. В. Доктринальные аспекты односторонних ограничительных мер и перспективы их оспаривания в рамках ВТО / О. В. Кадышева // Закон. – 2022. – № 8. – С. 71–81. – DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-8-71-81.
9. Bogdanova I. Targeted Economic Sanctions and WTO Law: Examining the Adequacy of the National Security Exception / I. Bogdanova // Legal Issues of Economic Integration. – 2021. – Vol. 48, iss. 2. – P. 171–200. – DOI: 10.54648/LEIE2021010.
10. Beess und Chrostin J. Unilateral and Multilateral Sanctions in Investment Treaty Arbitration / J. Beess und Chrostin // Proceedings of the ASIL Annual Meeting. – 2016. – Vol. 110. – P. 207–219. – DOI: 10.1017/S027250370010299X.
11. De Brabandere E. Sanctions and International Arbitration / E. De Brabandere, D. Holloway // Research Handbook on Sanctions and International Law. – Edward Elgar, 2017. – P. 25–36.
12. Howse R. L. Are EU Trade Sanctions on Burma Compatible with WTO Law? / R. L. Howse, J. M. Genser // Michigan Journal of International Law. – 2008. – Vol. 29, iss. 2. – P. 166–196.
13. Neuwirth R. J. The Current EU/US–Russia Conflict Over Ukraine and the WTO: A Preliminary Note on (Trade) Restrictive Measures / R. J. Neuwirth, A. Svetlicinii // Post-Soviet Affairs. – 2016. – Vol. 32, iss. 3. – P. 237–271. – DOI: 10.1080/1060586X.2015.1039330.
14. Кёхлер Х. Санкции и международное право / Х. Кёхлер // Вестник международных организаций. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 27–47. – DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-02.
15. Chudzicki P. K. The European Union's Response to the Libertad Act and the Iran-Libya Act: Extraterritoriality without Boundaries / P. K. Chudzicki // Loyola University Chicago Law Journal. – 1997. – Vol. 28, iss. 3. – P. 505–550.

16. New frontiers in Asia-Pacific international arbitration and dispute resolution / ed. by S. Ali, B. Jetin, L. Nottage, N. Teramura. – Alphen aan den Rijn, The Netherlands : Kluwer Law International BV, 2020. – xxxvi, 368 p.
17. Калачигин Г. М. Коллапс Апелляционного органа как определяющий фактор будущего ВТО / Г. М. Калачигин // Вестник международных организаций. – 2021. – Т. 16, № 3. – С. 238–255. – DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-11.
18. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с.
19. van den Bossche P. L. H. The Use and Abuse of the National Security Exception under Article XXI (b) (iii) of the GATT 1994 / P. L. H. van den Bossche, S. Akpofure // A New Global Economic Order / ed. C.-J. Cheng. – Brill, 2022. – P. 121–168. – DOI: 10.1163/9789004470354_004.
20. Тонких П. С. Исключения по соображениям национальной безопасности в контексте реформы ВТО / П. С. Тонких // Торговая политика. – 2019. – № 3 (19). – С. 7–24. – DOI: 10.17323/2499-9415-2019-3-19-7-24.

REFERENCES

1. Bakhin S.V., Eremenko I.Y. Unilateral economic "sanctions" and international law. *Zakon = Law*, 2017, no. 11, pp. 162–175. (In Russ.).
2. Starzhenetsky V., Butyrina V., Dragunova Y. Economic sanctions through the eyes of Russian judges: between the protection of public order and business interests. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International justice*, 2018, no. 4, pp. 126–141. DOI: 10.21128/2226-2059-2018-4-126-139. (In Russ.).
3. Pellet A., Miron A. Sanction, in: *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*, Oxford University Press, 2012, vol. IX, pp. 1–15.
4. Gevorgyan K. "Unilateral Sanctions" and International Law. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Affairs*, 2012, no. 8, pp. 92–97. (In Russ.).
5. Ruys T. Sanctions, Retorsions and Countermeasures: Concepts and International Legal Framework, in: van den Herik L. (ed.). *Research Handbook on UN Sanctions and International Law*, Edward Elgar Publ., 2017, pp. 19–51.
6. Bogdanova I. *Unilateral Sanctions in International Law and the Enforcement of Human Rights*, World Trade Institute Advanced Studies; Vol. 9. Brill Publ., 2022. 361 p. DOI: 10.1163/9789004507890.
7. Pellet A. Unilateral Sanctions and International Law. *Yearbook of Institute of International Law*, 2015, vol. 7, pp. 720–735.
8. Kadyшева O.V. Doctrinal Aspects of Unilateral Restrictive Measures and Prospects for Challenging Them in the Framework of the WTO. *Zakon = Law*, 2022, no. 8, pp. 71–81. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-8-71-81. (In Russ.).
9. Bogdanova I. Targeted Economic Sanctions and WTO Law: Examining the Adequacy of the National Security Exception. *Legal Issues of Economic Integration*, 2021, vol. 48, iss.2, pp. 171–200. DOI: 10.54648/LEIE2021010.
10. Beess und Chrostin J. Unilateral and Multilateral Sanctions in Investment Treaty Arbitration. *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, 2016, vol. 110, pp. 207–219. DOI: 10.1017/S027250370010299X.
11. De Brabandere E., Holloway D. Sanctions and International Arbitration, in: *Research Handbook on Sanctions and International Law*, Edwar Elgar Publ., 2017, pp. 25–36.
12. Howse R.L., Genser J.M. Are EU Trade Sanctions on Burma Compatible with WTO Law?. *Michigan Journal of International Law*, 2008, vol. 29, iss. 2, pp. 166–196.
13. Neuwirth R.J., Svetlicinii A. The Current EU/US–Russia Conflict Over Ukraine and the WTO: A Preliminary Note on (Trade) Restrictive Measures. *Post-Soviet Affairs*, 2016, vol. 32, iss. 3, pp. 237–271. DOI: 10.1080/1060586X.2015.1039330.
14. Köchler H. Sanctions and International Law. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii = International Organizations Research Journal*, 2019, vol. 14, no. 3, pp. 27–47. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-02. (In Russ.).
15. Chudzicki P.K. The European Union's Response to the Libertad Act and the Iran-Libya Act: Extraterritoriality without Boundaries. *Loyola University Chicago Law Journal*, 1997, vol. 28, iss. 3, pp. 505–550.
16. Ali S., Jetin B., Nottage L., Teramura N. (eds.). *New frontiers in Asia-Pacific international arbitration and dispute resolution*. Alphen aan den Rijn, The Netherlands, Kluwer Law International Publ., 2020. xxxvi + 368 p.
17. Kalachigin G.M. Collapse of the Appellate Body as a Determining Factor in the Future of the WTO. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii = International Organisations Research Journal*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 238–255. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-11.

18. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 960 p. (In Russ.)
19. van den Bossche P.L.H., Akpofure S. The Use and Abuse of the National Security Exception under Article XXI (b) (iii) of the GATT 1994, in: Cheng C.-J. (ed.). *A New Global Economic Order*, Brill Publ., 2022, pp. 121–168. DOI: 10.1163/9789004470354_004.
20. Tonkikh P.S. National Security Exceptions in the Context of WTO Reform. *Torgovaya politika = Trade policy*, 2019, no. 3 (19), pp. 7–24. DOI: 10.17323/2499-9415-2019-3-19-7-24.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шепенко Роман Алексеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76
E-mail: r.shepenko@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-0767-9661

Рыжкова Ирина Владимировна – соискатель ученой степени кандидата юридических наук
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76
E-mail: ryzhkova142@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шепенко Р.А. Экономические санкции и право ВТО / Р.А. Шепенко, И.В. Рыжкова // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 123–132. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).123-132.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Roman A. Shepenko – Doctor of Law, Professor, Department of Administrative and Financial Law
MGIMO University
76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia
E-mail: r.shepenko@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-0767-9661

Irina V. Ryzhkova – applicant for a PhD degree
MGIMO University
76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia
E-mail: ryzhkova142@gmail.com

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Shepenko R.A., Ryzhkova I.V. Economic sanctions and WTO law. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 123–132. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).123-132. (In Russ.).

КАВЕРЗЫ ОТСЫЛОК К ВРЕМЕННО НЕДЕЙСТВУЮЩИМ НОРМАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАЛОГОВЫХ ДОГОВОРОВ

И.А. Хаванова

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

01 августа 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

Дается оценка последствий приостановления действия отдельных положений налоговых соглашений Указом Президента РФ от 8 августа 2023 г. № 585, а также эффективности принятых решений о введении компенсационного налогового регулирования. Так, Налоговый кодекс РФ отсылает правоприменителей к показателям налоговых ставок, установленных положениями 38 соглашений об избежании двойного налогообложения, действие которых приостановлено. Эта конструкция не использовалась ранее и попытка ее научного осмысления предпринята в статье.

Ключевые слова

Налог, международный
налоговый договор,
прекращение действия
международных договоров,
приостановление действия
международных договоров,
отсылочная норма

THE COMPLEXITY OF REFERENCES TO THE TEMPORARILY SUSPENDED NORMS OF INTERNATIONAL TAX TREATIES

Inna A. Khavanova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Article info

Received –

2024 August 01

Accepted –

2024 September 20

Available online –

2024 December 20

Subject. The article is devoted to the theoretical aspects of the use in the tax legislation of references to the tax treaties provisions, the effect of which was suspended by Decree of the President of Russia dated August 8, 2023 No. 585.

The purpose of the study. The purpose of the article is to assess the consequences of the suspension of certain provisions of tax agreements by Decree of the President of Russia dated August 8, 2023 No. 585, as well as the effectiveness of the decisions taken on the introduction of compensatory tax regulation. The essence of this regulation consists in the provision from August 8, 2023 by the Russian tax agent to apply reduced tax rates or non-taxation when paying income, if such rules are provided for by tax treaties, the validity of which is partially suspended.

Methodology. The preparation phase included the following research methods: formal-logical analysis, system-based analysis, description, juxtaposition, synthesis and summarizing.

Conclusions. The article concludes that the absence of a suspension procedure in agreements on the avoidance of double taxation (if there are rules on denunciation) is not an unconditional reason to consider it unlawful (in plus stat minus). At the same time, suspension should not be prohibited by the treaty and cannot be incompatible with its object and purposes. With regard to the partial suspension of tax treaties, the content and structure of tax conventions based on the OECD and/or UN model tax conventions allows (subject to certain conditions) the divisibility of contractual provisions according to the criterion of the type of income to which the distributive rules apply. The compensatory legal mechanism laid down in amendments to the Tax Code of the Russian Federation, adopted by Federal Law No. 539-FZ of November 27, 2023, is complex in nature and is aimed at entities that

Keywords

Tax, tax treaty, termination of
international treaties, suspension
of international treaties, reference

were entitled to expect reduced rates or non-taxation in Russia as a source of income, but lost this opportunity due to the suspension of certain provisions of international treaties. A reference norm is a norm, the constructive feature of which is the algorithm for combining normative prescriptions (internal and external in relation to the reference norm). The reference in the Tax Code of the Russian Federation to the norms of Russian tax agreements is a unilateral legislative decision of a Contracting State (Russia), although implemented based on the provisions of an international treaty. The author concluded that tax legislation does not exclude the possibility of using legal structures of a reference nature that require reference to the norms of an international tax treaty, provided that these structures are formulated with a sufficient degree of clarity that allows taxable persons to conform their behavior to them.

1. Введение

Можно было бы не придавать большого значения появлению в Налоговом кодексе (далее – НК) РФ отсылок к нормам соглашений об избежании двойного налогообложения (далее также – СИДН), если бы это не были отсылки к нормам 38 договоров, действие которых приостановлено Указом Президента РФ от 8 августа 2023 г. № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров РФ по вопросам налогообложения» (далее – Указ № 585).

В принципе для НК РФ привычны нормы, действие которых связано с международными договорами. Однако традиционно это не конкретные договоры, а так называемые «соответствующие международные договоры Российской Федерации по вопросам налогообложения». Например, фактически уплаченные физическим лицом – российским налоговым резидентом за пределами Российской Федерации в соответствии с законодательством других государств суммы налога с доходов, полученных в иностранном государстве, не засчитываются при уплате налога в России, если иное не предусмотрено соответствующим международным договором Российской Федерации по вопросам налогообложения (п. 1 ст. 232 НК РФ). Данный прием законодателя не вызывал особых проблем. Оживление в пасторальную картину правоприменения внесло приостановление действия СИДН. И мы начнем анализ именно с его оценки, поскольку дискуссия о возможности приостановления действия СИДН в одностороннем порядке, возникшая в 2022 г., продолжается до настоящего времени¹. Для нас же определенность важна уже в силу того, что

формирует опору исследования (исходный пункт): последствия неприменения положений международных договоров вследствие приостановления их действия отличаются от последствий неприменения международно-правовых норм, действие которых формально не приостановлено. И это влияет на юридическую оценку использования приема отсылки к положениям налоговых конвенций.

2. К дискуссии о приостановлении действия СИДН

Всплеск интереса к проблеме приостановления и среди практиков, и в академической среде возник, когда Латвия уведомила о приостановлении с 16 мая 2022 г. действия соглашения с Россией 2010 г.² Россия Указом Президента РФ от 26 сентября 2022 г. № 668 «О приостановлении Российской Федерацией действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и капитал» также приостановила действие этого договора. Причем была использована чрезвычайная процедура, предусмотренная п. 4 ст. 37 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»: действие международного договора РФ может быть приостановлено Президентом РФ в случаях, требующих принятия безотлагательных мер, с незамедлительным информированием Совета Федерации и Государственной Думы и внесением в Государственную Думу проекта соответствующего федерального закона³. В феврале 2023 г. был принят не только закон о приостановле-

¹ Видмер М. Налоговое соглашение Россия–Швейцария заморожено: каковы последствия? // Швейцария Деловая. 2023. 8 авг. URL: <https://business-swiss.ch/2023/08/nalogovoe-soglashenie-rossija-shveicarija-zamorozhenno/> (дата обращения: 01.08.2024). См. также: [1–6].

² См. письмо Минфина России от 23 августа 2022 г. № 03-08-05/82048.

³ В случае его отклонения Государственной Думой действие международного договора подлежит незамедлительному возобновлению.

нии действия соглашения⁴, но и закон о его денонсации⁵. В результате соглашение с Латвией прекратило действие с 1 января 2024 г.

При денонсации Россия действовала согласно ст. 31 договора: любое Договаривающееся Государство может прекратить действие соглашения, направив по дипломатическим каналам письменное уведомление о прекращении действия не позднее чем за 6 месяцев до окончания любого календарного года после истечения 5 лет с даты вступления соглашения в силу. Такое правило характерно для соглашений, основанных на Модельной налоговой конвенции ОЭСР⁶ и/или Модельной налоговой конвенции ООН⁷, а вот правил приостановления действия договоров в них нет, что, впрочем, является «ахиллесовой пятой» и международных договоров в целом [7].

Преобладающей реакцией на латвийскую инициативу было неприятие экспертами самой модели приостановления действия договора, в котором нет правил приостановления. Тем более, что и причина была озвучена Латвией политическая, мало относящаяся к этому договору непосредственно⁸. Указав на то, что договор с Латвией не предусматривает алгоритма приостановления действия в одностороннем порядке, С. Калинин пришел к выводу о том, что «временно прекратить действие соглашения можно лишь по обоюдному согласию, если такого консенсуса нет, то одна из стран может его только денонсировать»⁹.

Интересный ракурс проблемы отражен в статье С.А. Сосновского, разрешавшего исследовательский вопрос: не нарушает ли приостановление действия договора Указом Президента РФ вытекающее из ст. 57 Конституции РФ требование устанавливать налоги законом? Согласно его позиции, «приостановление СИДН исключает из правовой системы нормы, устанавливающие элементы налога», соответственно, есть основания для применения «повышенного стандарта к требованиям о форме акта», которым Россия дает или, напротив, отзывает согласие на включение в правовую систему таких положений [5, с. 32].

Вывод о невозможности приостановления действия СИДН указом Президента РФ ставит под вопрос достижение эффекта приостановления (с 8 августа 2023 г.). Позиция о том, что действие СИДН не приостановлено, была озвучена Великобританией¹⁰, заявившей, что соглашение не предусматривает односторонних действий по приостановлению¹¹. Комментируя британскую позицию, эксперты отметили, что, поскольку Великобритания считает соглашение действующим, она не может ссылаться на ст. 60 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров для прекращения или приостановления действия договора ввиду запрета, предусмотренного ст. 45 конвенции. Однако у нее есть возможность прекратить действие соглашения с Россией в порядке, установленном ст. 29 данного договора¹².

⁴ Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 39-ФЗ «О приостановлении Российской Федерацией действия Соглашения между Правительством РФ и Правительством Латвийской Республики об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и капитал».

⁵ Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 40-ФЗ «О денонсации Соглашения между Правительством РФ и Правительством Латвийской Республики об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и капитал».

⁶ OECD Model Tax Convention on Income and on Capital 2017 (Full Version). URL: <https://www.oecd.org/ctp/treaties/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-condensed-version-20745419.htm> (дата обращения: 24.06.2024).

⁷ UN Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries [2021]. URL: <https://financing.desa.un.org/document/un-model-double-taxation-convention-between-developed-and-developing-countries-2021> (дата обращения: 24.06.2024).

⁸ Вот как это прокомментировал Б.Я. Брук: «Венская конвенция легитимизирует одностороннее приостановление действия международного договора исключительно случаями нарушения самого приостанавливаемого договора,

но не нарушением иных международно-правовых обязательств. Таким образом, действия латвийских властей по приостановлению действия Соглашения не основаны на международном праве и потому не являются легитимными» [1, с. 141].

⁹ Романова Л. Латвия приостановила действие налогового соглашения с Россией // Ведомости. 2022. 20 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/05/19/922798-latviya-priostanovila-nalogovogo> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁰ Russia: tax treaties // UK Government: official site. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/russia-tax-treaties> (дата обращения: 01.08.2024).

¹¹ Великобритания оставляет за собой право принять ответные меры в соответствии с нотой от 15 августа 2023 г. № 097/23, см.: Информация Минфина России о статусе международных договоров об избежании двойного налогообложения (по состоянию на 01.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Goel S., Goel A. Russia's Questionable Unilateral Suspension of Tax Treaties // Tax Notes. September 25, 2023. URL: <https://www.taxnotes.com/featured-analysis/russias-questionable-unilateral-suspension-tax-treaties/2023/09/22/7h93z> (дата обращения: 01.08.2024).

Отсутствие в соглашениях об избежании двойного налогообложения порядка приостановления действия (при наличии правил о денонсации) не является безусловным основанием считать таковое неправомерным. Это мнение мы высказывали [6, с. 25], опираясь на принцип *in plus stat minus*, который считал уместным применять Э.Х. де Аречага¹³, однако, – и это важно, – приостановление не должно быть запрещено договором и не может быть несовместимо с его объектом и целью. Мы исходим из правомерности приостановления действия СИДН согласно чрезвычайной процедуре (Указом Президента РФ) с последующим принятием Федерального закона от 19 декабря 2023 г. № 598-ФЗ «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения». Что касается частичного приостановления, возможность которого также ставится под сомнение¹⁴, то содержание и структура налоговых конвенций, основанных на модельных налоговых конвенциях ОЭСР и/или ООН, допускает (при соблюдении определенных условий) делимость договорных положений по критерию вида дохода, на который распространяются дистрибутивные правила [8].

Такая конструкция хорошо прослеживается в ст. 28 «Последующие изменения в законодательстве» Модельной налоговой конвенции США (2016 г.)¹⁵. Если после подписания договора в налоговое законодательство государства-партнера вносятся изменения (например, резкое колебание ставок) и консультации, направленные на восстановление надлежащего распределения прав по договору, не достигают успеха, прекращается действие ст. 10 («Дивиденды»), 11 («Проценты»), 12 («Роялти») и 21 («Иные доходы») [9, с. 98–99]. Еще один пример: в налоговом соглашении США с Нидерландскими Антильскими островами (*US-Netherlands Antilles Income Tax Convention*, 1987)¹⁶ было закреплено правило (ст. XXVII), согласно которому каждое из государств могло прекратить дей-

ствие соглашения полностью или в части, направив соответствующее уведомление (*notice of termination of all or part of the Treaty*) [10; 11].

3. Законодатель «оживил» налоговые договоры?

27 ноября 2023 г. был принят Федеральный закон № 539-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (далее – Закон № 539-ФЗ), направленный на смягчение последствий приостановления, необходимость которого отмечена в п. 3 Указа № 585¹⁷. Статья 310 НК РФ была дополнена пп. 11 п. 2 и п. 3.1, согласно которым до 31 декабря 2025 г. исчисление и удержание суммы налога не производятся или производятся по пониженным налоговым ставкам, если такие условия были предусмотрены нормами соглашений, действие которых приостановлено. Положения новелл применяются в отношении доходов, выплаченных российскими налоговыми агентами начиная с 8 августа 2023 г.¹⁸

Так, согласно пп. 11 п. 2 ст. 310 НК РФ исчисление и удержание суммы налога не осуществляется при выплате налоговым агентом конкретизированных в данной норме «видов доходов, которые не облагались налогом в Российской Федерации согласно международным договорам Российской Федерации по вопросам налогообложения до дня принятия указа» и которые выплачиваются иностранным организациям, расположенным на территориях государств, действие отдельных положений договоров с которыми приостановлено Указом № 585. К доходам предъявляются определенные требования:

– базовое – отсутствие взаимозависимости организаций¹⁹ (доходы от использования и/или предоставления прав использования аудиовизуальных произведений, от реализации морских судов, зарегистрированных в Российском международном ре-

¹³ Extract from the Yearbook of the International Law Commission. 1966. Document A/CN.4/SR.861, vol. I (2). Topic: Law of Treaties. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/summary_records/a_cn4_sr861.pdf (дата обращения: 01.08.2023).

¹⁴ Jerabek R. Russia suspends parts of the double taxation agreement with Austria // PwC Austria. August 16, 2023. URL: <https://steuernachrichten.pwc.at/en/blog/2023/08/16/russia-suspends-parts-of-the-double-taxation-agreement-with-austria/> (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁵ United States Model – Tax Treaty (2016). URL: <https://www.irs.gov/businesses/international-businesses/united->

[states-model-tax-treaty-documents](#) (дата обращения: 01.08.2024).

¹⁶ В настоящее время не действует.

¹⁷ Предписано обеспечить принятие мер, направленных на снижение влияния на экономику Российской Федерации последствий приостановления действия положений международных налоговых договоров Российской Федерации.

¹⁸ Пункт 6 ст. 6 Закона № 539-ФЗ.

¹⁹ Взаимозависимость лиц определяется в соответствии со ст. 105.1 НК РФ.

естре судов и находящихся на территории Российской Федерации и др.);

– дополнительное – заключение договора до дня принятия Указа № 585 (в частности, такое требование предъявляется к процентным доходам, выплачиваемым иностранным экспортно-кредитным агентствам и иностранным организациям, осуществляющим банковскую деятельность в соответствии с их личным законом);

– специальное – для доходов от сдачи в аренду (лизинг) воздушных судов.

4. «Как вы яхту назовете...»

Ситуация не столь проста, учитывая многоуровневую взаимосвязь правил международной и внутренней природы, которая отмечается многими исследователями [12–15].

Компенсаторный налогово-правовой механизм, заложенный в Законе № 539-ФЗ, носит комплексный характер и ориентирован на субъектов, которые были вправе рассчитывать на пониженные ставки или неналогообложение в России как государстве источника дохода, но утратили такую возможность вследствие приостановления действия отдельных положений международных договоров.

Анализируя содержание пп. 11 п. 2 ст. 310 НК РФ, следует обратить внимание на фразу «видов доходов, которые не облагались налогом в Российской Федерации согласно международным договорам Российской Федерации по вопросам налогообложения...», после чего в норме перечисляются наименования доходов, например, «процентный доход». Такой же подход реализован в п. 3.1 ст. 310 НК РФ.

По нашему мнению, идентификация вида дохода, который не облагался бы в России согласно СИДН, **не может быть осуществлена без... СИДН**. На этот счет в соглашениях есть несколько правил – общее определение терминов (п. 1 ст. 3)²⁰, правила раскрытия значения не определенного в СИДН термина (п. 2 ст. 3), определение терминов в статьях, посвященных конкретным видам доходов. Налоговый кодекс РФ и СИДН могут по-разному определять виды доходов. Отсылка в ст. 310 НК РФ к дистрибутивным правилам ст. 11 «Проценты» СИДН как позволяющим не облагать доход или облагать его по пониженной ставке предполагает, что и наполнение понятия «процентный доход» также должно исходить из этой же статьи. Например, согласно ст. 11 «Проценты» соглашения России с Финляндией

1996 г., в которой закреплено исключительное дистрибутивное правило (процентный доход облагается только в государстве резидентства), термин «проценты» при использовании в ст. 11 означает доходы от долговых требований любого вида, вне зависимости от ипотечного обеспечения, от владения правом на участие в прибылях должника, и, в частности, доход от правительственных ценных бумаг, облигаций или долговых обязательств, включая премии и выигрыши по этим ценным бумагам, облигациям или долговым обязательствам.

Указание на «виды доходов» представляется важным с позиции их определения (исходя из положений конкретного договора). В противном случае среди субъектов могут оказаться те, кто при действующих СИДН не имел бы права на низкую ставку или неналогообложение в России как государстве источника дохода, и наоборот – право воспользоваться компенсаторными положениями будет невозможно реализовать тем, чьи налоговые обязанности возросли как следствие принятия Указа № 585.

5. Теория отсылки

С.Н. Болдырев характеризует отсылочные нормы как нормы, формулируемые с использованием отсылочного приема юридической техники [16, с. 27]. В.М. Баранов определяет ссылку (отсылку) в законодательстве как «техничко-юридическое средство закрепления нормативного единства, регулятивной взаимосвязи структурных элементов законодательных предписаний посредством указания адресного расположения каждой взаимодействующей части (единицы), а также условий, форм и следствий их реализации» [17]²¹. Есть и другой подход: «отсылочные (отдельные элементы нормы права изложены в других статьях нормативного правового акта), бланкетные (отсылки в нормативных правовых актах к нормам иных нормативных правовых актов)» [18, с. 90]. По нашему мнению, сводить содержание отсылочных норм к изложению отдельных элементов нормы в других статьях того же нормативного правового акта, значит существенно обеднять данный прием юридической техники. Не вызывает сомнений, что, введенные в НК РФ Законом № 539-ФЗ нормы – отсылочного характера.

Вопрос о возможности отсылки к нормам, действие которых приостановлено, не так прост, и в научной литературе уже обозначен ряд проблемных вопросов в связи с этим. Так, по мнению С.А. Соснов-

²⁰ Здесь и далее нумерация статей приводится по Модельной конвенции ОЭСР.

²¹ Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

ского, Указ № 585 «исключил из отечественной правовой системы ряд норм приостановленных СИДН». На вопрос, каким источником права теперь установлен налог, исследователь отвечает: «перед нами крайне необычный прием юридической техники: законодатель, вместо того чтобы привести норму целиком в тексте НК РФ, отсылает к другому документу (но не источнику права!)» [4, с. 35, 40, 41]. С автором мы согласны в том, что отсылочный прием возможен, несмотря на необычность конструкции. Вместе с тем представляется дискуссионным тезис о том, что соглашения, действие отдельных положений которых приостановлено, не являются источником права, что данные положения «исключены из отечественной правовой системы», а также его изначальной оценкой взаимодействия норм СИДН и НК РФ: «элемент налога (ставка) установлен системой из норм двух источников» [4, с. 35].

Налоги устанавливаются законом²², данный принцип затрагивает все основные составляющие юридической конструкции налога (элементы налогообложения), а налоговая ставка относится к таковым [19, с. 383]. Убедительной методологии, обосновывающей возможность отступления от этого правила, в текущей академической дискуссии пока найти не удалось. Разграничение налоговых юрисдикций с применением исключительного²³ или «параллельного» дистрибутивного правила, когда имеет место ограничение ставок, не тождественно их установлению. Также отметим, что СИДН, действие отдельных положений которых приостановлено Указом № 585, остаются международными договорами Российской Федерации, составной частью ее правовой системы²⁴. Они не выведены из национальной правовой системы, где нет «скамейки запасных» для такого рода ситуаций.

6. Если договоры будут денонсированы

Налоговый кодекс РФ не «замораживает» отношения между государствами и, разумеется, не ограничивает их в возможности денонсации СИДН, что само по себе может иметь последствия, которые нельзя игнорировать. Вопрос, впрочем, пока в большей степени теоретический. На момент написания

статьи известно только о литовской инициативе: 26 июня 2024 г. Правительство Литвы приняло решение о расторжении соглашения с Россией 1999 г.²⁵ Так что, учитывая «июньскую» оговорку в правилах прекращения действия, кажется, встретим 2025 год без денонсированных налоговых договоров. Тем не менее...

Отсылочная норма – норма, конструктивной особенностью которой является заложенный в ней алгоритм соединения нормативных предписаний (внутренних и внешних по отношению к отсылочной норме). При отсылке «действие» одних норм может быть не обусловлено «действием» других. В данном случае мы имеем дело с национальной нормой, которая содержит отсылку на конвенционную норму, действие которой приостановлено. Отсылка в НК РФ к нормам налоговых соглашений России – одностороннее законодательное решение Договаривающегося Государства (Россия), хотя и реализуемое с опорой на положения международного договора. Денонсация СИДН, вне зависимости от того, кто именно будет ее инициатором, не должна иметь последствия в виде невозможности применения компенсаторных норм (пп. 11 п. 2 и п. 3.1 ст. 310 НК РФ). В течение установленного срока (до 31 декабря 2025 г.) налоговый агент защищен налогово-правовыми принципами и нормами, независимо от специфики изложения последних.

7. Датская дилемма

Несколько особняком в этой истории стоит датский вопрос. Дело в том, что еще до Указа № 585 Дания нотой от 19 июня 2023 г. № 27/23 официально уведомила Россию о денонсации СИДН 1996 г. (согласно ст. 29 договора). Соглашение прекратило действие с 1 января 2024 г. Однако из-за включения в Указ № 585 его отдельные положения не действовали уже с 8 августа 2023 г.²⁶ Вызывает сомнения возможность применения положений данного договора после прекращения его действия, поскольку внесение изменений в НК РФ было обусловлено снижением негативных последствий от приостановления действия отдельных положений соглашений Указом № 585. В отношении рассматриваемого

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 1993 г. № 5-П.

²³ Например, налогообложение только в государстве резидентства.

²⁴ Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

²⁵ Законопроект должен быть представлен в парламент, см.: Lithuania approves termination of tax treaty with Russia // Regfollower Newsletters. July 2, 2024. URL: <https://regfollower.com/lithuania-approves-termination-of-tax-treaty-with-russia/> (дата обращения: 01.08.2024).

²⁶ Это единственное соглашение, которое в стадии реализации инициативы по денонсации, было включено в Указ № 585.

СИДН процесс денонсации уже был запущен датской стороной, соответственно, было известно, что по условиям договора с 1 января 2024 г. он прекратит свое действие. Таким образом, объективно негативные последствия возникли в промежутке с 8 августа до 31 декабря 2023 г., поскольку в этот период, если бы не приостановление согласно Указу № 585, договор действовал в полном объеме.

8. Особенности анализируемых отсылочных норм

По мнению Д.А. Керимова, «любая отсылочная статья может быть превращена в определенную путем включения в ее текст содержания тех частей других статей, к которым делается отсылка» [20, с. 47]. Рассматриваемый нами случай не подпадает под это правило. И хотя вроде бы на поверхности лежит решение просто перечислить налоговые ставки в НК РФ с указанием на конкретные СИДН, при таком подходе не была бы реализована задача, поставленная в Указе № 585 (смягчение последствий от его принятия). Ведь каждое соглашение уникально (определение лиц²⁷, содержание терминов, наличие дополнительных требований, например инвестиционный критерий). Поэтому «механическое» решение (указание на размеры налоговых ставок) здесь было бы неидеальным. Можно ли вместить богатство содержания договора в конкретную цифру? Ответ очевиден.

Механизм соотношения международно-правовых и национальных норм связан со стадией приме-

нения (это правоприменительный приоритет)²⁸. Компенсаторные нормы, введенные Законом № 539-ФЗ, не результат согласованного волеизъявления Договаривающихся Государств. В силу отсылочной нормы субъекты внутригосударственного права (российские налоговые агенты) уполномочиваются государством на применение правил международного договора для регулирования отношений в рамках российского законодательства о налогах и сборах.

9. Выводы

«В реальной действительности, – пишет И.И. Кучеров, – существуют две системы права – право внутригосударственное как совокупность национальных прав отдельных государств и право международное – со своими специфическими объектами и субъектами правового регулирования» [22]²⁹. Единство логической и технико-юридической структуры правовой нормы традиционно приветствуется в доктрине, однако подход, избранный законодателем в рассматриваемом случае, позволил не только избежать перегрузки НК РФ, но и отчетливо обозначить сущностную связь между законодательством о налогах и сборах, положениями налоговых соглашений России, а также непосредственно Указом № 585. Эта связь обрамлена в границах юридического времени (новеллы начали действовать с 8 августа 2023 г. и прекратят свое действие 31 декабря 2025 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брук Б. Я. Приостановление действия международных договоров по вопросам налогообложения: российский опыт / Б. Я. Брук // Закон. – 2022. – № 10. – С. 139–141.
2. Килинкова Е. В. Устранение двойного налогообложения после частичного приостановления Россией международных налоговых соглашений / Е. В. Килинкова // Налоговед. – 2024. – № 1. – С. 21–29.
3. Никифоров А. Чего ожидать бизнесу от приостановления действия соглашений об избежании двойного налогообложения (СИДН)? / А. Никифоров, С. Червонная // ЭЖ-Бухгалтер. – 2023. – № 34. – С. 5–6.
4. Сосновский С. А. Каким источником установлены налоги после приостановления СИДН? / С. А. Сосновский // Налоговед. – 2024. – № 3. – С. 35–41.
5. Сосновский С. А. Прекращение и приостановление СИДН: порядок и последствия / С. А. Сосновский // Налоговед. – 2023. – № 6. – С. 31–34.
6. Хаванова И. А. Денонсация и приостановление действия соглашений об избежании двойного налогообложения (теория и практика) / И. А. Хаванова // Финансовое право. – 2023. – № 1. – С. 22–25. – DOI: 10.18572/1813-1220-2023-1-22-25.

²⁷ Например, соглашение с Великобританией исключает из перечня лиц, на которые распространяется его действие, партнерства.

²⁸ Н.В. Миронов, признававший несостоятельной теорию примата международного права, писал, что «будучи само-

стоятельными и независимыми правовыми категориями, национальное и международное право и их нормы не могут находиться в иерархической зависимости друг от друга» [21, с. 40].

²⁹ Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

7. Осминин Б. И. Правовые модели прекращения и приостановления государствами действия международных договоров / Б. И. Осминин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 4. – С. 116–133.
8. Хаванова И. А. Правовая модель частичного приостановления действия международных налоговых договоров России / И. А. Хаванова // Финансовое право. – 2023. – № 10. – С. 20–25.
9. Хаванова И. А. Преодоление действия норм международных налоговых договоров посредством внутрисударственного права одной из сторон (tax treaty override) / И. А. Хаванова // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 95–104. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).95-104.
10. Crandall F. The Termination of the United States-Netherlands Antilles Tax Treaty: What Were the Costs of Ending Treaty Shopping / F. Crandall // Northwestern Journal of International Law & Business. – 1988. – Vol. 9, iss. 2. – P. 355–381.
11. Schoeller M. B. The Termination of the United States--Netherlands Antilles Income Tax Convention: A Failure of U.S. Tax Policy / M. B. Schoeller // University of Pennsylvania Journal of International Law. – 1988. – Vol. 10, iss. 3. – P. 493–515.
12. Хабриева Т. Я. Основы взаимодействия международного и национального права / Т. Я. Хабриева // Влияние международного права на национальное законодательство : материалы заседания Междунар. shk.-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 24–26 мая 2007 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. – М., 2007. – С. 3–16.
13. Кучеров И. И. Трансформация международного налогового-правового регулирования и национальные интересы / И. И. Кучеров, И. А. Хаванова // Журнал российского права. – 2024. – № 4. – С. 103–118.
14. Осминин Б. И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия / Б. И. Осминин // Журнал российского права. – 2017. – № 12. – С. 160–173. – DOI: 10.12737/article_5a2005088782b0.46114176.
15. Пономарева К. А. Акты налогового права Европейского Союза и соглашения об избежании двойного налогообложения: проблемы соотношения при установлении правил борьбы с налоговыми злоупотреблениями / К. А. Пономарева // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 175–186. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).175-186.
16. Болдырев С. Н. Отсылка как прием юридической техники / С. Н. Болдырев // Философия права. – 2014. – № 5 (66). – С. 27–30.
17. Баранов В. М. Ссылки (отсылки) в актах правотворчества: технико-юридические дефекты и пути преодоления их вредных последствий / В. М. Баранов // Журнал российского права. – 2022. – № 3. – С. 5–21.
18. Черногор Н. Н. Актуальные проблемы правотворчества / Н. Н. Черногор, М. В. Залоило. – М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения, 2018. – 144 с.
19. Судебная практика в современной правовой системе России : моногр. / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. – М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения : НОРМА : ИНФРА-М, 2017. – 432 с.
20. Керимов Д. А. Законодательная техника : науч.-метод. и учеб. пособие / Д. А. Керимов. – М. : Норма, 2000. – 127 с.
21. Миронов Н. В. Международное право: нормы и их юридическая сила / Н. В. Миронов. – М. : Юридическая литература, 1980. – 160 с.
22. Кучеров И. И. Теоретические вопросы международного налогового права и его место в системе налогово-правового регулирования / И. И. Кучеров // Финансовое право. – 2006. – № 1. – С. 44–48.

REFERENCES

1. Bruk B.Ya. Suspension of international treaties on taxation: Russian experience. *Zakon = Law*, 2022, no. 10, pp. 139–141. (In Russ.).
2. Kilinkarova E.V. Avoidance of double taxation after Russia partially suspended international double tax treaties. *Nalogoved*, 2024, no. 1, pp. 21–29. (In Russ.).
3. Nikiforov A., Chervonnaya S. What can businesses expect from the suspension of double taxation agreements?. *EZH-Bukhgalter*, 2023, no. 34, pp. 5–6. (In Russ.).

4. Sosnovsky S.A. What is the source of taxes established after the suspension of double taxation agreements?. *Nalogoved*, 2024, no. 3, pp. 35–41. (In Russ.).
5. Sosnovsky S.A. Termination and suspension of tax agreements: procedure and consequences. *Nalogoved*, 2023, no. 6, pp. 31–34. (In Russ.).
6. Khavanova I.A. Denunciation and suspension of double taxation avoidance agreements (theory and practice). *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2023, no. 1, pp. 22–25. DOI: 10.18572/1813-1220-2023-1-22-25. (In Russ.).
7. Osminin B.I. Legal models of termination and suspension of international treaties by States. *Zhurnal za-rubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 4, pp. 116–133. (In Russ.).
8. Khavanova I.A. The Legal Model of Partial Suspension of International Tax Treaties of Russia. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2023, no. 10, pp. 20–25. (In Russ.).
9. Khavanova I.A. Overriding the rules of international tax treaties by the means of the national law of one of the parties (“Tax treaty override”). *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 95–104. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).95-104.
10. Crandall F. The Termination of the United States-Netherlands Antilles Tax Treaty: What Were the Costs of Ending Treaty Shopping. *Northwestern Journal of International Law & Business*, 1988, vol. 9, iss. 2, pp. 355–381.
11. Schoeller M.B. The Termination of the United States–Netherlands Antilles Income Tax Convention: A Failure of U.S. Tax Policy. *University of Pennsylvania Journal of International Law*, 1988, Vol. 10, iss. 3, pp. 493–515.
12. Khabrieva T.Ya. Fundamentals of interaction between international and national law, in: Khabrieva T.Ya., Tikhomirov Yu.A. (eds.). *Vliyaniye mezhdunarodnogo prava na natsional'noye zakonodatel'stvo*, Proceedings of the meeting of the International School-Workshop of Young Legal Scholars (Moscow, May 24-26, 2007), Moscow, 2007, pp. 3–16. (In Russ.).
13. Kucherov I.I., Khavanova I.A. Transformation of International Tax Regulation and National Interests. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2024, no. 4, pp. 103–118. (In Russ.).
14. Osminin B.I. Priority application of international treaties in the national legal system: conditions and consequences. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 12, pp. 160–173. DOI: 10.12737/article_5a2005088782b0.46114176. (In Russ.).
15. Ponomareva K.A. The acts of the EU tax law and double tax treaties: the problems of correlation in establishing anti-tax avoidance rules. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 175–186. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).175-186.
16. Boldyrev S.N. Reference as a method of legal technique. *Filosofiya prava = Philosophy of law*, 2014, vol. 5 (66), pp. 27–30. (In Russ.).
17. Baranov V.M. References in Law-Making Acts: Technical and Legal Defects and Ways to Overcome Their Harmful Consequences. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2022, no. 3, pp. 5–21. (In Russ.).
18. Chernogor N.N., Zaloilo M.V. *Actual problems of lawmaking*. Moscow, Institute of legislation and comparative law Publ., 2018. 144 p. (In Russ.).
19. Khabrieva T.Ya., Lazarev V.V. (eds.). *Judicial practice in the modern legal system of Russia*, Monograph. Moscow, Institute of legislation and comparative law Publ., NORMA Publ., INFRA-M Publ., 2017. 432 p. (In Russ.).
20. Kerimov D.A. *Legislative technique*, Scientific and methodological and educational manual. Moscow, NORMA Publ., 2000. 127 p. (In Russ.).
21. Mironov N.V. *International law: norms and their legal force*. Moscow, 1980. 160 p. (In Russ.).
22. Kucherov I.I. Theoretical issues of international tax law and its place in the system of tax regulation. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2006, no. 1, pp. 44–48. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хаванова Инна Александровна – доктор юридических наук, главный научный сотрудник
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации
117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Inna A. Khavanova – Doctor of Law, Chief researcher
Institute of Legislation and Comparative Law under
the Government of the Russian Federation
34, B. Cheremushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russia
E-mail: fin@izak.ru
ORCID: 0000-0003-3722-5089

E-mail: fin@izak.ru
ORCID: 0000-0003-3722-5089

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Хаванова И.А. Каверзы отсылок к временно недействующим нормам международных налоговых договоров / И.А. Хаванова // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 133–142. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).133-142.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Khavanova I.A. The complexity of references to the temporarily suspended norms of international tax treaties. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 133–142. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).133-142. (In Russ.).

«САНКЦИОННОЕ ПРАВО»: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

С.В. Бахин

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

10 мая 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Санкции, санкционная политика, международное право, международное частное право, национальное право, право ЕС, глобальная конкуренция, торговые барьеры, контрмеры, международное право конкуренции, Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния

Экономические санкции рассматриваются в контексте соотношения правовых систем. Ныне «санкционное право» – совокупность разрозненных правовых установлений и практик, позволяющих использовать санкции как инструмент в глобальной конкурентной борьбе. Правовое регулирование рестрикций должно быть увязано на уровне правовых систем и базироваться на положениях международного права, предполагающего свободный торгово-экономический обмен без торговых барьеров. Подчеркнута важность разграничения санкций, нормированных международным правом, и контрмер как инструмента реагирования государств на нарушения права государством-контрагентом. Предлагается задействовать положения Проекта статей об ответственности государств, обосновывается необходимость формирования международного права конкуренции

“SANCTIONS LAW”: PROBLEM STATEMENT**

Sergey V. Bakhin

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

Article info

Received –

2024 May 10

Accepted –

2024 September 20

Available online –

2024 December 20

Keywords

Sanctions, sanctions policy, international law, international private law, national law, EU law, global competition, trade barriers, countermeasures, international

The unilateral coercive measures of states also wrongly called sanctions have occupied a significant place in law; the current state of the latter is analyzed. The complex set of legal rules have appeared concerning sanctions exactly, countersanctions targeted against them and their legal consequences as well as restrictions, prohibitions and exemptions caused by the sanctions policy. Lawyers have to deal with numerous conflicts related to the implementation of prohibitions imposed on already highly complex structure of the foreign economic activity's regulation.

It impacted the perception of law from the point of view of systematic approach as soon as it needs to be determined what area of law the unilateral state restrictions belong to and what is the relationship between the national and the international legal regulation hereof from a formal legal point of view. The sanctions are considered by the author within the context of the correlation between legal systems and the logic of interaction between them. Nowadays the sanctions law is the combination of disparate legal provisions and practices allowing to use the sanctions as the instrument in the global competitive clash. Historical

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2023-0004 «Цифровизация и формирование современного информационного общества: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты»).

** The article was prepared at the State Academic University for the Humanities within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2023-0004 "Digitalization and the formation of a modern information society: cognitive, economic, political and legal aspects").

competition law, Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts

and comparative legal analysis methods enable to confirm that the terminological substitution happened at a certain historical point: the term “sanctions” began to be used in relation not only to measures taken by the Security Council under the UN Charter, but also to unilateral state acts. Dialectical and logical approaches allowed to trace the meaning and the purpose of the international legal regulation in the sphere of international trade and economic relations. It has always been aimed to remove any barriers and obstacles to the free movement of goods, services, capitals and labor. Therefore, an arbitrary and uncontrolled sanctions pressure contravenes the meaning and the purpose of the existing international law. The regulation of the unilateral state restrictions shall be interrelated at the level of legal systems and be based on the rules of the international law providing for the free trade and commercial exchange without trade barriers. The importance of the distinction between sanctions provided for by the international law and countermeasures as the means of states response to the violation of law committed by another state is emphasized. The author concludes that it is necessary to adopt the special international legal regulation regarding the conditions of imposing countermeasures, suggests to use the provisions of the Draft Articles on State Responsibility and substantiates the need for the establishment of the international competition law.

1. Введение

В области права набирает силу новое направление, которое может быть обозначено как «санкционное право». Конечно, феномен этот как таковой возник и существует достаточно давно, однако повальное увлечение санкционными рестрикциями именно в Новейшее время привело к возникновению широкого круга правовых вопросов, сопряженных с введением санкций и контрсанкций, а также их правовых последствий и обусловленных санкционной политикой ограничений, запретов и изъятий. Юристам приходится разрешать большое количество правовых коллизий, связанных с реализацией широкого круга запрещающих предписаний, которые накладываются на и без того весьма сложную сферу внешнеэкономической деятельности.

Для обобщения указанного широкого круга правовых вопросов новое направление в юриспруденции и позитивном праве вполне правомерно именовать санкционным правом. Естественно, что этот термин весьма условен, однако он дает общее представление о том, к какой именно сфере относится обозначаемое явление и о чем вообще идет речь. Вместе с тем можно констатировать, что в нынешнем его виде «санкционное право» нельзя рассматривать как скоординированный правовой комплекс, поскольку установления в международном и национальном праве, а также праве интеграционных образований на этот счет существуют обособленно и никак не соотнесены между собой. Основой исследования феномена «санкционного права» стали базовые методы диалектики, логики и системного анализа. Для решения возникших проблем при-

менены сравнительно-правовой, догматический (формально-юридический) и исторический методы.

2. Санкционное противостояние и право

Необходимо, однако, прояснить: действительно ли вопросы, связанные с санкционной политикой, являются столь новыми? Стремясь показать, что экономические санкции известны человечеству с древнейших времен, обычно ссылаются на первый известный в истории случай торговой блокады, когда в 432 г. до н. э. в Афинах была издана так называемая Мегарская псефизма (решение), запрещающая полису Мегаре осуществлять торговые операции в Афинах и во всех городах Делосского союза [1, р. 4].

Ссылки на многочисленные примеры санкционных столкновений, когда одни государства применяли против других торговые эмбарго, блокады, меры по ограничению или запрету экспорта, импорта и т. д., на протяжении всей человеческой истории должны как бы подтвердить, что санкции известны человечеству давно и что они «освящены» длительной практикой их использования. Между тем с подобной аргументацией согласиться трудно. Во-первых, применение санкций *de facto* никак не легализует их в юридическом плане. Существование подобного обычая должно быть доказано, а таких доказательств, особенно в плане существования *opinion juris*, никем пока не приведено. Во-вторых, беспрецедентный размах, который политика санкций получила во второй половине XX в. и в начале XXI в., никак не сопоставим с ее правовым опосредованием.

Изучение феномена санкционной политики ведется широким фронтом, в нем активно участвуют специалисты в сфере философии, экономики, социо-

логии, политологии, международных отношений, юриспруденции, представители бизнес-структур в области финансов, инвестиций, трансграничных расчетов, транспортировки товаров, логистики и т. д.

Затронул этот процесс и сферу юридической практики. Оказались востребованными юристы, специализирующиеся на вопросах обхода санкционных ограничений, поиска безопасных логистических схем и расчетных транзакций. Юридические фирмы предлагают услуги по выстраиванию трансграничного бизнеса, поиску нетоксичных партнеров и лояльных юрисдикций. Фактически появилась и новая юридическая профессия – специалист по санкционным ограничениям. В юридических вузах открывается особая профессиональная подготовка и вводятся новые специальные курсы.

Сегодня трудно предугадать, сколь долго еще будет продолжаться нынешняя санкционная вакханалия и какую конфигурацию в будущем обретет «санкционное право». Но очевидно, что она получила такой размах благодаря правовому вакууму в международном и национальном праве. Надо полагать, что в обозримой перспективе будут выстраиваться правовые рамки для введения санкций и адекватного ответа на них.

Понятно, что термин «санкционное право» можно использовать лишь условно, поскольку он в самом общем виде указывает на соотносимость данного феномена с правом. Вместе с тем вполне очевидно, что этот термин не корреспондирует общепринятой градации права на отрасли, подотрасли, правовые институты и т. д., которые обычно выделяются в соответствии с предметом и методами правового регулирования. В обширной литературе, посвященной санкциям, подчас даже не затрагивается вопрос о том, к какой области права следует отнести правоположения, посвященные санкциям.

Но имеющиеся из этого правила исключения для нас небезинтересны. В 2019 г. была опубликована монография, посвященная экономическим санкциям в международном частном праве (далее – МЧП) Европейского Союза (далее – ЕС) [2]. Автор этого фундаментального труда Тамаш Сабадуш (Венгрия) отталкивается от общего постулата о том, что экономические санкции являются инструментами внешней политики и международного публичного права. Рассмотрение санкций в качестве политического инструмента нередко сопровождается достаточно откровенным изложением их назначения: «за концепцией санкций стоит идея причинения народу страны – объекта санкций как можно больших стра-

даний с тем, чтобы народ воздействовал на свое правительство» [3, с. 346–347]. Тем самым открывается как бы обратная сторона санкций – их пагубное влияние на правовые отношения между участниками частноправового оборота. Именно воздействие санкций на частных лиц стало предметом детального анализа в монографии Т. Сабадуша. Наше внимание привлекла сама постановка вопроса автором.

Т. Сабадуш явно идет вразрез с господствующей в правовой доктрине концепцией цивилистического толкования МЧП, согласно которой правоположения, регламентирующие трансграничные частноправовые отношения, могут относиться исключительно к национальному праву и не имеют отношения к праву международному.

Согласно этой идее, в каждом государстве действует собственное МЧП, и можно вести речь об МЧП Франции, МЧП Японии, МЧП Аргентины и т. д. Правда, в последнее время из этого правила делается одно исключение, каковым объявляется МЧП ЕС. По такому пути идут, например, Алонсо-Луис Кальво Каравака и Хавьер Карраскоса Гонсалес (Испания), указывая, что «Европейский Союз, хотя и не является государством, тем не менее располагает собственной системой МЧП, это МЧП Европейского Союза» [4, р. 4]. По сути дела, это констатация, хотя и вынужденная, того неопровержимого факта, что регламентация трансграничных частноправовых отношений может исходить не только от государств, но также иметь источником международное публичное и интеграционное право (т. е. право интеграционных образований, подобных ЕС) [5, с. 160–161].

Следовательно, пора уже отказаться от представления, что МЧП – лишь специфический срез гражданского права. Именно санкции демонстрируют тесную взаимосвязь международного и национального права в регламентации частноправовых трансграничных отношений. Очевидно, что вопросы санкций и их последствий затронут такие сферы, как международное экономическое, финансовое, транспортное и инвестиционное право, вопросы культурного и научного сотрудничества, гуманитарных обменов и т. д. Несомненно и влияние санкционного противостояния на международный гражданский процесс, т. е. вопросы судебного и арбитражного рассмотрения споров, юрисдикции, исполнения судебных и арбитражных решений. Некоторые специалисты даже ведут речь о формировании новых инструментов судебной защиты интересов частного бизнеса [6, с. 126–131]. Несомненно, что санкционная тематика станет частью и интеграционного права.

Отнюдь не праздным является вопрос о правомочности применения санкций интеграционными группировками, в частности такой, как ЕС. Созданное с целью экономической интеграции, это объединение имеет собственные экономические интересы. В связи с этим возникает вопрос: не являются ли санкции лишь предлогом для переформатирования ситуации в свою пользу? Поскольку в современном мире действует значительное число экономических блоков, вопрос об использовании санкционных ограничений против конкурентов не может быть оставлен без внимания. Нередко мы сталкиваемся с ситуациями, когда санкции используются в качестве инструмента для ослабления экономического потенциала отдельных государств или их групп [7, с. 15]. Не окажется ли мир разделенным на локальные экономические единицы, вступившие в непримиримое противостояние друг с другом?

Когда речь идет о санкциях, вопрос о соотношении предписаний международного, интеграционного и национального права становится ключевым. Разнотечения в предписаниях правовых систем позволяют во многих случаях обходить санкции или вообще их игнорировать. Но это всегда превращается в весьма сложную юридическую задачу соотнесения правовых предписаний по их правовой природе и степени обязательности. Не получим ли мы в итоге правовую полифонию, разобраться в которой для хозяйствующих субъектов станет невозможно?

Прискорбен и тот факт, что исследование феномена санкций в правовой доктрине никак не скоординировано. По сути, обособлено изучение санкций с точки зрения различных правовых дисциплин и, более того, правовых систем. В результате предмет изучения оказывается как бы в «серой зоне», т. е. на стыке международного, интеграционного и национального права. Подобная ситуация приводит к тому, что и выводы специалистов оказываются в целом ряде случаев в «параллельных мирах», они не корреспондируют друг другу. Такую ситуацию следует признать неприемлемой, вполне очевидно, что уже давно назрела необходимость широкого междисциплинарного исследования феномена экономических санкций. Нельзя не признать, что в этом отношении никаких значимых шагов не предпринято, и «санкционное право» как было, так и остается *terra incognita*.

3. Санкции и глобальная конкуренция

В современном мире мы имеем дело с двумя разнонаправленными тенденциями. Общим местом стали рассуждения о том, что роль государства в ре-

гулировании рыночных процессов и частноправовых отношений должна быть сведена к минимуму. В рамках глобализации и парадигмы либерального мироустройства государство должно уйти из экономики, поскольку частные стороны более эффективно смогут упорядочить свои взаимосвязи, государство же не должно вмешиваться в регламентацию этих отношений вовсе.

По мнению Юргена Базедова (Германия), изменение приоритетов в регулировании интернациональных частных связей предопределено трансформацией международных экономических отношений под воздействием широкой проницаемости национальных границ, взаимозависимости национальных экономик и интернационализации жизни отдельных индивидов. Свободное движение лиц, товаров, услуг, капиталов и информации создает открытые общества, которые предполагают свободу выбора регуляторов, такие связи опосредующих [8].

С другой стороны, мы имеем дело с прямо противоположной тенденцией – всё возрастающего участия государства в осуществлении трансграничного частноправового бизнеса. Мы можем наблюдать не только расширение влияния государств на экономические процессы, но и превращение государства в активного игрока, отстаивающего интересы принадлежащих ему хозяйствующих субъектов [9].

Хотя и с рядом оговорок, Ю. Базедов всё же признаёт, что существуют области социально-экономической активности, которые государство не оставляет вне своего контроля, но при этом он даже не упоминает об экономических санкциях. Между тем именно экономические санкции стали ныне важнейшим инструментом в конкурентной борьбе [10].

Значение санкций как инструмента экономической политики юристами практически не исследуется, зато подробно анализируется в литературе по экономике. Одним из центральных при этом рассматривается такое понятие, как «глобальная конкуренция». Экономисты детально отслеживают, какие технологии и инструменты используются государствами с целью получения односторонних преимуществ в борьбе за экономическое доминирование.

Арсенал средств, задействованных в этой борьбе, достаточно широк: экстерриториальное применение своего права; присвоение юрисдикции; формирование закрытых экономических группировок; создание «надгосударственных» структур, которые присваивают себе право на принятие обязательных решений без согласия на то государств; формирование «надгосударственного» права или «права, осно-

ванного на правилах». Всё это – звенья одной цепи, опоясавшей весь земной шар и именуемой глобальной конкуренцией.

Экономистами прослеживается, какую роль играют в этом процессе санкции. Подчеркивается, что санкции представляют собой исходящую извне угрозу для конкурентоспособности определенной страны, производственного комплекса, отрасли, компании, дабы нанести им максимальный урон. Санкции нацелены на изоляцию того, на кого они направлены, что является «действенным способом устранения с рынка конкурента, его ослабления, разрушения его конкурентных преимуществ и условий жизнедеятельности» [11, с. 29].

Санкции тщательно продумываются с точки зрения последовательности осуществления: сначала наносится прямой ущерб адресату, затем формируется зона повышенной неопределенности и возросших рисков – косвенный ущерб для делового климата и инвестиций и, наконец, включается «эффект домино» для производственной конкуренции и взаимосвязанных поставок по всей цепочке внешнеэкономических связей [12, с. 70]. Это дает «кумулятивный эффект» – наносится удар по кооперационным моделям, хозяйственному развитию, финансово-кредитной системе, инвестиционным связям, состоянию национальной валюты и т. д.

Прослеживая, как именно развивается и к каким результатам приводит санкционное противостояние, экономисты подчеркивают, что последствия рестрикций затрагивают не только государство-мишень, но и мировую экономику в целом. Страдают не только принадлежащие ему хозяйствующие субъекты, но и их контрагенты, поставщики, смежники и т. д. Санкции нарушают нормальное течение бизнеса и приводят к тому, что он функционирует в режиме экономико-технологического коллапса.

4. Санкции и международное право

Вот здесь самое время посмотреть на описанную ситуацию с точки зрения международного права, поскольку нарисованная нами картина противоречит не только его отдельным нормам, но самому смыслу и назначению этой правовой субстанции. Длительное время усилия международного сообщества были направлены на выстраивание таких правовых устоев, которые обеспечивали бы благоприятные условия для международного торгового-фи-

нансового взаимодействия, разделения труда и взаимовыгодного обмена товарами, финансами, услугами, факторами производства.

Формирование основ действующей системы международного права было заложено в 1945 г. с подписанием Устава ООН. В нем зафиксированы принципиальные координаты мироустройства – основные принципы международного права, в числе которых принципы неприменения силы и угрозы силой (в том числе экономического давления), сотрудничества, невмешательства во внутренние дела других государств (в том числе его экономику), защиты прав человека и т. д. На этой базе выстроено всё здание международного права.

Но этого мало. Поскольку ООН создавалась после беспрецедентного военно-политического конфликта – Второй мировой войны, – первоначально ставилась цель предотвратить повторение подобных столкновений. Поэтому в основу создаваемой организации были положены вопросы военно-политической безопасности, а организацию планировалось именовать Международной организацией по безопасности. Однако в дальнейшем было сочтено необходимым дополнить вопросы военной безопасности безопасностью экономической, так как в большинстве случаев к конфликтам приводят именно экономическое разногласия. Организация была названа Организацией Объединенных Наций¹, а в качестве одного из ее главных органов был учрежден Экономический и социальный совет (ЭКОСОС) как орган, призванный обеспечивать эффективное и взаимовыгодное сотрудничество в хозяйственно-экономической сфере.

Но этим дело не ограничилось, и в связи с ООН были поставлены организации, призванные содействовать сотрудничеству во всех сферах экономики, финансов и хозяйствования. Это так называемые специализированные учреждения ООН, смысл деятельности которых предопределяется общей целью ООН – обеспечивать взаимодействие государств. Каждое из них несет ответственность за содействие развитию соответствующего сектора экономических, технологических и социальных связей. Всё это должно функционировать в качестве единого организма с единой целью – обеспечения беспрепятственного сожительства государств на нашей планете.

¹ Обратим внимание в этом названии на словосочетание «Объединенных Наций», т. е. единых по преследуемым организацией задачам.

Первоначально планировалось создание специального института – Международной торговой организации, однако ее формирование натолкнулось на ряд серьезных межгосударственных противоречий. Тем не менее 30 октября 1947 г. был подписан уникальный международный договор – Генеральное соглашение по тарифам и торговле (далее – ГАТТ). На протяжении почти полувека этот договор (а на его основе возникла одноименная международная организация) выполнял функции координации в сфере международной торговой политики. В 1994 г. в результате преобразования ГАТТ была создана Всемирная торговая организация (далее – ВТО). Сфера ее действия была расширена, в ее компетенцию были включены услуги, торговые аспекты инвестиций, интеллектуальной собственности, торговых барьеров, происхождения товаров, санитарных и фитосанитарных мер, сельского хозяйства и т. д.

Какая же цель была поставлена перед ГАТТ, а впоследствии ВТО? Она довольно проста – снятие любых барьеров и препятствий для международной торговли. Мы не станем обсуждать, насколько эффективной оказалась деятельность ВТО в этом направлении, но задача состояла именно в этом.

Однако усилия по установлению благоприятных для международного сотрудничества условий этим не ограничились. В обеспечение комфортных условий для бизнеса вовлечены сотни международных институций. Фактически любая сфера, в которой могли возникнуть препятствия для экономической активности, становилась предметом специальной регламентации. Едва ли можно переоценить совокупность международных соглашений, направленных на унификацию таможенных процедур и транспортировки товаров для ускорения движения товарных потоков.

Начатое нами перечисление можно было бы продолжать, но в этом нет необходимости, поскольку едва ли нужно доказывать, что международное право и созданные на его основе институты всегда имели целью снять любые препятствия для экономического взаимодействия государств. Эти цели недвусмысленно отражены в многочисленных документах ООН [13, с. 166–169].

Санкционная политика не просто противоречит действующему международному праву, но напрямую идет с ним вразрез. Торговые эмбарго, блокады, запреты на экспорт и импорт, финансовые рестрикции и т. д. как раз и есть те самые барьеры, которые необходимо ликвидировать или ввести в правовые рамки. Международное право сотрудничества и взаимодействия государств не должно пре-

вращаться в международное право конфронтации и противостояния.

5. Санкции и Устав ООН

Вопреки этому мы можем встретить утверждения о том, что международное право якобы легализует санкции как таковые. При этом ссылаются на положения Устава ООН, предусматривающие применение санкций Советом Безопасности ООН согласно гл. VII, регламентирующей действия в отношении угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии. Действительно, Совет Безопасности ООН уполномочен определять существование таких угроз и предпринимать в соответствии со ст. 41 и 42 Устава ООН меры по поддержанию мира и безопасности. Хотя в тексте Устава ООН термин «санкции» не используется, однако по сложившейся в доктрине во всем мире традиции, они всегда именовались санкциями, дабы избежать использования примененных в тексте Устава ООН громоздких формул.

Так продолжалось довольно долго, пока в определенный момент не произошло подмены терминов и санкциями стали именовать не только меры ООН, но и рестрикции государств, принимаемые ими в одностороннем порядке. Е.Т. Усенко и В.А. Василенко отмечали, что подмена произошла после того, как в 1980 г. США приняли меры по ограничению торговых операций с СССР, ссылаясь на участие СССР в конфликте в Афганистане. Как подчеркивали Е.Т. Усенко и В.А. Василенко (и это принципиально важно), термин «санкции» в отношении односторонних мер США получил широкое распространение с подачи западных средств массовой информации [14, с. 35].

К сожалению эта терминологическая подмена никак не была оспорена или хотя бы поставлена под сомнение в доктрине, хотя между мерами, принимаемыми ООН, и мерами, вводимыми государствами единолично, огромная дистанция. В чем же состоят различия между ними?

Во-первых, меры, принимаемые Советом Безопасности ООН, регламентированы в Уставе ООН, т. е. базируются на нормах международного права. Единоличные меры государства устанавливаются самим государством в своем национальном законодательстве по собственному усмотрению.

Во-вторых, меры Совета Безопасности ООН обязательны для всех государств, так как согласно ст. 103 Устава ООН, если обязательства члена ООН по Уставу приходят в противоречие с его обязательствами по другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по Уставу. Что касается односторонних санкций, то они устанавлива-

ются единолично и произвольно. Более того, государство, вводящее санкции, претендует на экстерриториальное действие своего законодательства.

В-третьих, меры, устанавливаемые Советом Безопасности ООН, обсуждаются коллегиально и гарантированы от предвзятой и односторонней оценки ситуации, послужившей поводом к их принятию. В данном случае предполагается коллективный контроль за тем, чтобы эти меры были адекватны ситуации.

Применительно к односторонним мерам складывается весьма парадоксальная ситуация. Государство – инициатор санкций само устанавливает в своем законодательстве положения о возможности введения санкций, констатирует факт их нарушения, определяет факт виновности другого государства, обеспечивает введение санкций, контролирует их выполнение. С точки зрения права эта ситуация абсурдна: одно и то же лицо выступает одновременно в качестве законодателя, следователя, прокурора, судьи и судебного исполнителя. Подсанкционное государство даже не имеет возможности выдвинуть доводы в свою защиту. Кто его будет слушать, приговор уже вынесен, к тому же срока он не имеет.

6. Контрмеры согласно Проекту статей Комиссии международного права ООН

Ввиду вышесказанного мы вправе утверждать, что принимаемые государствами односторонние санкции нелегитимны с точки зрения действующего международного права. Они не могут именоваться санкциями, поскольку к санкциям как таковым отношения не имеют. Это было подтверждено Комиссией международного права ООН при разработке Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния² (далее – Проект статей). В этом документе подтверждено понимание международно-правовой ответственности как наступающей за совершение международно-правового деяния и институционно обусловленной положениями Устава ООН. Был подтвержден действующий механизм применения международных санкций (принудительных мер).

Что же касается односторонних действий государств, то применительно к ним вместо термина «санкции» в Проекте статей был использован термин «контрмеры» (ст. 22; гл. II, ст. 49–54). Термин «контрмеры» в доктрине международного права трактуется в качестве ответных действий на правонарушение, не связанных с применением силы. Контр-

меры – это действия, которые сами по себе были бы незаконны, если бы не противоправные действия другого государства, совершившего нарушение своих обязательств, с целью побудить это государство выполнить свои обязательства.

Но дело даже не в терминологии, а в том, что в Проекте статей предпринята попытка ввести такие меры в правовое русло. С нашей точки зрения, эти положения имеют принципиальное значение.

Во-первых, потерпевшее государство может принимать контрмеры против государства только с целью побудить это государство выполнить его нарушенное обязательство.

Во-вторых, контрмеры должны быть ограничены во времени периодом неисполнения своих международно-правовых обязательств ответственным государством.

В-третьих, контрмеры должны быть обратимы, т. е. должны позволить возобновить исполнение соответствующих обязательств.

В-четвертых, контрмеры не могут затрагивать ряд международно-правовых обязательств государства: воздерживаться от угрозы силой или ее применения; по защите прав человека и обязательств гуманитарного характера, а также обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права.

В-пятых, принимающее контрмеры государство не освобождается от обязательства предпринять попытку к любой процедуре урегулирования спора.

В-шестых, контрмеры должны быть соразмерны причиненному вреду с учетом тяжести международно-противоправного деяния.

Помимо перечисленного в Проекте статей закреплена ряд процедурных условий, относящихся к применению контрмер (ст. 52).

Обратим внимание на продуманный и последовательный характер постановлений Проекта статей, относящихся к контрмерам. Они создают минимальные гарантии против использования контрмер как орудия давления на другие государства и превращения контрмер в инструмент конкурентной войны.

Правда, имеется вопрос, который в рамках применения контрмер должен быть рассмотрен особо. Речь идет о широкомасштабных и имеющих кумулятивный эффект последствиях применения контрмер для прав человека. В контексте защиты прав человека чаще всего речь идет лишь о последствиях, с ко-

² Доклад ООН A/RES/56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния».

торами сталкиваются граждане страны-мишени: рост потребительских цен, падение жизненного уровня, сокращение поездок за рубеж, кризис малого бизнеса и т. д. [15]. Необходим детальный анализ последствий санкционной политики в широко понимаемом гуманитарном срезе торгового, экономического, научного, культурного и гуманитарного сотрудничества.

Конечно, Проект статей является лишь предложением по содержанию будущего соглашения об ответственности государств. Однако, учитывая статус Комиссии ООН, широкое обсуждение документа международной общественностью и его сопрягаемость с целями и принципами ООН, государствам следует ориентироваться на его положения.

Жаль, что в противовес изложенному подходу порой выдвигается тезис о том, что применение принуждения к другим странам является неотъемлемым правом государства, и оно ничем не ограничено. Трудно представить себе ситуацию, при которой все государства, имеющие претензии к другим странам, начнут без всякого разбора, по велению оскорбленной души, применять санкции ко всем, кто, по их мнению, ведет себя не должным образом. Нынешние санкционные войны уже показали, куда может завести подобная интерпретация норм международного права.

7. Выводы

Конечно, нынешняя санкционная вакханалия рано или поздно пойдет на спад, государствам придется вернуться к ситуации, при которой сотрудничество и взаимодействие будут строиться на взаимном доверии и уважении интересов друг друга. Между тем, и это тоже бесспорно, преодоление последствий нынешней «войны санкций» будет достаточно сложным.

Для этого необходимо выстроить ряд твердых правовых гарантий. Уже сегодня видны их очертания.

Преодоление нынешнего кризиса невозможно вне институционных рамок ООН. Предстоит серьезная реформа ВТО, так как в ее нынешнем виде эта организация не смогла стать центром по минимизации или снятию торгово-экономических противоречий. Считаем неоправданной ситуацию, при которой ВТО находится за рамками системы ООН, что позволяет ей проводить политику, весьма далекую от принципов равенства и взаимной выгоды стран-участниц.

Но, конечно, задачей первостепенной важности является выстраивание соответствующей правовой базы. Фактически на сегодняшний день «санкционного права» как такового не существует, его еще только предстоит создать. Однако при его формировании следует решить целый ряд важных вопросов на уровне доктрины международного права.

Прежде всего, полагаем, что первый краеугольный камень в будущее здание «санкционного права» заложен – это фундаментальные положения Проекта статей об ответственности государств. По всей видимости, они могут стать отправной точкой для развития и дополнения условий и порядка введения контрмер. На доктринальном уровне предстоит решить вопрос о соотношении положений о контрмерах в нормах международного и национального права, а фактически решить вопрос о порядке и пределах экстерриториального действия национального законодательства.

Но есть еще один ключевой вопрос. На повестке дня совершенно очевидно стоит задача формирования «международного права конкуренции». Вполне понятно, что конкуренция была, есть и будет неизменным спутником сожительства государств. Однако по факту на сегодняшний день она осуществляется вне каких-либо правовых рамок. Сколь бы ни была сложна эта работа, ее следует вести уже сейчас, поскольку без правового опосредования конкуренция приобретет очертания войны всех против всех.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hufbauer G. C. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy / G. C. Hufbauer, J. J. Schott, K. A. Elliott. – Washington, D.C. : Institute for International Economics ; Cambridge, 1985. – 934 p.
2. Szabados T. Economic Sanctions in EU Private International Law / T. Szabados. – Hart Publishing, 2019. – 244 p.
3. Братерский М. В. Торгово-экономические санкции: эффективность, цена, проблемы использования / М. В. Братерский // Безопасность Евразии. – 2009. – Т. 2, № 36. – С. 335–347.
4. Calvo Caravaca A.-L. Compendio de Derecho internacional privado / A.-L. Calvo Caravaca, J. C. Carrascosa González. – Murcia, 2023. – 582 p.

5. Бахин С. В. Международное частное право: статус и правовая природа / С. В. Бахин // Международные экономические отношения: публично-правовое и частноправовое регулирование : сб. ст. в честь 100-летия со дня рождения М. М. Богуславского / сост., отв. ред. С. И. Крупко. – М. : Норма, 2024. – С. 145–161.

6. Очередыко В. П. Российская судебная защита прав хозяйствующих субъектов в условиях обострения кризиса международного права / В. П. Очередыко // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 2 (72). – С. 118–135.

7. Виноградова Е. В. Экономические санкции как инструмент международной политики / Е. В. Виноградова // Экономические и социальные проблемы России : сб. науч. тр. / гл. ред. Н. А. Макашева. – М., 2016. – № 2 : Влияние санкций на экономику России: Оценки российских и зарубежных специалистов. – С. 9–23.

8. Basedow J. *The Law of Open Societies: Private Ordering and Public Regulation in the Conflict of Laws : General Course of Private International Law* / J. Basedow. – Leiden ; Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2013. – 662 p.

9. Bakhin S. V. Economic safety of the Russian Federation and Private International Law / S. V. Bakhin // Журнал международного частного права. – 2018. – № 1 (99). – С. 24–53.

10. Фомичёва М. Экономические санкции в конкурентной борьбе / М. Фомичёва // Вестник университета. – 2016. – № 7–8. – С. 107–111.

11. Экономические санкции против России: ожидания и реальность : моногр. / под ред. Р. М. Нуреева. – М. : КНОРУС, 2017. – 194 с.

12. Новикова А. М. Санкции как инструмент глобальной конкуренции: последствия для экономики России / А. М. Новикова, В. И. Певтиев, Л. А. Титова // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4, Т. I : Гуманитарные науки. – С. 69–74.

13. Бахин С. В. Односторонние экономические «санкции» и международное право / С. В. Бахин, И. Ю. Еременко // Закон. – 2017. – № 11. – С. 160–173.

14. Усенко Е. Т. Недискриминация в международных экономических отношениях / Е. Т. Усенко, В. А. Василенко // Советский ежегодник международного права. 1983. – М., 1984. – С. 25–43.

15. Нуреев Р. М. Рядовой потребитель: бремя экономических санкций против России / Р. М. Нуреев, П. К. Петраков // Вопросы регулирования экономики. – 2015. – Т. 6, № 3. – С. 40–60.

REFERENCES

1. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A. *Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy*. Washington, D.C., Institute for International Economics Publ.; Cambridge, 1985. 934 p.

2. Szabados T. *Economic Sanctions in EU Private International Law*. Hart Publishing, 2019. 244 p.

3. Bratersky M.V. Trade and Economic Sanctions: Efficiency, Price, Problems of Use. *Bezopasnost' Evrazii = Security of Eurasia*, 2009, vol. 2, no. 36, pp. 335–347. (In Russ.).

4. Calvo Caravaca A.-L., Carrascosa González J.C. *Compendio de Derecho internacional privado*. Murcia, 2023. 582 p. (In Spanish).

5. Bakhin S.V. Private International Law: Status and Legal Nature, in: Krupko S.I. (ed.). *Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya: publichno-pravovoe i chastnopravovoe regulirovanie*, collection of articles in honor of the 100th anniversary of the birth of M.M. Boguslavsky, Moscow, Norma Publ., 2024, pp. 145–161. (In Russ.).

6. Ocheredko V.P. Russian Judicial Protection of Rights in the Context of the Aggravation of the Crisis of International Law. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Legal Journal*, 2023, no. 2 (72), pp. 118–135. (In Russ.).

7. Vinogradova E.V. Economic Sanctions as an Instrument of International Policy, in: Makasheva N.A. (ed.). *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii*, Collection of Scientific Papers, Moscow, 2016, No. 2: The Impact of Sanctions on the Russian Economy: Assessments of Russian and Foreign Experts, pp. 9–23. (In Russ.).

8. Basedow J. *The Law of Open Societies: Private Ordering and Public Regulation in the Conflict of Laws*, General Course of Private International Law. Leiden, Boston, Martinus Nijhoff Publishers, 2013. 662 p.

9. Bakhin S.V. Economic Safety of the Russian Federation and Private International Law. *Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava = Journal of International Private Law*, 2018, no. 1 (99), pp. 24–53.

10. Fomicheva M. Economic Sanctions in Competitive Struggle. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*, 2016, no. 7–8, pp. 107–111. (In Russ.).

11. Nureev R.M. (ed.). *Economic Sanctions against Russia: Expectations and Reality*, Monograph. Moscow, Knorus Publ., 2017. 194 p. (In Russ.).
12. Novikova A.M., Peftiev V.I., Titova L.A. Sanctions as a Tool of Global Competition: Consequences for the Russian Economy. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2014, no. 4, vol. I: Humanities, pp. 69–74. (In Russ.).
13. Bakhin S.V., Eremenko I.Y. Unilateral Economic «Sanctions» and International Law. *Zakon = Law*, 2017, no. 11, pp. 160–173. (In Russ.).
14. Usenko E.T., Vasilenko V.A. Non-discrimination in International Economic Relations, in: *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1983*, Moscow, 1984, pp. 25–43. (In Russ.).
15. Nureev R.M., Petrakov P.K. The Ordinary Consumer: the burden of economic sanctions against Russia. *Vo-prosy regulirovaniya ekonomiki = Journal of Economic Regulation*, 2015, vol. 6, no. 3, pp. 40–60. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бахин Сергей Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры публичного права Государственный академический университет гуманитарных наук
119049, Россия, Москва, Мароновский пер., 26
E-mail: info@gaugn.ru
ORCID: 0000-0002-8879-062X
Scopus AuthorID: 57205320943
SPIN-код РИНЦ: 1439-6952

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sergey V. Bakhin – Doctor of Law, Professor,
Department of Public Law
State Academic University for the Humanities
26, Maronovskii per., Moscow, 119049, Russia
E-mail: info@gaugn.ru
ORCID: 0000-0002-8879-062X
Scopus AuthorID: 57205320943
RSCI SPIN-code: 1439-6952

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бахин С.В. «Санкционное право»: постановка проблемы / С.В. Бахин // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 143–152. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).143-152.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bakhin S.V. “Sanctions law”: problem statement. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 143–152. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).143-152. (In Russ.).

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

УДК 347.626.1

DOI 10.52468/2542-1514.2024.8(4).153-162

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАКОННОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В РОССИИ И БОЛГАРИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Т.А. Филиппова, Е.П. Титаренко, А.В. Корнеева

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

19 февраля 2023 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Глобализация, общая
собственность, доли, раздел,
супруги, режим имущества,
вещные права

Сравнивается правовое регулирование режима общей совместной собственности в Семейном кодексе РФ с законным режимом общности, регламентированным Семейным кодексом Республики Болгария: определяются состав общего имущества, момент возникновения права общей совместной собственности (общности) на имущество, имущественные права, анализируются подходы законодателей указанных стран к формированию режимов имущественных отношений, определяются наиболее приоритетные из них. Выявлены разные подходы к защите членов семьи собственника жилого помещения в законодательстве России и Болгарии. В настоящем исследовании представлен анализ судебной практики судов России и Болгарии по вопросам определения доли каждого супруга при разделе общего имущества. Предлагается совершенствовать российское семейное законодательство путем рецепции некоторых положений Семейного кодекса Республики Болгария.

LEGAL REGULATION OF THE STATUTORY MATRIMONIAL REGIME IN RUSSIA AND BULGARIA: A COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Tatyana A. Filippova, Elena P. Titarenko, Alyona V. Korneeva

Altai State University, Barnaul, Russia

Article info

Received –

2023 February 19

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 December 20

Keywords

Globalization, common property,
shares, division, spouses, property
regime, rights in rem

The subject of the study is the legislation of the Russian Federation and the Republic of Bulgaria, in particular, the Family Codes of these states, devoted to the regulation of issues of the legal regime of the property of the spouses as well as the law enforcement practice. The objective is aimed at confirming the scientific hypothesis that the RF Family Code does not fully take into account the processes of globalization taking place in the modern world, changes in the economic sphere, the development of digital technologies. It is supposed to confirm the scientific hypothesis about the possibility of improving Russian family legislation, taking into account the experience and practice of foreign countries, primarily those having similar legal systems, common language groups, belonging to one world religion, having geographical proximity, social communities proximity as well as the ability to exchange information and orientation to the preservation of traditional family values. Research methods. The use of the method of comparative analysis made it possible to study the national legislation of Russia and Bulgaria and identify the general trends in its formation into the regime of joint property of the spouses.

Main results. This study has allowed us to confirm the conclusion that there are unresolved issues in Russian legislation, gaps related to the legal regime of property of the spouses, which give rise to controversial practice. There is a need to establish new legislative rules in the RF Family Code that meet the development trends of modern society and take into account modern realities. The analysis of Bulgarian legislation and the practice of its application have shown that the legislation of Bulgaria contains a number of provisions, to a greater extent than the Russian one, that take into account the interests of the family, minor children, former spouses when establishing matrimonial property regimes.

1. Введение

Современное общество шагнуло в новый этап глобализации 4.0 [1, с. 84], который предполагает стирание границ, увеличение объемов мировой торговли, масштабное внедрение в нашу жизнь цифровых технологий. Данная трансформация влияет и на сферу человеческих отношений [2], включая брачно-семейные. Глобализация 4.0 способствует значительному повышению числа браков, осложненных иностранным элементом. Супруги в эпоху глобализации 4.0 имеют право приобретать любое движимое и недвижимое имущество, в том числе за рубежом. Существенно упрощается поиск спутника жизни любой национальности и гражданства. Место пребывания потенциальных супругов перестает иметь определяющее значение для поиска партнера.

Указанные обстоятельства привели к тому, что имущественные отношения супругов всё более усложняются, а вопросы общей собственности на имущество возникают в самых разных аспектах и в отношении всё новых объектов. При этом российское законодательство в этой части остается в неизменном виде на протяжении советского и современного периодов, что создает противоречия между общественными отношениями и правовым регулированием.

В таких условиях особое значение приобретает сравнительный анализ¹ норм, регулирующих указанные отношения в разных странах, но в первую очередь тех, которые имеют схожесть правовых систем [7, р. 240], общность языковых групп, принадлежность к одной мировой религии, географическую близость, близость социальных сообществ, способность государств обмениваться информацией [8, р. 43]. Указанные выше маркеры предопределили выбор сравнительно-правового исследования законодательства указанных государств. Российское и болгарское право, его отрасли и подотрасли основаны на общеправовых доктринах, отраженных во Всеобщей декларации прав человека, международных пактах о правах человека, Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конституций РФ и Республики Болгария (далее – РБ).

2. Постановка проблемы

Семейный кодекс (далее – СК) РФ, принятый 29 декабря 1995 г., закрепляет правило, согласно которому после заключения брака у супругов возникает режим общей совместной собственности на имущество (п. 1 ст. 33). За время действия данная норма СК РФ не подвергалась каким-либо изменениям. Традиционно она воспринимается как продолжение известной конструкции (ст. 20 Кодекс о браке и семье РСФСР²), заложенной еще в советский период семейного права. Между тем экономическая ситуация в России претерпела значительные изменения, которые не могли не отразиться на имущественных отношениях супругов. Цифровизация экономики также неизбежно затрагивает семейные отношения и имущественные отношения супругов.

Стали обыденными случаи, когда супругами объявляют себя лица, не зарегистрировавшие свой брачный союз, в семейное право внедряется идея расширения границ договорного регулирования имущественных отношений супругов и т. п. Все эти и иные явления не могут оставаться вне зоны внимания законодателя. И если, например, гражданское, налоговое право находится в процессе реформирования под влиянием постоянно меняющихся отношений, в семейном праве таких тенденций не наблюдается, что вряд ли правильно. Требуются научные разработки, направленные на совершенствование правового регулирования режима имущественных отношений супругов.

СК РБ³ действует с 1 октября 2009 г., формировался в соответствии с европейскими принципами семейного права⁴. Болгарское семейное законодательство признаёт юридическую возможность супругов по желанию выбирать режим имущественных отношений, который они считают наиболее подходящим [9, р. 57]. В этом направлении сравнительно-правовой анализ законодательства России и Болгарии представляется актуальным и полезным.

3. Общее имущество супругов

В структуре СК обоих государств присутствуют нормы, посвященные общему имуществу супругов. Однако их наименование, расположение различны. Так, вопросы имущества супругов разрешены в раз-

¹ Demmel J.R. The Golden Rule and Divorce // HG.org Leading Lawyers. URL: <https://www.hg.org/legal-articles/the-golden-rule-and-divorce-58191>. См. также: [3–6].

² Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июня 1969 г. (утратил силу) // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/6>.

³ Семейный кодекс в сила от 1 октября 2009 г. // Ex.bg: Българският правен портал. URL: <https://www.lex.bg/laws/ldoc/2135637484>.

⁴ Европейское семейное право. URL: <http://osu.ru/sites/sempravo/about/actual>.

деле III СК РФ, названном «Права и обязанности супругов», а конкретнее, в гл. 7 «Законный режим имущества супругов» и 8 «Договорный режим имущества супругов». В отличие от СК РФ, СК РБ имеет отдельную гл. 4, которая по своему содержанию гораздо шире и включает раздел 1, посвященный общим положениям. В этой части такой подход болгарского законодателя заслуживает поддержки.

Российское законодательство содержит определение законного режима имущества супругов, которым является режим общей совместной собственности (п. 1 ст. 33 СК РФ) и который презюмируется, если супруги брачным договором не установили иное. Согласно ст. 18 СК РБ режимами имущественных отношений между супругами являются: законный режим общности, законный режим раздельности, договорный режим. При этом режим общности возникает, когда вступающие в брак являются несовершеннолетними либо они не выбрали режим имущественных отношений. Данные положения СК РБ также заслуживают поддержки, поскольку они позволяют будущим супругам самостоятельно определить режим имущественных отношений.

СК РФ в ст. 34 определяет, что следует понимать под совместной собственностью супругов. При этом не имеет значения, на имя кого из супругов приобретено имущество и кем из супругов внесены денежные средства. Отсутствие любого из указанных юридических фактов позволяет сделать вывод, что приобретенное имущество является личной собственностью одного из супругов. Однако возможны случаи, когда право на имущество, денежные средства возникает в период брака, а денежные средства или имущество поступают в собственность одного из супругов только после прекращения брака, что также позволяет говорить об общей собственности теперь уже бывших супругов.

Наверное, в советское время указанные положения были актуальны и не вступали в противоречие с существовавшими общественными отношениями. В настоящее время нормы ст. 34 СК РФ устарели, общественные отношения претерпели существенные изменения, сложилась позитивная судебная практика, которая признаёт имущество, денежные средства общей совместной собственностью даже при получении их после расторжения брака, если право на такое имущество возникло в браке⁵. Представляется, что в СК РФ нужно закрепить положение о том,

что общим имуществом признаётся имущество, приобретенное за счет общих денежных средств, которыми считаются денежные средства, полученные в браке, либо право на них возникло во время брака.

Согласно российскому законодательству существенной особенностью зарегистрированного брака, выгодно отличающегося от сожительства, является то, что супруг, осуществлявший в период брака ведение домашнего хозяйства, уход за детьми либо по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода, также имеет право на общее имущество супругов (п. 3 ст. 34 СК РФ). Данная норма, по мнению российских ученых, косвенно подтверждает тезис о том, что ведение домашнего хозяйства является общественно значимым трудом. Положение об общественно значимом труде, по их мнению, следует прямо закрепить в СК РФ [10, с. 24], что позволит хоть как-то защитить имущественные интересы в фактическом браке [11, с. 95; 12, с. 4; 13, с. 4] и надежно охранить интересы «классических супругов» при заключении брачного договора. Не оспаривая тезис об общественной значимости ведения домашнего хозяйства, считаем предложение об изменении СК РФ несостоятельным по ряду оснований. Во-первых, для того чтобы имплементацией данной нормы защитить права фактических супругов, нужно существенно изменить ст. 1 СК РФ и в целом изменить отношение российского законодателя к семье, что вряд ли уместно, когда в Российской Федерации провозглашается приоритет традиционных семейных ценностей. Анализ целого ряда положений СК РФ (п. 3 ст. 1, ст. 2, п. 2 ст. 10) позволяет заявить, что юридическое понимание брака – это союз мужчины и женщины, зарегистрированный в органах ЗАГС. Только в этом случае возможно применение норм СК РФ к такому союзу. Так что включение в СК РФ предлагаемого положения никак не отразится на фактических супругах, отношения которых регулируются нормами Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ.

Во-вторых, брачным договором супруги могут определять свои имущественные права и обязанности, и они вольны это сделать с учетом того, что один из супругов занят ведением домашнего хозяйства, либо без учета данного факта. В любом случае, этот выбор осуществляется ими добровольно.

СК РБ отдает приоритет законному режиму имущества супругов в случаях, указанных в абз. 2 ст. 18, но называет его законным режимом общности (раздел II

⁵ См., напр.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. № 1. 2020; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Рос-

сийской Федерации от 26 октября 2021 г. № 5-КГ21-101-К2. Здесь и далее акты российских судов приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

СК РБ), к которому абз. 1 ст. 21 СК РБ относит вещные права, приобретенные во время брака в результате совместного вклада. Другими словами, супружеская имущественная собственность в РБ возникает при наличии двух юридических фактов:

- а) совместного вклада супругов;
- б) брачных отношений.

Под совместным вкладом болгарский законодатель понимает объединение личных средств супругов, труда, заботы о детях, работе по хозяйству (абз. 2 ст. 21 СК РБ).

При этом болгарский законодатель, в отличие от российского, не детализирует перечень вещных прав. Предполагается, что супруги могут обладать любыми вещными правами, предусмотренными законодательством РБ, на любое имущество, не изъятое из оборота. По российскому СК к общей совместной собственности супругов отнесены их доходы от трудовой, предпринимательской, интеллектуальной деятельности и не только вещные, но и иные имущественные права.

СК РБ указывает, что права, приобретенные каждым из супругов во время брака, являются его личным владением (п. 1 ст. 33). Это означает, что доходы каждого из супругов являются его личной собственностью и не поглощаются законным режимом общности, и от воли конкретного супруга зависит, какую часть приобретенных имущественных прав он готов внести в супружескую имущественную общность. Похожие правила существуют в Германии и Швейцарии [14, с. 48] и носят название «режим отложенной собственности»⁶. При таком режиме заключение брака не влечет образования общего имущества, каждый супруг владеет, пользуется, распоряжается имуществом, приобретенным как до, так и в период брака [15, с. 85]. Германское гражданское уложение⁷ определяет законный режим как *Zugewinnngemeinschaft* – общность прироста имущества [16, с. 107]. В ходе судебного раздела имущества или бракоразводного процесса учитывается (за несколькими исключениями) прирост имущества, полученного в результате денежных вложений в период брака или партнерства, и тогда это имущество делится поровну между обоими супругами.

Представители российской школы частного права также выступают за введение в СК РФ режима отложенной собственности, поскольку, по их мнению, он позволяет учитывать вклад каждого супруга в приращение семейной собственности и наиболее справедлив при разделе имущества⁸. В таком подходе, несомненно, имеются позитивные моменты, однако они не учитывают ситуацию, когда в семье есть дети и один из супругов, как правило жена, не может работать и, как следствие, участвовать в приращении имущества. В случае расторжения брака именно она останется с ребенком (детьми) и ничего не получит при разделе имущества. Думается, что имплементировать режим отложенной собственности в СК РФ с заменой режима общей совместной собственности было бы несправедливо по отношению к женщине, но было бы разумно предложить его как один из вариантов построения имущественных отношений супругов наряду с законным и договорным режимами имущества.

4. Определение долей при разделе имущества

И российское, и болгарское законодательство допускает раздел общего имущества супругов, одинаково решая вопрос о размере доли каждого супруга, признавая их равными (п. 1 ст. 39 СК РФ, ст. 28 СК РБ). При этом не имеет значения стоимость вклада супруга, который, например, осуществлял уход за детьми и занимался ведением совместного хозяйства (п. 3 ст. 34 СК РФ, ст. 28 СК РБ).

Однако при расторжении брака между супругами СК РБ наделяет суд, рассматривающий дело, правом отойти от начала равенства долей и определить большую долю в общем имуществе тому супругу, вклад которого в приобретение общего имущества значительно превышает вклад другого супруга (абз. 3 ст. 29 СК РБ).

Безусловно, данное правоположение заслуживает анализа. Болгарские ученые справедливо поднимают вопрос о том, как доказывать разницу в размерах вкладов мужа и жены [9, р. 57]. Достаточно сложно монетизировать уход за детьми, работу по дому, управление общим имуществом (неденежный вклад), о котором говорится в абз. 2 ст. 24 СК РБ, но это возможно, поскольку в современном рыночном

⁶ Matrimonial Causes Act 1973. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1973/18>; Matrimonial Property in Europe: A Link between Sociology and Family Law. URL: <http://www.ejcl.org/123/art123-4.pdf>.

⁷ Grundbuchverordnung vom 23. September 2011 (Stand am 1. Januar 2012). URL: <http://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/20111142/201201010000/211.432.1.pdf>.

⁸ Семейное право: конференция для взрослых // Клуб Цивилистов. 2021. 23 июня. URL: <https://civilist.club/event/20210623>.

обществе услуги няни, гувернантки, клининга не являются эксклюзивными. При определении вклада супруга, не внесшего денежных средств в приращение супружеской имущественной собственности, но посвятившего себя уходу за детьми, ведению хозяйства, управлению имуществом, можно ориентироваться на существующие на рынке работ и услуг расценки. Судебная практика судов РБ относит к причинам, по которым доля одного из супругов может быть уменьшена, «такое поведение супруга, которое создает серьезный риск причинения вреда интересам другого супруга и детей обоих супругов»⁹. Так, в одном деле судом было установлено, что большая доля должна быть присуждена жене, поскольку во время брака только она содержала семью и осуществляла уход за ребенком. Ее супруг и отец ребенка большую часть времени находился за границей и не выделял денежных средств на содержание своей семьи. Суд указал, что в данном деле наличие не просто существенная разница в денежных вкладах супругов, но и «косвенный (неденежный) вклад, добровольно предоставляемый супругой»¹⁰.

Анализируемая норма, на первый взгляд, кажется правильной и защищает права супруга, чей вклад в увеличение супружеской имущественной собственности больше. Однако в жизни возможны ситуации, когда один из супругов занимается ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей, а другой строит карьеру, добивается значительных успехов. Его доход и, как следствие, размер вклада, который он вносит в семью, в разы выше, чем вклад другого супруга. Либо иная ситуация, когда один из супругов занимает должность с невысокой заработной платой (применительно к России примером может служить должность врача, учителя), а другой супруг имеет доход в десятки раз выше. Конечно, размер их вкладов в семью существенно отличается, но вот делить имущество в неравных долях, наверное, несправедливо по отношению к тому супругу, который по объективным причинам имеет невысокий доход, но при этом является ответственным семьянином, хорошим мужем, женой, родителем для своих детей. Как нам кажется, болгарский законодатель допускает такие ситуации, поэтому диспозиция нормы абз. 3 ст. 29 СК РБ содержит сочетание «суд может определить большую долю», что говорит о праве суда, несмотря на разный размер вкладов су-

пругов, сохранить равенство долей при разделе имущества по причине развода.

Неравенство долей супругов при разделе общего имущества в СК РБ также может быть обусловлено наличием общих несовершеннолетних детей, которые остаются жить с одним из родителей, если это создает для него особые трудности [9, р. 58]. Именно данный родитель вправе претендовать на большую долю в общем имуществе (абз. 1 ст. 29 СК РБ). Данный родитель также имеет право на движимое имущество, которое предназначено для заботы и воспитания несовершеннолетних детей (абз. 2 ст. 29 СК РБ).

Российский законодатель также допускает отступление от равенства долей при разделе общего имущества супругов. В ст. 39 СК РФ указаны возможные случаи, которые должны быть приняты во внимание судом, рассматривающим дело. Это наличие общих несовершеннолетних детей, которые остаются с одним из родителей, или заслуживающие внимание интересы одного из супругов. К последнему можно отнести отсутствие дохода у одного из супругов по неуважительным причинам или распоряжение общим имуществом в ущерб интересам семьи.

СК РФ так же, как и СК РБ, защищает интересы детей при разделе имущества, указывая, что вещи, приобретенные исключительно для удовлетворения потребностей несовершеннолетних детей (одежда, обувь, школьные и спортивные принадлежности, музыкальные инструменты, детская библиотека и др.), разделу не подлежат и передаются без компенсации тому из супругов, с которым проживают дети. Если родители оформляли вклады на имя своих детей, то именно дети имеют права на денежные средства, находящиеся на вкладах, поэтому они также не подлежат разделу (п. 5 ст. 38 СК РФ).

В отличие от российского СК, болгарский законодатель решает вопрос о судьбе жилого помещения, где проживает семья, в случае расторжения брака. Так, согласно ст. 26 СК РБ супруг – единоличный собственник недвижимого имущества – семейного жилища (терминология СК РБ) имеет право им распорядиться *только с согласия* другого супруга – не собственника, если оба супруга не имеют другого жилого помещения, принадлежащего им на праве общей собственности или являющегося совместно каждым из них. Получается, что если один из супругов имеет на праве собственности квартиру, а

⁹ Decree of the Plenum of the Supreme Court Nr. 5 of 1972.

¹⁰ Decision Nr. 119 of 19.02.2009 on civil case Nr. 4040/2008 of DCS.

другой не имеет жилья на праве собственности, то последний может не дать согласие на отчуждение квартиры. Серьезное решение болгарского законодателя! При отсутствии такого согласия супруг – собственник недвижимости может обратиться в районный суд за получением разрешения на продажу квартиры и получит отказ, если такое распоряжение осуществляется во вред несовершеннолетним детям и семье (ст. 26 СК РБ). Под таким вредом, очевидно, понимается ситуация, когда супруг – собственник жилого помещения желает его продать, оставив свою семью без семейного жилища. Другими словами, для того чтобы супругу – собственнику квартиры в полной мере реализовать свои полномочия собственника, нужно развестись. Вряд ли данная норма способствует созданию и укреплению семьи. Имеющий квартиру гражданин вряд ли будет заинтересован вступить в брак с лицом, не имеющим жилья, без заключения брачного договора.

Однако рассматриваемое положение СК РБ вполне согласуется с моделью защиты семейного жилища в соответствии с принципами Европейского семейного права об имущественных отношениях между супругами [17, с. 55; 18], которое, в отличие от болгарского законодателя, даже арендуемое жилье называет семейным жилищем (4:6 Принципов Европейского семейного права [19, р. 73]) и встает на защиту такого жилья, арендуемого супругами. Защита снимаемого семейного жилища в контексте данного принципа означает, что при заключении договора найма одним из супругов другой автоматически становится субъектом данного договора. Расторжение договора найма невозможно без согласия супруга, не принимавшего участия в сделке, договор найма может быть продлен по желанию супруга, не участвовавшего в заключении договора. Болгарские ученые-юристы предлагают распространить действие данного принципа и на территории Болгарии и даже считать супругов в отношениях найма жилья законными представителями друг друга [20]. В то же время практика судов РБ не позволяет расширительно толковать ст. 26 СК РБ и аналогичные нормы ранее действовавшего законодательства¹¹ и распространять действие данной нормы на снимаемое жилье, видя в этом ограничение права собственности наймодателя.

Российское законодательство также предлагает механизм защиты членов семьи собственника жилого помещения. Так, ГК РФ содержит нормы, регулирующие право членов семьи собственника жилого помещения (ст. 292). Они могут пользоваться жилым помещением на условиях, предусмотренных жилищным законодательством. При этом ГК РФ никак не ограничивает право собственника жилого помещения его продать, даже если иного жилого помещения у семьи нет. Сам собственник, как и члены его семьи, утрачивают право пользования жилым помещением, если иное не предусмотрено законом (п. 2 ст. 292 ГК РФ). Представляется, что такое правовое регулирование в большей мере согласуется с потребностями гражданского оборота, положениями ст. 35 Конституции РФ и гл. 13 ГК РФ о праве собственности.

5. Проблема определения режима собственности при расторжении брака

Режим общей совместной собственности прекращается при разделе имущества супругами или судом (ст. 38 СК РФ). Однако СК РФ умалчивает о том, сохраняется ли данный режим после расторжения брака, если раздел имущества не произведен. Данное молчание российского законодателя порождает в теории и на практике вопрос о влиянии прекращения брака на режим общей совместной собственности. Некоторые авторы считают, что после прекращения брака имущество бывших супругов становится их общей долевой собственностью [21, с. 7]. Другие полагают, что она сохраняется, но регулируется нормами ГК РФ [22, с. 61; 23, с. 76; 24, с. 13]. Дискуссии в теории порождают и проблемы в правоприменительной практике. Так, Верховный суд субъекта Российской Федерации посчитал, что после расторжения брака общая совместная собственность сохраняется и регулируется СК РФ до ее раздела¹². В свою очередь Верховный Суд РФ в одном из своих постановлений указал, что после расторжения брака общая собственность на имущество, приобретенное в браке, не прекращается, но регулируется положениями ГК РФ¹³. Признавая приоритет решений Верховного Суда РФ, трудно не увидеть неоднородность судебных постановлений. Предлагается считать обоснованной позицию Н.В. Артемьевой, которая может быть поддержана следующими доводами, основанными на анализе законодательства.

¹¹ Решение № 610 от 22 августа 2001 г. по гр. д. № 40/2001 г., II г. о. на ВКС.

¹² Апелляционное определение Верховного суда Республики Бурятия от 23 января 2013 г. по делу № 33-3655.

¹³ Определение ВС РФ от 6 июля 2016 г. №47-КГ 16-5 // СПС «КонсультантПлюс».

В соответствии с п. 3 ст. 244 ГК РФ совместная собственность возникает в случаях, предусмотренных законом. Такие случаи указаны в ст. 256 (общая собственность супругов) и ст. 257 ГК РФ (собственность крестьянского (фермерского) хозяйства). При этом ст. 252 ГК РФ регулирует особенности раздела общего имущества между участниками совместной собственности. Интересен вопрос, кого понимает ГК РФ под участниками общей совместной собственности: только тех, кто указан в ст. 256, 257 ГК РФ, или более широкий перечень субъектов. В п. 3 ст. 254 ГК РФ содержится правило о том, что основания и порядок раздела определяются по правилам ст. 252 ГК РФ, если иное не предусмотрено другими законами и не вытекает из существа отношений участников совместной собственности. Полагаем, что в данной норме ГК РФ допускает применение других законов только применительно к *основанию и порядку* раздела, но не к участникам общей собственности, о бывших супругах ГК РФ умалчивает.

Предложенные в данном пункте рассуждения о несовершенстве СК РФ совершенно не актуальны для СК РФ, который еще с 2009 г. содержит норму о том, что режим супружеской имущественной общности прекращается при прекращении брака (абз. 1 ст. 27 СК РФ).

6. Заключение

Проведенный сравнительный анализ правового регулирования законного режима имущества супругов продемонстрировал общность подходов в законодательствах обоих государств к закреплению законного режима имущества супругов, установления в этой части близких по содержанию правил (совместная собственность, режим общности, основания возникновения указанной общности и т. д.). В российском законодательстве имеются нерешенные вопросы, пробелы, связанные с законным режимом имущества супругов, которые порождают противоречивую практику. Существует потребность установления в СК РФ новых законодательных правил, отвечающих тенденциям развития современного общества. Законодательство Болгарии, основанное на принципах Европейского семейного права, содержит некоторые положения, в большей степени, чем российское, учитывающие интересы семьи, несовершеннолетних детей, бывших супругов при установлении режимов собственности супругов. При совершенствовании российского семейного законодательства в порядке рецепции может быть использовано болгарское законодательство и практика его применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постел-Винай К. Глобализация 4.0. и новые модели международного сотрудничества / К. Постел-Винай // Вестник международных организаций. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 82–92. – DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-04.
2. Baldwin R. Two Waves of Globalisation: Superficial Similarities, Fundamental Differences : NBER Working Paper No. 6904 / R. Baldwin, P. Martin. – National Bureau of Economic Research, 1999. – 33 p. – URL: <https://www.nber.org/papers/w6904.pdf>.
3. Ragin C. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies / C. Ragin. – Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1987. – 185 p.
4. Anastas J. W. Research Design for Social Work and the Human Services / J. W. Anastas. – 2nd ed. – New York, NY : Columbia University Press, 1999. – xvi, 599 p.
5. Trochim W. M. K. The research methods knowledge base / W. M. K. Trochim, J. P. Donnelly. – 3rd ed. – Mason, Ohio : Atomic Dog/Cengage Learning, 2008. – xv, 361 p.
6. Агамиров К. В. Прогнозирование правового поведения / К. В. Агамиров. – М., 2017. – 400 с. – DOI: 10.18334/9785990927827.
7. Yun-chien Chang. Drawing the Legal Family Tree: An Empirical Comparative Study of 170 Dimensions of Property Law in 129 Jurisdictions / Yun-chien Chang, N. Garoupa, M. T. Wells // Journal of Legal Analysis. – 2021. – Vol. 13, iss. 1. – P. 231–282.
8. Taisu Zhang. Beyond Information Costs: Preference Formation and the Architecture of Property Law / Taisu Zhang // Journal of Legal Analysis. – 2020. – Vol. 12. – P. 1–59. – DOI: 10.1093/jla/laz007.
9. Petkova Ts. Right of a greater share of the joint matrimonial property due to a contribution according to the Bulgarian family code / Ts. Petkova // Law Journal of NBU. – 2012. – № 3. – P. 56–65.

10. Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция / Н. Н. Тарусина // *Lex russica*. – 2020. – Т. 73, № 4. – С. 21–33. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033.
11. Станева А. Оригинален принос към анализа на болгаското семейно право / А. Станева // *Съвременно право*. – 2000. – № 2. – С. 94–97.
12. Захаренко В. Ю. Правовые аспекты регулирования имущественных отношений между сожительствующими лицами в России / В. Ю. Захаренко // *Семейное и жилищное право*. – 2021. – № 5. – С. 3–6. – DOI: 10.18572/1999-477X-2021-5-3-6.
13. Альбикив И. Р. К вопросу об общетеоретической характеристике наследственных прав фактических супругов / И. Р. Альбикив // *Семейное и жилищное право*. – 2012. – № 1. – С. 3–5.
14. Хазова О. А. Брак и развод в буржуазном семейном праве. Сравнительно-правовой анализ / О. А. Хазова. – М. : Наука, 1998. – 170 с.
15. Ерохина Е. В. Европейское семейное право / Е. В. Ерохина. – Оренбург : Университет, 2016. – 240 с.
16. Филатова У. Б. Особенности распоряжения имуществом, находящимся в совместной собственности супругов (бывших супругов), в России и странах Европы: сравнительно-правовой анализ / У. Б. Филатова // *Бизнес, Менеджмент и Право*. – 2013. – № 2. – С. 104–108.
17. Topuzov D. De lege ferenda за защитата на наето семейно жилище / D. Topuzov // *Правна мисъл*. – 2018. – № 4. – С. 48–60.
18. Hayward A. *Principles of European Family Law Regarding Property, Maintenance and Succession Rights of Couples in de facto Unions*, edited by Katharina Boele-Woelki, Frédérique Ferrand, Cristina González Beilfuss, Maarit Jänterä-Jareborg, Nigel Lowe, Dieter Martiny and Velina Todorova, Intersentia / A. Hayward // *International Journal of Law, Policy and the Family*. – 2021. – Vol. 35, iss. 1. – Art. ebaa014. – DOI: 10.1093/lawfam/ebaa014.
19. Boele-Woelki K. *Principles of European Family Law Regarding Property Relations Between Spouses* / K. Boele-Woelki, F. Ferrand, C. González Beilfuss, M. Jänterä-Jareborg, N. Lowe, D. Martiny, W. Pintens. – Intersentia, 2013. – xiv, 420 p.
20. Топузов Д. Представителството между съпрузи в светлината на Принципите на европейското семейно право / Д. Топузов. – *Studia Iuris*. – 2017. – Брой 1. – С. 64–78.
21. Артемьева Н. В. Совместная собственность супругов: актуальные вопросы правового регулирования и практика применения / Н. В. Артемьева // *Бюллетень нотариальной практики*. – 2003. – № 6. – С. 2–8.
22. Ходырев П. М. К вопросу об имущественных правах бывших супругов / П. М. Ходырев // *Закон*. – 2017. – № 2. – С. 57–64.
23. Савельева Н. М. Проблемы правового регулирования имущественных отношений бывших супругов по распоряжению общим имуществом / Н. М. Савельева // *Семейное и жилищное право*. – 2018. – № 1. – С. 76–77.
24. Мерзлякова И. С. К вопросу о несовершенстве семейного законодательства Российской Федерации / И. С. Мерзлякова // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2020. – № 12. – С. 10–16. – DOI: 10.18572/1813-1247-2020-12-10-16.

REFERENCES

1. Postel-Vinay K. Globalization 4.0. and New Models of International Cooperation. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii = Bulletin of International Organizations*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 82–92. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-04.
2. Baldwin R., Martin P. *Two Waves of Globalisation: Superficial Similarities, Fundamental Differences*, NBER Working Paper No. 6904. National Bureau of Economic Research, 1999. 33 p. Available at: <https://www.nber.org/papers/w6904.pdf>.
3. Ragin C. *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*, Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 1987. 185 p.
4. Anastas J.W. *Research Design for Social Work and the Human Services*, 2nd ed. New York, NY, Columbia University Press, 1999. xvi + 599 p.
5. Trochim W.M.K., Donnelly J.P. *The research methods knowledge base*, 3rd ed. Mason, Ohio, Atomic Dog/Cengage Learning Publ., 2008. xv + 361 p.

6. Agamirov K.V. *Forecasting of Legal Behavior*. Moscow, 2017. 400 p. DOI: 10.18334/9785990927827. (In Russ.).
7. Yun-chien Chang, Garoupa N., Wells M.T. Drawing the Legal Family Tree: An Empirical Comparative Study of 170 Dimensions of Property Law in 129 Jurisdictions. *Journal of Legal Analysis*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 231–282.
8. Taisu Zhang. Beyond Information Costs: Preference Formation and the Architecture of Property Law. *Journal of Legal Analysis*, 2020, vol. 12, pp. 1–59. DOI: 10.1093/jla/laz007.
9. Petkova Ts. Right of A Greater Share of The Joint Matrimonial Property due to A Contribution according to the Bulgarian Family Code. *Law Journal of NBU*, 2012, no. 3, pp. 56–65.
10. Tarusina N.N. Family as a General Legal Structure. *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 4, pp. 21–33. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033. (In Russ.).
11. Staneva A. The Original Bringing of Analysis to Bulgarian Family Law. *Syvremenno pravo = Modern Law*, 2000, no. 2, pp. 94–97. (In Bulgarian).
12. Zakharenko V.Yu. Legal Aspects of Regulation of Property Relations between Cohabiting Persons in Russia. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2021, no. 5, pp. 3–6. DOI: 10.18572/1999-477X-2021-5-3-6. (In Russ.).
13. Albikov I.R. To The Question of The General Theoretical Characteristics of The Inheritance Rights of de facto Spouses. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2012, no. 1, pp. 3–5. (In Russ.).
14. Khazova O.A. *Marriage and Divorce in Bourgeois Family Law. Comparative Legal Analysis*. Moscow, Nauka Publ., 1998. 170 p. (In Russ.).
15. Erokhina E.V. *European Family Law*. Orenburg, Universitet Publ., 2016. 240 p. (In Russ.).
16. Filatova U.B. Features of The Disposal of Property Owned Jointly by Spouses (Former Spouses) in Russia and European Countries: a Comparative Legal Analysis. *Biznes, Menedzhment i Pravo = Business, Management and Law*, 2013, no. 2, pp. 104–108. (In Russ.).
17. Topuzov D. De legeferenda for the protection of a family home. *Pravna Misl*, 2018, no. 4, pp. 48–60. (In Bulgarian).
18. Hayward A. *Principles of European Family Law Regarding Property, Maintenance and Succession Rights of Couples in de facto Unions*, edited by Katharina Boele-Woelki, Frédérique Ferrand, Cristina González Beilfuss, Maarit Jänterä-Jareborg, Nigel Lowe, Dieter Martiny and Velina Todorova, Intersentia. *International Journal of Law, Policy and the Family*, 2021, vol. 35, iss. 1, art. ebaa014. DOI: 10.1093/lawfam/ebaa014.
19. Boele-Woelki K., Ferrand F., González Beilfuss C., Jänterä-Jareborg M., Lowe N., Martiny D., Pintens W. *Principles of European Family Law Regarding Property Relations Between Spouses*. Intersentia Publ., 2013. xiv + 420 p.
20. Topuzov D. Representation between spouses in Svetlinat on Principate on European family law. *Studia Iuris*, 2017, vol. 1, pp. 64–78. (In Bulgarian).
21. Artemyeva N.V. Joint Property of Spouses: Topical Issues of Legal Regulation and Practice of Application. *Biulleten' notarial'noi praktiki = Bulletin of Notarial Practice*, 2003, no. 6, pp. 2–8. (In Russ.).
22. Khodyrev P.M. On The Issue of Property Rights of Former Spouses. *Zakon = Law*, 2017, no. 2, pp. 57–64 (In Russ.).
23. Savelyeva N.M. Problems of Legal Regulation of Property Relations of Former Spouses on The Disposal of Common Property. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing Law*, 2018, no. 1, pp. 76–77 (In Russ.).
24. Merzlyakova I.S. To The Question of The Imperfection of The Family Legislation of The Russian Federation. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, 2020, no. 12, pp. 10–16. DOI: 10.18572/1813-1247-2020-12-10-16. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Филиппова Татьяна Аркадьевна – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Алтайского края, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tatyana A. Filippova – PhD in Law, Professor, Honored Lawyer of the Altai Region, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; Head, Department of Civil Law Altai State University

Российской Федерации, заведующий кафедрой
гражданского права
Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: philippova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5151-0532

61, Lenina pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: philippova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5151-0532

Титаренко Елена Петровна – кандидат юридиче-
ских наук, старший преподаватель кафедры трудо-
вого, экологического права и гражданского про-
цесса
Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: eptitarenko@bk.ru
ORCID: 0000-0002-6333-6084

Elena P. Titarenko – PhD in Law, Senior lecturer,
Department of Labor, Environmental Law and Civil
Procedure
Altai State University
61, Lenina pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: eptitarenko@bk.ru
ORCID: 0000-0002-6333-6084

Корнеева Алена Викторовна – кандидат психоло-
гических наук, доцент, заведующий кафедрой ино-
странных языков экономического и юридического
профилей
Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
Email: korneevaalyona1@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-5278-376X

Alyona V. Korneeva – PhD in Psychology, Associate
Professor; Head, Department of Foreign Languages
of the Economic and Legal Disciplines
Altai State University
61, Lenina pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: korneevaalyona1@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-5278-376X

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Филиппова Т.А. Правовое регулирование закон-
ного режима имущества супругов в России и Бол-
гарии: сравнительно-правовой аспект / Т.А. Фи-
липпова, Е.П. Титаренко, А.В. Корнеева // Право-
применение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 153–162. –
DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).153-162.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Filippova T.A., Titarenko E.P., Korneeva A.V. Legal reg-
ulation of the statutory matrimonial regime in Russia
and Bulgaria: a comparative legal aspect. *Pravoprime-
nenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4,
pp. 153–162. DOI: 10.52468/2542-1514.
2024.8(4).153-162. (In Russ.).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

AUTHOR GUIDELINES

1. Требования к содержанию публикации

Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлению «Юриспруденция», соответствующие тематике разделов журнала.

К публикации помимо оригинальных статей, отражающих результаты научных исследований, направленных на изучение закономерностей правоприменительной деятельности в различных сферах, принимаются также комментарии законодательства, лекции, рецензии, обзоры литературы, а также научных мероприятий, затрагивающие вопросы применения широкого спектра правовых норм.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях. В исключительных случаях по решению редакционной коллегии могут публиковаться ранее опубликованные результаты исследований, имеющих наибольшую значимость, с обязательным указанием источника первоначальной публикации.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование. Авторы должны соблюдать правила цитирования, а также иные требования этики научных публикаций (COPE), гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Требования к предоставляемым документам

Автор предоставляет:

1) Реферат статьи объемом около 3 тыс. знаков на английском языке, подготовленный носителем языка либо профессиональным переводчиком. Реферат должен включать предмет исследования, цель статьи (в виде подтверждения или опровержения научной гипотезы), описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах, выводы о достижении цели исследования. Реферат на русском языке не публикуется. Реферат предоставляется в том же файле, что и текст статьи.

2) Текст статьи. **Статья в обязательном порядке должна быть структурирована, каждый раздел статьи – поименован. В обязательном введении должна быть отражена постановка проблемы, ее актуальность, краткий обзор опубликованной по данной тематике научной литературы. В заключении – выводы о разрешении поставленной научной проблемы.** В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее 25 источников, имеющих автора, в научном обзоре – не менее 50–80. В том числе рекомендуется использовать не менее 5 источников, индексируемых в Web of Science или Scopus. Самоцитирование автора допускается не более 20 % от количества источников в списке. После извещения о принятии статьи к публикации автору предлагается предоставить ее перевод на английский язык, подготовленный носителем языка либо профессиональным переводчиком.

Объем статьи должен составлять не менее 30 тыс. и не более 40 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Приоритетная форма представления статей: посредством заполнения формы на сайте журнала <https://enforcement.omsu.ru>. Статьи и другие материалы для публикации также могут быть направлены в электронном виде по e-mail: omsk.ler@gmail.com, либо направлены почтой по адресу редакции: 644065, Россия, Омская область, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзов, д. 100/1, каб. 311, А.Н. Костюкову.

3. Требования к оформлению статьи

Статья оформляется в соответствии со следующими требованиями:

1) Индекс УДК располагается в левом верхнем углу страницы, ниже по центру прописными буквами указывается название статьи, на следующей строке строчными буквами указываются инициалы и фамилия автора, а также организация, которую он представляет.

2) Со следующей строки с выравниванием по ширине страницы дается аннотация (не менее 800 знаков) и ключевые слова (8–10), выделенные курсивом. Ниже размещается текст на английском языке в том же оформлении, что и на русском: инициалы и фамилия автора, сведения о нем, название статьи, реферат около 2 тыс. знаков (на англ. яз.) и ключевые слова. Текст статьи начинается на этой же странице. Сведения о поддержке исследования грантом размещаются в сноске, привязанной к заголовку статьи. В статье в обязательном порядке выделяются разделы, каждый раздел должен быть поименован.

3) В конце статьи приводятся данные об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, почетные звания (при наличии), должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с

почтовым индексом), электронный адрес автора, контактные телефоны, SPIN-код в системе ScienceIndex, ORCID, ResearcherID (при наличии).

4) Таблицы располагаются после первого упоминания о них в тексте. Нумерация таблиц и рисунков сквозная по статье.

5) Рисунки располагаются после первого упоминания о них в тексте и могут выполняться следующим образом:

- во встроенном графическом редакторе MS Word;
- в графических редакторах (Adobe Photoshop, CorelDraw и т. п.);
- в векторном графическом редакторе Microsoft Visio и т. п.

4. Требования к оформлению ссылок

– В конце статьи должен помещаться список литературы (с целью определения рейтинга цитируемости). Публикации в нем оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003. **Список составляется в порядке упоминания работ в тексте статьи. Каждая работа имеет только один порядковый номер, в случае неоднократной ссылки на нее в тексте указывается каждый раз только этот номер.** В списке литературы название работы дается только один раз, в нем не допускаются указания «там же», «его же», «цит. по:» и т. п.

В случае, если источник имеет DOI, его указание обязательно.

– В тексте следует ссылаться следующим образом: в квадратных скобках ставится номер в порядке упоминания источника в тексте статьи с указанием страниц – [1, с. 34], (см., напр.: [2, с. 56]), (цит. по: [6, с. 88]), в случае ссылки на несколько номеров – [1, с. 55; 2, с. 346; 3, с. 78]. Если имеется в виду ссылка на работу в целом, то в тексте страницы допустимо не указывать. В списке литературы для статей обязательно приводятся первая и последняя страницы в журнале или в сборнике статей, для монографий указывается общее количество страниц.

– **Ссылки на нормативные акты** (включая законы, изданные отдельными брошюрами, конституции), архивные документы, рукописи, справочники, публикации из Интернета, газеты, иные источники, не имеющие авторства, на разного рода пояснения автора и т. п. оформляются в виде обычных постраничных сносок и **в список литературы не включаются**. При оформлении ссылок на газету необходимо указывать год, день и месяц ее выхода.

– Составленный по правилам список литературы должен иметь англоязычную версию, которая оформляется следующим образом: заголовки книг, статей, на которые дается ссылка, переводятся на английский язык, а названия журналов, сборников статей, на статьи из которых дается ссылка, – транслитерируются (стандарт BSI). Если журнал имеет официальное англоязычное название, оно указывается после транслитерированного через знак «=».

В качестве **образца** оформления списка рекомендуется использовать списки в статьях журнала, доступных по электронному адресу: enforcement.omsu.ru.

5. Процедура и условия публикации

Плата с авторов за публикацию не взимается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Статьи регистрируются редакцией. После регистрации поступившей рукописи определяется степень ее соответствия тематике журнала. Рукопись, не соответствующая тематике либо Правилам для авторов, отклоняется с извещением автора. Соответствующая тематике работа решением главного редактора или его заместителей направляется на анонимное рецензирование в соответствии с [Правилами рецензирования](#).

Датой принятия статьи в журнал считается день получения редакцией текста статьи (доработанного текста – в случае его доработки в соответствии с замечаниями рецензентов).

Отправляя рукопись в журнал, авторы принимают на себя обязательства отвечать на замечания рецензентов и вносить предлагаемые изменения, основанные на этих замечаниях. В спорных случаях, в том числе конфликта интересов, они могут обратиться в редакцию журнала с мотивированными возражениями или снять статью с публикации.

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики (COPE). Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат». В случае нарушения требований публикационной этики статьи, вышедшие в журнале, могут быть ретрагированы по инициативе редакции либо автора.

В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право», а также условиями лицензии [Creative Commons Attribution License](#).

Индексирование и присутствие журнала в базах данных

– Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утв. Минобрнауки России (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=91107547002&f=17883>).

Журнал имеет категорию K2 и согласно информационному письму Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 6 декабря 2022 № 02-1198 приравнивается к изданиям категории K1

– Web of Science™ Core Collection: Emerging Sources Citation Index™ – международная база данных научных журналов (<https://mjl.clarivate.com/>)

– Международная база научных статей и их метаданных (<https://www.crossref.org/>)

– Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU (<http://elibrary.ru/>)

– AcademicKeys.com – межуниверситетская база поиска научных журналов в соответствии с профессиональной деятельностью (<http://www.academickeys.com/>)

– Open Archives – международная база данных (<http://www.openarchives.org/>)

– ResearchBib – международная мультидисциплинарная база данных научных журналов (<https://www.researchbib.com/>)

– Ulrich's Periodicals Directory – международная база данных периодических изданий (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/>)

– КиберЛенинка – научная электронная библиотека (<https://cyberleninka.ru/>)

– Google Scholar (Академия Google) – международная система поиска научных публикаций (<https://scholar.google.com/>)

– Bielefeld Academic Search Engine международная система поиска научной информации (<http://www.base-search.net>)

Полная информация об индексации журнала представлена на его сайте (<https://enforcement.omsu.ru/jour/>)